

Федеральная служба безопасности
Российской Федерации

ЛУБЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2019

СОВЕТСКИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.
К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Сборник материалов XXIII научно-теоретической
конференции «Исторические чтения на Лубянке»
Москва, 22 ноября 2019 г.

УК №

Москва 2020

Научный редактор Н.С. Кирмель

Составитель Д.А. Евстигнеев

Лубянские чтения-2019. Советские органы государственной безопасности в годы Второй мировой войны. К 75-летию победы : сборник материалов XXIII научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». Москва, 22 ноября 2019 г. / М., 2020. 204 с.

Настоящий сборник подготовлен на основе материалов XXIII научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». В сборник вошли тексты выступлений участников конференции, в которых освещаются различные проблемы деятельности органов государственной безопасности России как в годы Великой Отечественной войны, так и в другие исторические периоды.

Материалы конференции предназначены для специалистов, а также читателей, интересующихся историей России и отечественных органов и войск государственной безопасности.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Попов А.Ю.</i> Организационно-правовые вопросы деятельности органов государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны	5
<i>Шелепов А.А.</i> Борьба с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб стран «санитарного кордона» против СССР. 1919– 939 гг.....	20
<i>Тужилин С.В.</i> Деятельность советской контрразведки в вооруженном конфликте на реке Халхин-Гол.....	33
<i>Ларин Д.А.</i> Участие советских радиоразведчиков и дешифроваль- щиков в вооруженном конфликте на реке Халхин-Гол.....	45
<i>Мозохин О.Б.</i> Реформа спецслужб Японии накануне войны с Советским Союзом.....	53
<i>Демидов А.М.</i> Военный фактор реорганизации органов госбезопасности в войсках накануне и в годы Великой отечественной войны. Февраль 1941 – апрель 1943 гг.....	63
<i>Марутин А.Г.</i> Подвиг разведчиков – выпускников 2-й Ленинградской школы НКВД СССР в Николаеве.....	73
<i>Логинов А.И.</i> Органы госбезопасности и партизанское движение в Липецком крае в 1941–1943 гг.: «работа над ошибками» на пути к Победе.....	82
<i>Терехов С.А.</i> Органы государственной безопасности Крыма в годы Великой Отечественной войны.....	93
<i>Куваев Д.В.</i> Роль контрразведки Тихоокеанского флота в укреплении боеготовности береговой обороны советского Дальнего Востока в 1939–1942 гг.....	105

<i>Морихин В.Е.</i> Участие советских пограничников в выполнении специальных заданий в годы Великой Отечественной войны.....	117
<i>Белов А.Е.</i> Проблемы и достижения комплектования пограничных войск НКВД в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.....	125
<i>Вязьменский С.Б.</i> Новые аспекты формирования и боевого пути интернационального партизанского отряда им. К.Е. Ворошилова. 1942–1943 гг.....	138
<i>Анисимов О.В.</i> Информационные и репрессивные мероприятия органов госбезопасности по дезорганизации националистического подполья (1944–1956 гг.).....	149
<i>Горшнев П.М.</i> Оперативно-боевая деятельность органов безопасности по разгрому вооруженного националистического подполья на западе и северо-западе СССР в 1940–1950-е гг.....	156
<i>Пожаров А.И.</i> Высшая школа НКГБ-МГБ-КГБ СССР – организатор подготовки кадров для спецслужб социалистических стран.....	161
<i>Хлобустов О.М.</i> Группа «А» КГБ СССР – первое подразделение антитеррора.....	169
<i>Мерзанова А. В.</i> Деятельность органов КГБ СССР по защите общественно-политического строя в отечественной историографии (1994–1999 гг.).....	180
<i>Долгополов Н.М.</i> И один «Топаз» против НАТО – воин.....	188

**Организационно-правовые вопросы деятельности
органов государственной безопасности СССР в годы
Великой Отечественной войны**

В годы Великой Отечественной войны органы государственной безопасности руководствовались правовыми актами высших органов государственной власти и управления, а также ведомственными нормативными актами.

К правовым актам высших органов государственной власти и управления относятся указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления Государственного Комитета Оборона (ГКО) и Советского правительства, совместные постановления Совета народных комиссаров (СНК) СССР и Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (ЦК ВКП [б]).

К ведомственным нормативным актам относятся: приказы, инструкции и указания НКВД СССР, НКГБ СССР, Главного управления контрразведки (ГУКР) «Смерш» Народного комиссариата обороны (НКО) СССР и УКР «Смерш» Народного комиссариата военно-морского флота (НКВМФ) СССР.

Правовые акты, регулировавшие деятельность органов госбезопасности в период войны, можно классифицировать по трем группам:

- акты, регулировавшие деятельность органов военной контрразведки на фронте: в частях и соединениях Действующей Красной армии и на кораблях Военно-морского флота;

- акты, регулировавшие деятельность органов государственной безопасности в тылу страны;

- акты, регулировавшие деятельность органов государственной безопасности в тылу врага.

Инициатива издания правовых актов, касающихся деятельности органов госбезопасности в тот период, принадлежала главным образом Государственному Комитету Обороны, сосредоточившему всю полноту власти в Советском государстве, а также Правительству СССР¹.

В правовых актах закреплялась политика Коммунистической партии и Советского государства, направленная на мобилизацию всего советского народа на разгром немецко-фашистских захватчиков.

Органы госбезопасности руководствовались такими правовыми актами высших органов государственной власти и управления, как уже упоминавшиеся Указы Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. «Об объединении Народного комиссариата внутренних дел СССР и Народного комиссариата государственной безопасности СССР в единый Народный комиссариат внутренних дел СССР» и от 14 апреля 1943 г. «Об образовании Народного комиссариата государственной безопасности СССР», постановления ГКО СССР от 17 июля 1941 г. «О преобразовании органов 3-го Управления НКО в особые отделы, и подчинении их НКВД СССР», от 10 января 1942 г. «О преобразовании органов 3-го Управления НКВМФ в особые отделы», от 21 апреля 1943 г. «Об образовании Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР и Управления контрразведки «Смерш» НКВМФ СССР», а также постановление СНК СССР от 24 июня 1941 г.

¹ Государственный Комитет Обороны был образован 30 июня 1941 г. совместным решением ЦК ВКП (б), Президиума Верховного Совета СССР и Совнаркома СССР. (См.: История Второй мировой войны 1939-1945. М.: Воениздат, 1975. Т. IV. С. 52).

«О борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе», и другими¹.

Особое значение для органов госбезопасности имели правовые акты, регулировавшие режимы военного и осадного положения. К числу таких актов относятся Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» и постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 19 октября 1941 г. «О тыловом обеспечении г. Москвы»².

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. устанавливалось, что в местностях, объявленных на военном положении, все функции государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности принадлежат военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где нет военных советов, – высшему командованию войсковых соединений³.

Военному командованию предоставлялось право привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, охраны путей сообщения, сооружений, средств связи, электростанций, электросетей и других важнейших объектов; регулировать работу учреждений и предприятий, запрещать появление на улице после определенного времени, производить в необходимых случаях обыски и задержание подозрительных лиц; воспрещать выезд и въезд в местности, объявленные на военном положении; выселять в административном порядке из пределов местности, объявленной на военном положении, или из отдельных ее пунктов лиц, признанных социально опас-

¹ Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов. М.: Русь, 2000. Т. 2. Кн. 1. С. 64–65, 67–68, 372–373.

² Там же. Кн. 1. С. 7; Кн. 2. С. 227.

³ Там же. Кн. 1. С. 5–6.

ными как по своей преступной деятельности, так и по связям с преступной средой, и т. д.

В местностях, объявленных на военном положении, все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передавались на рассмотрение военных трибуналов.

Постановлением ГКО СССР от 19 октября 1941 г. в Москве и прилегающих к городу районах было введено осадное положение. Постановлением предусматривалось: «Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте»¹.

Органы государственной безопасности строго руководствовались этими правовыми актами. Они держали постоянную связь с военным командованием и политорганами, регулярно информировали их о борьбе с государственными преступниками и, прежде всего, с вражескими парашютистами, шпионами, диверсантами, террористами, распространителями провокационных и панических слухов.

Административно-правовые режимы в местностях, объявленных на военном и осадном положении, использовались органами госбезопасности для розыска и задержания вражеских агентов, организации охраны железнодорожного транспорта и оборонных предприятий, узлов связи, учреждений и других особо важных объектов.

Правовыми актами высших органов государственной власти и управления широкие права предоставлялись органам военной контрразведки в действующей армии и зафронтовым подразделениям органов госбезопасности.

Значительно расширились права органов государственной безопасности в тылу страны. Это обуславливалось тем, что из западных районов СССР в тыловые районы страны

¹ «Известия». 1941. 21 октября.

было перебазируется большое количество промышленных предприятий, научно-исследовательских учреждений, работавших на нужды фронта. Были введены в строй новые военные объекты, значительно расширены действующие. В тылу страны формировались войсковые части и соединения, функционировали военно-учебные заведения. Все эти объекты оперативно обслуживались органами государственной безопасности.

При выяснении вопроса о правомерности борьбы советского народа с гитлеровскими захватчиками на оккупированной территории, прежде всего, нужно отметить, что, об этой борьбе в Советском Союзе до начала 1990-х гг. писалось только с положительной стороны. Исследователи предпочитали обходить так называемые «скользкие» вопросы. Однако отсутствие данных о негативных явлениях, которые имели место в некоторых партизанских отрядах¹, привело к тому, что в настоящее время появилась точка зрения о том, что партизанское движение в СССР было неправомерным и чуть ли не бандитским. Произошел переход, как это часто бывает в России, из одной крайности в другую.

Так, известная белорусская писательница, ныне проживающая в Италии, С. Алексиевич, опубликовала в газете «Известия» статью, где все партизанское движение, развернувшееся на временно оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны, назвала преступным². Возмущенными ветеранами-чекистами – участниками партизанского движения – было подготовлено опровержение, но газета его не напечатала. После судебного разбирательства по этому делу, 17 апреля 1996 г. вышло решение №

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л. 108–112; Д. 748. Л. 1–11; Д. 1107. Л. 6–15.

² «Известия». 1996 г. 29 февраля.

8 (91) Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации обязать газету «Известия» опубликовать опровержение¹.

Данная проблема затронута и в одном из трудов В.И. Боярского, который пишет, что «партизанская война – обоюдоострое оружие. Она становится инструментом в руках сепаратистов, различного рода экстремистских организаций. Тот факт, что благородное слово «партизан» легко превращается в презрительное прозвище «бандит» свидетельствует, что мы имеем дело с очень непростым явлением»².

Анализ многочисленных документов и беседы с ветеранами партизанского движения показывают, что партизанская борьба советского народа против немецко-фашистских захватчиков началась с первых дней войны, т.е. до принятия нормативных актов, регламентирующих их деятельность. Однако это не дает никакого повода относить партизан к незаконным вооруженным формированиям.

Уместно отметить, что советские партизаны боролись на основании основного закона государства – Конституции СССР 1936 года, где в ст. 133 прямо написано, что «защита Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР»³. Измена родине, т.е. нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж – карались, согласно Конституции, по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние⁴.

Деятельность органов госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отече-

¹ Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации 1994–1996. Нормативные акты, практика, комментарии. М., 1997. С. 188–191.

² *Боярский В.И.* Партизаны и армия. История упущенных возможностей. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. С. 3.

³ Сборник законов СССР 1938–1975. М., 1975. С. 22.

⁴ Там же.

ственной войны являлась составной частью партизанского движения и регламентировалась комплексом нормативно-правовых актов. По мнению автора, можно выделить два вида нормативно-правовых источников:

1) нормативно-правовые акты СССР – Конституция 1936 года, директивы, постановления, распоряжения Государственного Комитета Оборона СССР, Совнаркома СССР и совместные с ним постановления ЦК ВКП(б);

2) ведомственные нормативные документы – директивы, приказы, инструкции, указания центральных и территориальных органов государственной безопасности СССР.

Боевая программа развертывания всенародной борьбы в тылу немецко-фашистских войск была сформулирована в совместной директиве Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП (б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» от 29 июня 1941 г., которая в отношении развертывания партизанского движения сводилась к следующему: «... в занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и так далее. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия. Для руководства всей этой деятельностью заблаговременно, под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах»¹.

Можно считать, что это было первым и важным документом, регулирующим партизанское движение с точки зрения права. Несмотря на то, что в нем ничего не было ска-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 401. Л. 8–11.

зано о роли и месте органов государственной безопасности в партизанском движении, участие в нем органов НКВД и НКГБ подспудно подразумевалось. В мирное время сотрудники и агентура именно этих государственных органов обучались и владели искусством партизанской борьбы, совершения диверсий, конспирации.

3 июля 1941 г. эта директива была фактически озвучена И.В. Сталиным в его обращении к советскому народу. В частности он сказал: «В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телеграфной и телефонной связи, поджога лесов, складов и обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия, при вынужденном отходе частей Красной армии не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба... Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывоза его в тыловые районы, хлеб, и горючее, которое не может быть вывезено, должно быть уничтожено»¹.

Партизанские действия в тылу сильного, специально подготовленного к контрпартизанской борьбе противника требовали всесторонней подготовки партизанских сил и оптимального планирования их действий. Ничего подобного Сталиным в его выступлении не предусматривалось².

В подобных условиях, вывоз и уничтожение, вместо раздачи, продуктов питания, и, прежде всего, зерна, обрекал на голодную смерть население оккупированных врагом тер-

¹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 15.

² Старинов И.Г. Мины замедленного действия. М. Вымпел, 1999. С. 123.

риторий. Дословное выполнение этих распоряжений привело бы только к резкому увеличению числа коллаборационистов, вызвало бы у местных жителей ненависть к Советской власти и армии, и толкнуло бы многих на службу противнику. После выступления Сталина усилилось скоропалительное формирование и переброска в тыл врага без должной подготовки партизанских отрядов и диверсионных групп. Между тем не была даже сформулирована их основная задача: отрезать вражеские войска от источников их снабжения¹.

На основании Постановления от 29 июня 1941 г. 5 июля была создана Особая группа при наркомате внутренних дел. Одной из задач данного подразделения была организация партизанской борьбы в тылу противника².

Сразу, после создания Особой группы НКВД началось формирование Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР. Оно было связано с необходимостью выполнения специальных заданий в борьбе с фашистскими захватчиками, вторгшимися на территорию Советского Союза. После обнародования директивы Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. эта общая задача уточняется и конкретизируется. ОМСБОН была призвана вести разведывательные и диверсионные действия на важнейших коммуникациях противника, ликвидировать вражескую агентуру, действуя отдельными подразделениями, мелкими группами и индивидуально. Развитие событий выдвинуло еще одну, не менее важную задачу: оказывать всестороннюю помощь в развитии и расширении партизанского движения, создании подполья, сплочении

¹ *Старинов И.Г.* Указ. соч. С. 123.

² *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гея, 1996. С. 149.

патриотов в тылу врага¹.

Постановление ЦК ВКП (б) «Об организации борьбы в тылу германских войск» 18 июля 1941 г. хотя и не являлось нормативным актом, но имело огромное значение. На основании этого постановления вырабатывались нормативно-правовые акты и строилась зафронтальная работа всех советских государственных органов, в том числе органов государственной безопасности.

В Постановлении говорилось: «...для обеспечения широкого развития партизанского движения в тылу противника партийные организации должны немедленно организовать боевые дружины и диверсионные группы из числа участников Гражданской войны и из тех товарищей, которые уже проявили себя в истребительных батальонах, в отрядах народного ополчения, а также из работников НКВД, НКГБ и др. В эти же группы должны быть влиты коммунисты и комсомольцы, которые не используются для работы в подпольных ячейках.

Партизанские отряды и подпольные группы должны быть обеспечены оружием, боеприпасами, деньгами и ценностями, для чего заблаговременно должны быть в надежных местах зарыты и запрятаны необходимые запасы.

Необходимо также заблаговременно позаботиться об организации связи подпольных ячеек и партизанских отрядов с советскими районами, для чего их снабдить радиоаппаратами, использовать ходяков, тайнопись и проч., а также обеспечить посылку и печатание на месте листовок, лозунгов, газет»².

В Постановлении были уже упомянуты и органы государственной безопасности, сотрудники которых в первые

¹ Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казуцкий А.С. Ненависть, спрессованная в тол. М.: Мысль, 1991. С. 4.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., испр. и доп. М., 1971. Т. 6. С. 23–24.

недели войны встали во главе многих партизанских отрядов.

Постановления Центральный комитет Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ЦК ВЛКСМ), как и партийных органов, явились для молодежи руководством к действию. 3 сентября 1941 г. ЦК ВЛКСМ принял специальное Постановление «О мобилизации комсомольцев на службу в войска Особой группы НКВД СССР». На основании этого постановления в ОМСБОН НКВД СССР прибыло 800 комсомольцев из Москвы и ряда областей страны¹.

Согласно Постановлений Совнаркома и ЦК ВКП (б), 25 августа 1941 г. приказом НКВД СССР № 001151 оперативные группы местных органов госбезопасности, призванные противостоят парашютным десантам и диверсантам противника, были преобразованы в 4-е отделы НКВД-УНКВД прифронтовых республик, краев и областей, оперативно подчиненные Особой группе при НКВД СССР².

На 4-е отделы возлагались следующие задачи: повседневное руководство организацией истребительных батальонов и диверсионных групп; организация связи с партизанскими отрядами и диверсионными группами, находящимися в тылу противника; организация агентурной и войсковой разведки районов вероятных действий партизанских отрядов и диверсионных групп, разведки тыла противника и мест переправы партизанских отрядов, изучение настроения местного населения и обстановки в районах вероятных действий партизанских отрядов и групп³.

¹ *Коровин В.В.* Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Русь, 1998. С. 138.

² *Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне.* Т. 2. Кн. 1. С. 518.

³ *ОСНАЗ. От бригады особого назначения к «Вымпелу».* 1941–1981 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 15.

В положении о работе 4-х отделов указывалось, что свои действия по организации партизанских отрядов и диверсионных групп они координируют с особыми отделами НКВД, войсковым командованием, партийными и советскими организациями. Для осуществления более тесного контакта между командованием и 4-ми отделами, последние имели своих представителей при штабах фронтов. В задачи представителей входило тщательное изучение обстановки на фронте, районов сосредоточения противника, расположения его штабов, а также участков фронта, где наиболее целесообразно проводить переброски отрядов и групп.

Анализ задач, возложенных на 4-е отделы, показывает, что они в основном сводились к организации в тылу противника агентурно-войсковой разведки, проведения диверсий силами и средствами партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп.

Следует отметить, что правовой основой для деятельности территориальных органов государственной безопасности по организации партизанских отрядов и оперативных групп явились директивы Центра. Соответственно, для городских и районных аппаратов НКВД-НКГБ директивные указания начальников областных управлений.

В целях организации активного противодействия подрывной деятельности спецслужб фашистской Германии 10 октября 1941 г. в составе 2-го отдела НКВД СССР было образовано прифронтное отделение. Это позволило лучше координировать работу с 4-ми отделами республиканских и областных НКВД-УНКВД для руководства оперативной и боевой деятельностью партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп в тылу врага¹.

Фактическая ликвидация партизанских кадров, баз снабжения, всей той огромной работы, которая велась в

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. С. 163.

СССР в конце 1920 - начале 1930-х гг. привело к тому, что в начальный период войны органы государственной безопасности столкнулись с рядом трудностей при организации партизанского движения.

Ведомственные нормативные акты позволяют увидеть недостатки, которые имелись при формировании чекистами партизанских отрядов. Так, в директиве народного комиссара государственной безопасности СССР от 16 июля 1941 г. за №222 отмечалось, что в организации партизанских отрядов, предназначенных для действия в тылу противника, допускался целый ряд недостатков: отряды комплектовались наспех из людей неопытных, не знающих местных условий и не владеющих оружием; партизаны, посылаемые на боевую работу, достаточно не инструктировались.

В целях устранения отмеченных выше недостатков и создания условий, обеспечивающих высокие боевые качества партизанских отрядов, предлагалось руководствоваться следующим: партизанские отряды формировать из местного, всесторонне проверенного партийного и советского актива, бойцов истребительных батальонов и вполне надежной, преданной советской власти агентуры, как действующей, так и состоявшей на консервации.

В документе говорилось о том, что агентуру, сведенную в резидентуры, предназначенные для действия в тылу противника, нужно включать в состав формируемых партизанских отрядов «за исключением лишь тех резидентур и отдельных агентов-осведомов»¹, которые по своим индивидуальным качествам являлись неподходящими для партизанской борьбы или имели узкоспециальное назначение (совершение террористических актов, производство диверсий на определенных важных объектах и т.п.). При отборе людей в партизанские отряды рекомендовалось подходить во всех случаях персонально, учитывать личные качества каж-

¹ Так в тексте документа (прим. автора).

дого отдельного партизана и не допускать в состав отрядов лиц, не внушающих доверия и вызывающих сомнение в их боевых качествах.

Несмотря на эти указания по улучшению организации и заброски в тыл партизанских отрядов и диверсионных групп, из-за тяжелейшего положения Красной армии на фронтах, осенью положение не изменилось. Так, в директиве НКВД СССР начальнику УНКВД по Калининской области «О мероприятиях по развертыванию партизанского движения» от 11 сентября 1941 г. указано, что «Работа УНКВД Калининской области по подготовке и развертыванию партизанского движения в районах, захваченных противником, поставлена явно неудовлетворительно».

Важным нормативным актом явилось указание НКВД СССР № 07435 «Об организации деятельности в тылу противника партизанских отрядов, истребительных и диверсионных групп» от 6 декабря 1941 г. Оно с предельной четкостью сформулировало задачи диверсионной деятельности: диверсионные группы имеют назначение – совершать систематические взрывы, поджоги, порчу и разрушения на промышленных предприятиях, электростанциях и железных дорогах в тылу противника. Таким образом, были определены основные объекты диверсий, способы совершения и некоторые вопросы тактики использования сил и средств органов госбезопасности. Суть их сводилась к нанесению ущерба противнику, не вступая с ним в боевое соприкосновение.

Подводя итоги, нужно отметить, что деятельность органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны в полной мере регламентировалось нормативно-правовыми актами СССР. Чекисты четко выполняли постановления, приказы, директивы и указания Государственного Комитета Обороны, Совета Народных Комиссаров, Центрального штаба партизанского движения и Народного комиссариата внутренних дел СССР. И если действия

сотрудников госбезопасности были незаконными, то тогда деятельность Советского народа, прилагающего невероятные усилия для победы над врагом, тоже, получается, нужно назвать незаконной. А это уже абсурд.

**Борьба с разведывательно-подрывной деятельностью
спецслужб стран «санитарного кордона»
против СССР. 1919–1939 гг.**

После окончания Первой мировой войны целью внешней политики США, Англии и ряда других стран являлась экономическая и политическая изоляция Советской России. Для реализации данной идеи была принята, а в дальнейшем и реализована концепция «санитарного кордона».

Для ее успешного достижения весомая роль отводилась разведывательно-подрывной деятельности. Об этом свидетельствует активное развитие и становление спецслужб стран Прибалтики, а структурная организация, методика и приемы работы говорят об активной помощи со стороны Англии, Франции в развитии данной отрасли.

Форпостом агентурно-оперативной и подрывной деятельности Запада против Советского Союза являлась Польша, чье географическое положение, а также крупные вооруженные силы делали ее главным потенциальным противником Красной армии. Любые возможные действия Москвы против Вильнюса, Риги, Таллинна или Бухареста лимитировались позицией Варшавы, которая предпочитала выступать на дипломатической арене в качестве регионального лидера. Громадную роль сыграла провокационная, подстрекательская политика Франции, разведка которой использовала поляков, ибо не желала рисковать ни одним из своих офицеров в полевых операциях против РСФСР, а затем СССР¹.

¹ *Ландер И.И.* Негласные войны. История специальных служб 1919-1945. Кн. 1: Условный мир. Одесса: Друк, 2007. С. 99–124.

Изучая работу спецслужб Польши в период между двумя мировыми войнами, необходимо обратить внимание на то, что польская разведка, по сути, выросла из кадров Польской организации войсковой (ПОВ) и создавалась бывшими деятелями польских подпольных организаций, вынужденными практически с нуля выстраивать разведывательный и контрразведывательный аппарат после развала Российской империи.

С завершением советско-польской войны и подписанием Рижского мирного договора начинается этап реформирования Войска польского и его организационных структур в направлении перехода на условия мирного времени. Декретом Ю. Пилсудского от 3 апреля 1921 г. Верховное командование Войска польского было ликвидировано, а входившие в его состав отделы передавались в ведение воссозданного генерального штаба и военного министерства. Приказом военного министра генерала К. Соснковского от 22 июня 1921 г. в сферу компетенции 2-го отдела генерального штаба («двуйка») были отнесены все вопросы специальной, разведывательной, информационной деятельности польских вооруженных сил. На следующий день начальником генштаба генерал-поручиком В. Сикорским был подписан приказ, определяющий новую структуру 2-го отдела и его задачи в условиях мирного времени. В их число входили: организация разведывательной, информационной деятельности, формирование и обучение кадрового состава отдела, информирование органов власти и военного управления, совершенствование форм и методов специальной деятельности, подготовка собственных мобилизационных планов на случай войны, контрразведывательное обеспечение Войска польского и других государственных полувоенных формирований.

В то же время, Москва пыталась наладить отношения с Варшавой. Делались попытки заинтересовать поляков куль-

турными и экономическими связями, однако большого успеха в этом вопросе добиться не удалось.

Обстановка в отношениях между двумя странами оставалась взрывоопасной. С началом 1927 г. последовала череда террористических актов против советских дипломатов за рубежом, а также иностранных дипломатов в Москве, к которым была причастна польская сторона.

7 июня 1927 г. на вокзале в Варшаве был застрелен полномочный представитель Советского Союза в Польской Республике П.Л. Войков. Убийцей дипломата оказался девятнадцатилетний Б.С. Коверда. Он утверждал, что «убил Войкова за все то, что большевики сделали с Россией».

Атаки на советских дипломатов продолжались и после этого вопиющего случая. 4 мая 1928 г. в Варшаве Ю. Войцеховским было совершено покушение на советского торгового представителя А. Лизарева, а 5 марта 1932 г. в Москве И. Штерн «по заданию некоторых польских граждан» обстрелял машину германского посольства. Ехавший в ней советник посольства фон Твардовский получил легкую рану в шею и более серьезную - в кисть левой руки. Выяснилось, что Штерн хотел убить не фон Твардовского, а германского посла фон Дирксена, ошибочно полагая, что именно он находится в машине. Целью покушения было «вызвать обострение отношений между СССР и Германией и тем способствовать ухудшению международного положения СССР».

Одновременно польская разведка развернула работу с позиций дипломатических, консульских, торговых, конфессиональных и иных представительств в Киеве, Минске, Москве, Ленинграде, Харькове, Одессе и Тифлисе. По подсчетам польского историка А. Пеплоньского, в период с 1927 по 1939 гг. на территории СССР под прикрытием польских коммерческих организаций и филиалов государственных структур работало 46 польских шпионских рези-

дентур. Продолжительность их функционирования была различной - от нескольких месяцев до нескольких лет.

Кроме того, польские спецслужбы стремились создать основу для постоянного сотрудничества с Румынией, Финляндией, Францией, прибалтийскими странами, а также весьма дальними на тот момент от европейских проблем, Японией и Соединенными Штатами. Так, в январе 1925 г. в Хельсинки прошла конференция представителей специальных служб Польши, Финляндии, Эстонии и Латвии по вопросам форм и методов борьбы с коммунистическим влиянием. В последующие годы 2-й отдел генерального штаба (с 1928 г. - 2-й отдел главного штаба Войска польского) постоянно проводил консультации с органами военной разведки вышеназванных государств. Основные усилия были сосредоточены на содержании разведывательных резидентур, действовавших в этих странах. Наиболее сложно складывалось сотрудничество с финнами, так как в финском генеральном штабе возрастало немецкое влияние. Несмотря на это в 1930 г. капитан М. Ходацкий, военный атташе в Гельсингфорсе, подготовил проект польско-финского разведывательного сотрудничества, основанного на противодействии Советской России.

В то же время, значительную по объему работу вели номерные территориальные органы польской военной разведки – экспозитуры, дислоцированные в Вильно (№1), Варшаве (№2), Познани (№3), Кракове (№4), Львове (№5), Бресте (№6). Приказами начальника польской военной разведки определялись места дислокации, характер повседневной деятельности, объекты разведывательного изучения экспозитур. Их общие задачи были определены приказом военного министра генерала К. Соснковского от 1 августа 1921 г. К ним относились: проведение разведывательных мероприятий в четко определенных приграничных зонах (глубина до 250 километров); разведывательное изучение воинских частей и соединений противника, объектов его военной ин-

фраструктуры; учет и первичное изучение всех поступающих разведматериалов; проведение контрразведывательных мероприятий в отношении спецслужб противника, дислоцированных в приграничье.

После ликвидации в 1926 г. экспозитуры в Бресте крупнейшими территориальными органами 2-го отдела, проводившими разведку против соседних стран (СССР, Литвы, Чехословакии), стали экспозитуры №1 в Вильно и №5 во Львове.

Сотрудники данных филиалов формировали разведывательные сети для мирного и военного времени, создавали эмигрантские националистические организации и вооруженные формирования для последующего переноса их деятельности на советскую сторону, готовили взрывные устройства и контейнеры с отравляющими веществами, поддельные документы, а также вели так называемую «глубокую разведку», дотягиваясь до Москвы и Ленинграда.

Подытоживая сказанное выше, можно утверждать следующее.

1) Впервые с польской проблематикой ВЧК столкнулась уже в самом начале 1918 г, когда 1-й польский корпус во главе с генералом И.Р. Довбор-Мусницким выступил против новой власти. Некоторые политики и общественные деятели польской национальности, проживавшие в Советской России, пытались организовать пополнение корпуса. Происходило это путем направления в район его оперирования соплеменников из числа бывших военнослужащих развалившейся русской армии, а также военнопленных.

2) ВЧК и военная контрразведка не располагали в это время какими-либо оперативными возможностями в польских кругах. Метод агентурного проникновения в интересующую среду еще не стал основным в работе советских спецслужб.

3) В этих условиях польские политики могли беспрепятственно создавать на территории РСФСР неподконтрольные

властям организации для решения некоторых задач по подготовке к образованию независимого польского государства. Несмотря на разницу в подходах к достижению цели у ряда политических и общественных деятелей, все они сходились в одном – необходимости создания воинских частей как некоего ядра будущей армии. Эта деятельность маскировалась под формирование сил для отпора германским войскам.

4) Реализации тайных планов помогала французская военная миссия. От нее шли финансовые средства, а также указания и конкретная помощь в организации переправки поляков-военнослужащих и бывших военнопленных на север и в Сибирь. Там предполагалось создать антибольшевистские силы, подконтрольные союзникам – будущим интервентам¹.

В 20-30-е гг. XX в. 2-й отдел главного штаба Войска польского представлял собой внушительную организацию, способную профессионально решать широкий спектр задач в области разведки, контрразведки и информационно-аналитической деятельности. И, тем не менее, советским чекистам, вопреки расхожим заблуждениям, занимавшимся не только борьбой с внутренними врагами революции, но и с врагами внешними, в частности с польской разведкой, удалось успешно противостоять активной агентурной работе поляков в интересах увеличения территории Польши за счет территорий Украины и Белоруссии².

По активности разведывательной работы с Польшей могли сравниться лишь некоторые Прибалтийские государ-

¹ Зданович А.А. Польский крест советской контрразведки. Польская линия в работе ВЧК-НКВД. 1918–1938. М.: Крафт+, 2017. С. 46–54.

² Рогожин П. Деятельность польской «двуйки» против советской России в 1920-е годы. URL: <https://pandoraopen.ru/2019-09-25/deyatelnost-polskoj-dvujki-protiv-sovetskoj-rossii-v-1920-e-gody> (дата обращения: 05.02.2020).

ства, с территории которых действовали практически все ведущие секретные службы. СССР рассматривал их в качестве плацдарма для ведения оперативной работы по Западу, а его противники стремились реализовать британскую концепцию блокирования советской границы от Балтийского до Черного морей. Варшава с 1919 г. приступила к образованию антисоветского «Союза прибалтийских государств», в который первоначально намеревалась вовлечь Финляндию, Эстонию, Латвию и Литву. Однако последняя, вскоре вышла из блока и заняла даже не нейтральную, а скорее просоветскую позицию. Наиболее активными членами альянса являлись Польша, Финляндия и Эстония.

Латвия придерживалась в этом отношении довольно сдержанной линии, поскольку ей было сложно противостоять советскому натиску в одиночку, т.к. руководимая полковником А. Винтерсом разведка работала вяло и беспомощно, в особенности контрразведывательный реферат. В связи с этим позднее она была включена в состав оперативного отдела генерального штаба, а Винтерс отстранен от должности и заменен подполковником Г. Киккулсом, одновременно возглавлявшим оперативный и подчиненный ему разведывательный отделы.

Латвия срочно нуждалась в поддержке, и с 30 марта по 3 апреля 1925 г. в Риге под прикрытием совещания экспертов по проблемам разоружения прошла конференция разведывательных служб Прибалтийских государств с участием Румынии. По инициативе Польши на ней обсуждались такие темы, как создание резидентур на территории СССР, организация совместной радиоразведки, использование возможностей военных атташе стран-участниц для связи с нелегальной агентурой на советской территории и совместные контрразведывательные мероприятия. В результате глубина ведения разведки была ограничена 250–300 километрами, а западная часть СССР разделена на секторы ответственности. Латвии отводилась зона операций, ограни-

ченая линиями Рига – Псков с севера и Рига – Смоленск с юга. Эстонская зона лежала между линиями Таллинн – Белоостров и Таллинн – Псков. Польский сектор ограничивался линиями Вильно – Полоцк с севера и Львов – Одесса с юга. Румыния отвечала за ведение разведки к северу от линии Черновицы – Киев.

Несмотря на наличие достаточно твердых договоренностей, Латвия по различным причинам не стала активным участником упомянутого разведывательного блока против СССР. Не последнюю роль в этом сыграло ее сближение с Литвой. Начальник информационного отдела генерального штаба Литвы майор Гирлис в 1929 г. договорился об открытии в столице Латвии своей резидентуры, а впоследствии, в тайне от Варшавы, там же прошла встреча руководителей разведок трех Прибалтийских государств и Финляндии.

В отличие от Латвии, Финляндия и Эстония отнеслись к взаимодействию в оперативной области со всей серьезностью. Оба эти государства крайне беспокоили действия СССР, не только осуществлявшего на их территории традиционные и потому в какой-то степени терпимые разведывательные операции, но и пытавшегося свергнуть их государственный строй¹.

Советско-финляндские отношения в 1920–1930 гг. были отмечены духом недоверия и враждебности. Каждая сторона считала другую потенциальным военным противником.

Недоверие правительств обеих стран обусловило активизацию разведывательной деятельности с целью получения упреждающей информации о противнике.

Финские спецслужбы были созданы в 1918 г. при участии сотрудников разведки и контрразведки царской России и Германии.

¹ Ландер И.И. Указ. соч. С. 99–124.

Основной задачей финских спецслужб было обеспечение внутренней и внешней безопасности своей страны. Однако на первоначальном этапе своего существования они вместе со спецслужбами третьих стран пытались дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в СССР, о чем свидетельствуют примеры по оказанию помощи английской разведке в переброске С. Рейли, а также подготовке и заброске террористов в Советский Союз.

В 1919 г. спецслужба разделилась на военную разведку, военную контрразведку и гражданскую центральную сыскную полицию.

Ведение разведки в интересах вооруженных сил страны, официально именовавшихся Оборонительными силами, относилось к компетенции второго (разведывательного) отдела генштаба, агентурной работой в котором заведовало отделение статистики. Оно располагало довольно развитой инфраструктурой в Виипури (Выборге), Каяани, Кивиниеми, Койвисто, Котке, Куолоярви, Куусамо, Лахденпохья, Печенге, Рованиеми, Сортавале, Териоки и Ханко, состоявшей из отдельных постов и пограничных переправочных пунктов для заброски агентуры через «зеленую» границу. Против Советского Союза действовали точки в Виипури, Каяани, Рованиеми, Сортавале и Териоки. Каждая из них отвечала за работу на своем направлении. К компетенции постов в Териоки и Выборге относилось ленинградское направление, в Сортавале – петрозаводское, в Каяани – кемско-беломорское, в Рованиеми – мурманское. За период работы с 1920 по 1925 гг. финская военная разведка забросила в СССР не менее 400 нелегалов. Кроме того, часть агентуры направлялась по официальным каналам торговли, культурного обмена, туризма и прочим.

Разведка с легальных позиций осуществлялась силами созданного в 1919 г. аппарата военных атташе. Первоначально они были аккредитованы лишь в четырех европейских столицах и подчинялись иностранному отделению раз-

ведывательного отдела генштаба, однако атташе в Москве относился к штату отделения статистики и замыкался непосредственно на заместителя его начальника. В отличие от коллег, он не совмещал свою деятельность с аккредитацией в соседних странах, а целиком сосредоточивался на изучении Советского Союза и в значительно большей степени являлся разведчиком, нежели военным дипломатом.

Может показаться невероятным, но в 1920–1930 гг. финны разрабатывали планы нападения на СССР. Для этого требовались подробные данные о противнике. С учетом предстоящей работы с родственными народами в Восточной Карелии и Ингерманландии (Ленинградская область) осуществлялся подбор сотрудников разведки. Преимущество отдавалось лицам, знающим условия жизни в указанных районах, родившимся и проживавшим там, владеющим русским языком.

Для выполнения поставленных задач финские спецслужбы привлекали к сотрудничеству бывших подданных Российской империи, бежавших в Финляндию после 1917 г. Основной упор делался на лиц карельской национальности, финнов-ингерманландцев и эмигрантов, которые участвовали в военных действиях против красных или бежали из СССР позже. Впрочем, привлекались также финские граждане из числа авантюристов. Военные разведчики предпочитали вербовать граждан Финляндии, проживавших в Советском Союзе.

Недостатков в источниках не было: в 1921–1922 гг. в Финляндии проживало свыше 33 000 подданных бывшей России. По документам 1920-1930-х гг. проходит 74 человека, совершивших разведходки в СССР, или проживавших на территории Советского Союза и оказавших помощь финским спецслужбам.

Работа финских спецслужб на территории СССР, разумеется, не оставалась без внимания советской контрразведки, которая провела ряд разоблачений.

Осенью 1925 г. ГПУ был задержан английский шпион С. Рейли. В результате выяснилось, что, начиная с 1923 г. финские и английские разведки предпринимали активные шаги по внедрению в созданную ГПУ на территории СССР организацию-ловушку «Трест». В 1927 г. в Москве и Карельской АССР арестовали нескольких террористов. В ходе следствия выяснилось, что финны и англичане подготовили в районе Хельсинки и направили в СССР для совершения различных терактов 6 групп из русских эмигрантов.

Всего в 1920-1930 гг. только по данным архива Выборгского отдела Центральной сыскной полиции ГПУ-НКВД выявило и арестовало 15 агентов финских спецслужб. Некоторых из них удалось перевербовать и привлечь к сотрудничеству.

В ходе разоблачений советская контрразведка получила непроверяемые данные о деятельности финской разведки против СССР, о задачах и структуре, сотрудниках и агентуре, формах и методах работы¹.

Остальные государства континента не были столь сильно вовлечены в тайные операции, хотя их территории зачастую активно использовались третьими странами. В качестве примера можно привести Австрию, в 1920-е гг. не располагавшую собственной разведывательной службой. Вероятно, причиной этого являлся не столько мирный характер ее развития, сколько тяжелое впечатление от шумных шпионских скандалов, регулярно сотрясавших Вену на протяжении десятков лет, тем более, что объективно Австро-Венгрия получила от своей разведки достаточно сомнительную отдачу. Большинство австрийцев полагало, что лишь недостаточность получаемой о противнике информа-

¹ *Веригин С., Лайдинен Э.* Финский шпионаж: мифы и реальность. URL: <http://indbooks.in/mirror1.ru/?p=470482> (дата обращения: 05.02.2020).

ции привела к тому, что руководство Дунайской монархии ввязалось в большую европейскую войну, не особенно задумываясь о последствиях такого шага. И хотя в действительности разведка была здесь совершенно ни при чем, непосвященным часто бывает трудно осознать, насколько впечатляющи масштабы игнорирования большинством правительств данных, добытых их собственными разведывательными службами.

Зато сама австрийская столица, положение которой позволяло поддерживать контакты как с Западом, так и с Востоком, постепенно возвращала себе положение одного из европейских центров шпионажа. Первыми в этом качестве ее использовали англичане и разместили в Вене штабквартиру континентальной секретной службы, руководившей «станциями» СИС в Европе. Там же действовала нелегальная резидентура советской военной разведки, в 1925 г. возглавляемая А.В. Емельяновым-Суриком. Она работала в основном не по Австрии, а по балканским странам, причем довольно эффективно: управляемые из Вены агентурные сети возникли в Болгарии, Греции, Югославии, Румынии и Чехословакии. Возглавлявшаяся В.И. Запорожцем резидентура внешней разведки в основном занималась эмигрантскими центрами и работала значительно менее успешно. Французская секретная служба не нуждалась в использовании Вены в качестве разведывательного форпоста на Востоке, поскольку располагала прочными контактами с коллегами в Праге, Варшаве и Бухаресте, зато активно проводила оттуда акции против Италии¹.

Концом существования «санитарного кордона» считается разгром Польши Германией. Действия последней дали советскому руководству возможность ввести 17 сентября 1939 г. войска Красной армии на территорию Западной Бе-

¹ Ландер И.И. Указ. соч. С.99–124.

лоруссии и Западной Украины, которые после проведенных там выборов и провозглашения советской власти в ноябре 1939 г. были включены в состав Белорусской и Украинской ССР, став частью Советского Союза.

В результате ликвидации «санитарного кордона» в состав СССР осенью 1939 – летом 1940 г. вошли территории общей площадью около 457 тыс. кв. км с населением в 23 млн. человек. Советские западные границы были отодвинуты от жизненно важных центров страны, и были созданы новые возможности для развертывания советских Вооруженных сил. Это значительно улучшило стратегические позиции и укрепило обороноспособность СССР.

С.В. Тужилин
г. Москва

Деятельность советской контрразведки в вооруженном конфликте на реке Халхин-Гол

В конце 30-х гг. XX в. дислоцированными вдоль советско-китайской границы японскими вооружёнными силами стали всё чаще провоцироваться военные конфликты. Так в июле-августе 1938 г. возникли территориальные претензии к СССР в районе оз. Хасан, на границе с марионеточным государством Маньчжоу-Го. Дипломатические переговоры ни к чему не привели. Тогда японцы воспользовались возможностью проверить войска в действии...

Через год, 11 мая 1939 г., японские войска совершили вооружённое вторжение на территорию Монгольской Народной Республики (МНР) в районе р. Халхин-Гол. К этому времени Советский Союз сумел перевооружить группировку войска на Дальнем Востоке, заменить командный состав, провести обучение личного состава. В соответствии с Протоколом о взаимной помощи между СССР и МНР от 12 марта 1936 г. союзнику оказали поддержку.

Поводом к развязыванию очередного вооружённого конфликта для Японии послужила спорная территория у границы МНР и Маньчжоу-Го. Монгольско-китайская граница на этом участке не демаркировалась. Конфликт стал результатом серии разведывательно-провокационных действий Квантунской группировки войска (КГВ) на границе. С января 1939 г. группы японских военнослужащих стали систематически нарушать государственную границу МНР, проникая на её территорию к восточному берегу Халхин-Гола.

В качестве предлога для начала военных действий Япония заявила претензию на участок территории МНР на восточном берегу реки, мотивировав требования тем, что гра-

ница якобы проходит не восточнее Халхин-Гола (как и было в действительности), а по середине самой реки.

В начале 1938 г. с целью усиления разведки против советского Забайкалья и МНР японцы в г. Калгане (Чжанцзякоу) организовали специальное подразделение для руководства деятельностью нескольких японских военных миссий (ЯВМ) Монгольской гарнизонной армии, находившихся на территории Внутренней Монголии¹. Начальником назначили генерал-майора Т. Мацуи². В этот же период в Калгане работал военный резидент Японии в Маньчжоу-Го генерал-майор О.[М.] Яно, оригинал доклада о Монголии которого в мае 1939 г. был представлен императору Хирохито. Парадоксально, но именно его, осуществлявшего активную разведывательно-диверсионную деятельность против МНР, впоследствии привлекла... защита главных японских военных преступников на Международном военном трибунале для Дальнего Востока в качестве свидетеля. К началу конфликта сбором разведывательной информации по советской тематике в этом же территориальном секторе занималась и ЯВМ в г. Хайларе, в то время как остальные миссии в соответствии с оперативными планами КГВ вели сбор информации о советском Приморье и Приамурье³.

Приказом командующего КГВ от 19 июня 1939 г. ответственным за разведывательную и пропагандистскую дея-

¹ Монголия Внутренняя – автономный район в составе Китая. В 1931–1945 гг. значительная часть Внутренней Монголии оккупирована Японией. В августе 1945 г. освобождена Вооружёнными силами СССР совместно с Монгольской народно-революционной армией.

² Мацуи Такуро (1887–1969). В 1910 г. окончил Военную академию. Участник японской военной интервенции на советском Дальнем Востоке. С 14 сентября 1937 г. по 10 июня 1938 г. начальник ЯВМ в г. Калгане (Чжанцзякоу).

³ Соох А.Д. *Nomonhan: Japan against Russia, 1939*. Vol. 1. P. 161; Болд Р. Ограниченная война: военно-дипломатическая история сражения у реки Халхин-Гол / Пер. с монг.; вступ. слово С.Г. Лузянина. М., 2019. С. 190.

тельность на халхин-гольском театре был назначен начальник главной ЯВМ в г. Харбине генерал-майор Х. Хата, который незамедлительно сформировал из личного состава подчинённого ему органа и отправил на помощь хайларской миссии и командованию 23-й пехотной дивизии две оперативные группы во главе с майорами С. Ньюмура и Т. Кондо. Первая должна была действовать в районе Бару-шагал, вторая – в Джанджин-Сумэ. Личный состав групп включал военнослужащих японской и маньчжурской армий, русских радистов «отряда Асано», а также перебежавших к японцам монгольских солдат.

Для сбора разведывательной информации о нумерации, дислокации, численности, вооружении и состоянии советских войск группы должны были забрасывать агентуру, захватывать и допрашивать «языков», изымать документы убитых военнослужащих, осуществлять перехват и дешифровку радиосообщений. Перед подразделениями также стояли задачи по ведению пропагандистской работы среди местного монгольского населения, распространению дезинформации, компрометации советско-монгольского командования и руководителей СССР путём подбрасывания сфабрикованных японской военной разведкой фотоснимков. Отчёты оперативных групп направлялись командованиям частей первой линии и в главную ЯВМ в г. Харбине¹.

В соответствии с Протоколом о взаимной помощи на монгольской территории с 25 августа 1937 г. разворачивался советский 57-й особый стрелковый корпус. 5 июля 1939 г. с целью объединения и направления действий 1-й и 2-й Краснознамённых армий, Забайкальского военного округа, 57-го особого стрелкового корпуса и частей Монгольской народно-революционной армии (МНРА) была создана Фронтальная группа войск (командарм 2-го ранга Г.М. Штерн) с расквар-

¹ Зорихин А.Г. Уроки Халхин-Гола // Материалы из личного архива С.В. Тужилина.

тированием в г. Чита. Непосредственное руководство операцией осуществлял из Москвы К.Е. Ворошилов. 19 июля приказом народного комиссара обороны СССР № 0036 управление 57-го особого стрелкового корпуса переформировано в 1-ю армейскую группу.

Участвуя в отражении нападения на дружественную МНР, советская контрразведка выполнила широчайший спектр задач. В частности, особые отделы НКВД в период вооружённого конфликта обеспечивали безопасность проведения операций, информировали политическое руководство страны и военное командование о недостатках в боевой готовности частей и соединений Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), войск НКВД. Поступавшие с мест сводки и докладные содержали, в основном, указания на те же пробелы, что и в период хасанских событий. Прежде всего, это касалось упущений в организации разведки противника, управления войсками и связью, подготовки личного состава. Плохо было налажено взаимодействие между различными частями. Обнаружились недостатки в МНРА – многие монгольские цирики (солдаты) боялись японской пехоты¹.

Особые отделы 1-й армейской группы направляли в Особый отдел Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР сообщения, шифротелеграммы и докладные записки о проблемах передислокации, комплектования, обеспечения и вооружения частей, направляемых в район конфликта, а также в ходе следствия по заговору, разоблаченному в МВД и МНРА МНР. На основе информации, поступавшей из органов военной контрразведки и территориальных органов внутренних дел с мест событий, из Читы и Хабаровска, в НКВД СССР готовили докладные записки в

¹ Коломиец М.В. Бои у реки Халхин-Гол. Май–сентябрь 1939 г. // Фронтовая иллюстрация. 2002. № 2. С. 28, 57, 69, 70, 75; Отдельный пограничный батальон в боях на Халхин-Голе, 1939 год. Иркутск, 2014. С. 87–89, 98.

Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) [ЦК ВКП(б)], Совет народных комиссаров, Народный комиссариат обороны (НКО), Народный комиссариат иностранных дел (НКВД), Народный комиссариат путей сообщения, информировавшие инстанции по направлениям их деятельности или рекомендовавшие принять конкретные меры по устранению выявленных недостатков.

В июне-июле, например, Л.П. Берия информировал К.Е. Ворошилова о том, что «Генштаб Красной армии медленно направляет в МНР боеприпасы. На ближайших к району событий базах ощущается недостаток в авторезине и горючем. Бронестенки для самолётов ещё не получены. Лётный состав не имеет личного оружия. Из присланных 1750 штук противогазов 1600 штук являются браком». В докладных записках И.В. Сталину нарком внутренних дел сообщил о том, что «истребители И-15 в боях подвергаются массовому уничтожению», в результате чего в Генштаб РККА направлен запрос о дополнительной высылке модернизированных истребителей И-16. Кроме того сообщалось о том, что «из ЗаБВО вылетели для участия в боях дополнительные силы бомбардировочной авиации, использование которой и даже содержание на ближайших аэродромах без прикрытия истребителей И-16 довольно рискованно». Л.П. Берия ходатайствовал «о немедленной замене самолетов И-15 на И-16»¹. К слову сказать, впоследствии именно эти машины последних типов совместно с новейшими И-153 («Чайка») позволили резко увеличить боевые возможности советской истребительной авиации, повысить эффективность её применения².

¹ Христофоров В.С. История советских органов госбезопасности: 1917–1991 гг.: учеб. пособие. М., 2015. С. 142–144; Шишов А.В. Разгром Японии и самурайская угроза. М., 2005. С. 423–424.

² Шестерин Ф.И. Роль и место советской авиации в разгроме японских войск на р. Халхин-Гол // Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981. С. 100.

Противодействуя подрывной деятельности противника, сотрудникам особых отделов приходилось изымать и уничтожать японские агитационные листовки, массово сбрасываемые с самолётов над окопами красноармейцев и монгольских цириков¹. При этом, благодаря открытию и анализу архивных документов позволителен вывод о том, что ещё накануне вооруженного конфликта органы японской военной разведки прозорливо делали ставку на разжигание сепаратизма в рядах РККА и МНРА. Ориентация генштаба японской императорской армии на сепаратистов вынашивала цель, помимо их использования в разведке против СССР, подготовить почву для поднятия движения за независимость в союзных республиках и дружественных государствах во время планируемой войны.

31 мая 1939 г. начальник политотдела Благовещенского укрепленного района (УР) батальонный комиссар Я.Л. Бакалюк направил начальнику политуправления РККА армейскому комиссару 1-го ранга Л.З. Мехлису 11 антисоветских листовок противника².

Как свидетельствуют вводимые исследователями в научный оборот архивные документы Японии, изначально командование КГВ не преследовало цель развить конфликт до рамок крупномасштабной войны. Позиция группировки объяснялась исчерпывающей информацией органов военной разведки о ЗабВО и 57-м особом стрелковом корпусе в МНР, свидетельствовавшей о дисбалансе сил в регионе в пользу СССР. Поэтому 25 апреля 1939 г. командующий объединением К. Уэда подписал совершенно секретный приказ № 1488 «Общие принципы разрешения конфликтов

¹ *Бурцев М.И.* Прозрение. М., 1981. С. 7; *Волковский Н.Л.* История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2003. С. 308–312; *Христофоров В.С.* История страны в документах архивов ФСБ России: Сб. ст. и материалов. М., 2013. С. 229.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 39. Д. 84. Л. 205.

на маньчжуро-советской границе», носивший двойственный и противоречивый характер: с одной стороны, он предписывал всячески избегать способных привести к советско-японской войне действий, с другой стороны, требовал решительно пресекать любые попытки РККА нарушить границу с Маньчжурией, «невзирая на соотношение сил и правомерность начала войны». Как представляется предпосылкой для вооружённого конфликта стал четвёртый пункт этого приказа, разрешавший командованию японских войск в спорных районах самостоятельно определять линию госграницы и обозначать её командирам приграничных частей, а в случае нарушения маньчжурской границы советско-монгольскими подразделениями вступать с ними в решительные бои, вплоть до переноса боевых действий на территорию противника.

Самостоятельно проведя государственную границу по р. Халхин-Гол, командир 23-й пехотной дивизии (пд) генерал-лейтенант М. Комацубара после получения 12 мая информации о появлении там 700 монгольских кавалеристов решил пресечь их якобы незаконные действия. Однако, получив отпор, командование дивизии и КГВ начали проработку деталей операции по разгрому монголов, тем более, что 28 мая главная ЯВМ в г. Харбине сделала вывод о том, что дислоцированные в МНР советские части не перейдут границу без приказа Москвы и ограничатся отправкой подразделений МНРА на восточный берег р. Халхин-Гол.

Наиболее здравомыслящие офицеры разведки КГВ призывали командование вообще не раздувать пламя пожара. В самом начале конфликта заместитель начальника ЯВМ в г. Хайларе майор Т. Тамура подготовил доклад, в котором отмечал малоценность в военном отношении Номонхана, ставил под сомнение факт появления там 700 монгольских кавалеристов и предлагал ограничиться отправкой в спорный район механизированного батальона на случай вторже-

ния в Маньчжоу-Го 6-й кавалерийской дивизии МНРА. Но объективное мнение офицера осталось незамеченным¹.

Японская военная разведка засылала в расположение советских войск агентов и диверсантов, вербуя их из числа белоэмигрантов, проживавших в Маньчжурии, а также лиц, попавших в плен. В ходе боевых действий были завербованы красноармейцы 149-го мотострелкового полка Д.Е. Бондаренко, Хутаков и красноармеец 603-го стрелкового полка М.С. Пехтышев, согласившиеся вести шпионскую деятельность в тылу РККА и успешно переброшенные с разведывательным заданием. Они были выявлены сотрудниками особых отделов, арестованы, осуждены и приговорены к смертной казни. В отношении Бондаренко и Хутакова приговор был приведен в исполнение. Пехтышеву смертная казнь была заменена на 6 лет исправительно-трудовых лагерей.

После завершения боевых действий с учётом комплекса накопленного особыми отделами материала были подведены итоги, разобраны ошибки и просчеты командиров РККА, их бездействие, приведшее к потерям. Отмечались бессистемность в их действиях в начальном периоде боев, отсутствие взаимодействия частей и отделов штаба, плохая организация работы связи, излишняя осторожность в деятельности разведки. Были обнаружены серьезные недостатки в подготовке отдельных подразделений РККА, низкий уровень морально-психологического состояния военнослужащих. В первых боях отмечалось немало примеров возникновения паники, оставления оружия. Прибывших на усиление с Урала красноармейцев 82-й стрелковой дивизии из приписного состава уже в Монголии пришлось в короткий срок обучать владению оружием, окапыванию, обращению с гранатами и т.п.²

¹ Зорихин А.Г. Указ. соч.

² Шишов А.В. Указ. соч. С. 422–423.

В период конфликта японцы активно осуществляли радиоразведку и подключение к советским телефонным линиям. Для противодействия этому при деятельном участии органов госбезопасности была разработана и осуществлена серия мероприятий по дезинформации противника по радио и во время телефонных переговоров, которые в основном сводились к вопросам инженерного оборудования участков и полос обороны частей и соединений с учётом их подготовки к осенне-зимней кампании.

Сотрудники советской контрразведки надёжно блокировали каналы поступления информации о войсках ЗаБВО и 1-й Отдельной Краснознамённой армии из легальных резидентур японской военной разведки в Чите и Благовещенске под прикрытием двух аккредитованных консульств Маньчжоу-Го. Они являлись разведывательными органами штаба КГВ и числились консульствами маньчжурского МИД формально. В результате советское руководство предложило НКВД СССР обеспечить обоим дипломатическим учреждениям т.н. «особый режим»¹.

Политбюро ЦК ВКП(б) решением от 23 июля 1939 г. поставило перед органами госбезопасности ряд конкретных задач. Требовалось окружить оба учреждения охраной и не пропускать никого из посторонних. Телеграфную связь между консульствами и Маньчжоу-Го следовало прервать, а все телефоны отключить. Под предлогом «занятости телеграфа» у японцев не принимались телеграммы на Маньчжурию. Помимо этого, каждый сотрудник консульств, включая самих консулов, по выходу из своих учреждений должен был сопровождаться двумя агентами НКВД, которые не выпускали их из-под тщательного наблюдения. Консульства также предписывалось наполовину ограничить в снабжении

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 13.

предметами питания и прекратить выдачу бензина для их служебных машин¹.

Арестованный начальник 2-го (разведывательного) отдела штаба КГВ полковник С. Асада, который в 1936–1939 гг. работал под прикрытием должности вице-консула Х. Идзуми консульства Маньчжоу-Го в Благовещенске, в показаниях 1946 г. отмечал, что в канун Великой Отечественной войны в Советском Союзе «...работа с агентурой стала невозможной из-за строгого наблюдения органов НКВД»².

В результате перечисленных выше мероприятий предпринятое 20 августа 1939 г. крупное наступление советско-монгольских войск на р. Халхин-Гол стало полной неожиданностью как для 23-й пехотной дивизии, так и для КГВ в целом. Только на второй день, 21 августа, штаб группировки сумел установить, что в ударе задействованы от трёх до четырёх стрелковых дивизий и от четырёх до пяти механизированных бригад.

Помимо этого, на НКВД СССР была возложена задача по приёму военнопленных-японцев и проведению соответствующей агентурно-оперативной работы в их отношении. Первоначально ГУЛАГом был подготовлен лагерь в Нижнеудинске на 2 тыс. человек. Однако в виду незначительного количества военнопленных (немногим более 100 человек) Л.П. Берия 30 октября 1939 г. за №801 распорядился выдворить военнопленных-японцев в отдельный корпус Читинской тюрьмы³. Это указание было выполнено, и по данным на

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 114–115.

² Цит. по: Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. Владивосток, 2002. С. 135; Ямпольский В.П. «Наша контрразведка в Маньчжурии... почти равна нулю» // Военно-исторический журнал. 2002. № 3. С. 14.

³ Бушуева Т.С., Серегин А.В. Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 67–68.

3 марта 1940 г. в тюрьме содержалось 117 человек¹. Взаимный обмен военнопленными производился 27 сентября 1939 г. и 27 апреля 1940 г.

Умелые действия РККА, МНРА, органов и войск НКВД вынудили японское командование сесть за стол переговоров и заключить 15 сентября перемирие с последующей демаркацией государственной границы в районе конфликта. Советско-монгольские войска заняли почти всю якобы спорную территорию и богатые военные трофеи. Окончательно конфликт был урегулирован после долгих переговоров только 5 мая 1942 г. путём утверждения итогового Протокола о работе смешанной комиссии по уточнению границы на местности между МНР и Маньчжоу-Го.

Таким образом, деятельность органов и войск НКВД СССР на Дальнем Востоке способствовала победе советской военной группировки в вооруженном конфликте у р. Халхин-Гол и внесла вклад в ослабление военно-политического альянса Берлин–Рим–Токио. Надежды мировой реакции втянуть СССР в полномасштабную войну на Дальнем Востоке не оправдались. Было оказано существенное воздействие на военно-политическую стратегию Японии в отношении «северного» соседа, что вкупе с иными факторами предопределило решение её правительства о ненападении на СССР в годы Великой Отечественной войны. Кардинальной перестройке подверглись специальные службы Страны восходящего солнца, т.к. события 1938–1939 гг. на оз. Хасан и р. Халхин-Гол не только показали военную слабость Японии, но и вскрыли серьезные недостатки в разведывательном обеспечении подготовки и хода боевых действий. Генерал-майор японской военной разведки Ш. Акикуса впоследствии прямо указал: «...особенно ярко выразилась слабость харбинской военной миссии в части

¹ *Кириченко А.А.* Потери Японии в боях на Халхин-Голе // Халхин-Гол: взгляд на события из XXI века. Сб. статей. М., 2013. С. 95.

сбора информационно-разведывательных сведений о Советском Союзе»¹.

В период вооружённого конфликта сотрудники военной контрразведки, территориальных органов госбезопасности, военнослужащие пограничных войск обеспечивали проведение войсковых и разведывательных операций, осуществляли действенные меры по повышению морально-психологической устойчивости советских войск и борьбе с дезорганизацией управления, вели расследование по фактам военных преступлений и личным примером вели за собой бойцов в атаку, успешно отражая по несколько дней натиск японских войск, противодействовали подрывной работе противника и умело его дезинформировали по важнейшим военным вопросам.

¹ *Ямпольский В.П.* Роль японских спецслужб в борьбе против Советского Союза (1918–1945) // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. М., 2006. С. 184.

Д.А. Ларин
г. Москва

**Участие советских радиоразведчиков и
дешифровальщиков в вооруженном конфликте
на реке Халхин-Гол**

Основным противником России, а затем и СССР, на Дальнем Востоке была Япония. Российская империя вступила в войну со Страной восходящего солнца в 1904-1905 гг. и в результате поражения потеряла Южный Сахалин и Курильские острова. Но именно во время этой войны Россия стала пионером в новых видах боевых действий – радиоразведке и радиоэлектронной борьбе. Приоритет в использовании их использования принадлежит российскому военно-морскому флоту. Фактически, русские моряки начали войну в новом измерении – радиоэфире.

Так, в начале апреля 1904 г. японское командование приняло решение о проведении очередной боевой операции под Порт-Артуром силами 12 кораблей. Уже 9 апреля морской походный штаб царского наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева известил штаб крепости: «Сегодня утром на эскадре были разобраны (дешифрованы. - *Авт.*) японские телеграммы по беспроволочному телеграфу, из которых можно предположить, что намечается новая атака...»¹.

Русское командование сразу же усилило бдительность. 15 апреля японцы, закончив необходимые приготовления, провели в акватории порта-крепости рекогносцировку с целью ознакомить капитанов кораблей с районом предстоящих боевых действий. В эту же ночь радиотелеграфисты броненосца «Полтава» перехватили и дешифровали теле-

¹ *Востоков К.* У истоков радиовойны // Независимое военное обозрение. 2000. 14-20 июля.

грамму противника, подтвердившую его планы, и операция, состоявшаяся в ночь на 20 апреля, закончилась для японцев неудачно.

Во время Гражданской войны в России, 6 июля 1918 г., японские войска высадились во Владивостоке и впоследствии не раз вступали в бои с красными. Под напором советских войск, не решившись на переход к широкомасштабным боевым действиям, 24 ноября 1922 г. японцы начали вывод своих войск из Приморья. Также японцы оккупировали Северный Сахалин, откуда они вывели войска только в 1925 г.

В начале 1930-х гг. Япония оккупировала значительную часть Китая – Маньчжурию. Там было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го. С тех пор на границе СССР происходили постоянные вооруженные провокации со стороны японских милитаристов. Разумеется, японское направление было крайне важным для советской разведки (в том числе радиоразведки и криптоаналитики). Дешифрование японской дипломатической переписки советскими криптоаналитиками началось в 1927 г.

В 1930-е гг. большое внимание уделялось раскрытию японских шифров. Это было вызвано тем, что на дальневосточных рубежах нашей страны длительное время существовала напряжённая обстановка, вызванная милитаристскими планами Японии, концентрацией японской армии в Северном Китае, фактически на нашей границе.

В июле 1938 г. наши радиоразведчики и дешифровальщики приняли активное участие в боевых действиях против японцев у озера Хасан¹.

Несмотря на поражение, японцы не оставляли надежды нанести реванш СССР. 11 мая 1939 г. они неожиданно напали на монгольские пограничные заставы в районе озера

¹ Подробнее об этом см.: *Ларин Д.А.* Криптографическая служба России. Очерки истории. Монография. М.: Гелиос АРВ, 2017.

Буйр-Нур и продолжили расширять военные действия. Монгольские части вынуждены были отойти к реке Халхин-Гол. По просьбе монгольского правительства СССР оказал помощь в отражении агрессии. В соответствии с договором о взаимопомощи к месту событий прибыли части советских войск. Командиром 57-го особого корпуса, преобразованного в 1-ю армейскую группу, был назначен комкор Г. К. Жуков. Задача перед группой стояла конкретная – разгромить японские войска, вторгшиеся на монгольскую территорию.

Однако решить ее было не просто – перевес в силах и средствах оказался на стороне агрессора. В июне японское командование сосредоточило 38-тысячную группировку с 135 танками и 225 самолетами. Советско-монгольские войска имели в своем составе 12,5 тысяч человек, 180 танков и 74 самолета.

Снабжение наших войск затруднялось тем, что ближайшая железнодорожная станция находилась в 750 км. Жуков перешел к активной обороне. 3 июля японцы форсировали реку Халхин-Гол и захватили плацдарм на ее западном берегу. В районе прорыва японцев у нас свободных сил не было, и тогда Георгий Константинович ввел в бой прямо с марша 11-ю танковую бригаду и мотострелковые части. Японцы перешли к обороне. В последующие дни группировка противника была разбита и отброшена на западный берег реки Халхин-Гол. 20 августа Жуков начал свое наступление, в ходе которого наши войска окружили и разгромили 6-ю японскую армию. Ее потери составили 61 тысячу убитыми, ранеными и пленными. Так бесславно закончилась для японцев очередная попытка проверить на прочность боевую мощь Красной армии.

В событиях на Халхин-Голе наряду с воинами других родов войск принимали участие и радиоразведчики. Здесь действовала 20-я отдельная радиоразведывательная рота и 10-я радиостанция особого назначения (ОСНАЗ). По отзывам командования, со своими задачами радиоразведчики

справлялись, хотя их действия в ходе общевойсковых операций носили весьма ограниченный характер. Но все же эти специалисты сыграли в этой компании решающую роль.

Вместе с нашими войсками к линии фронта выдвинулась специальная оперативная группа дешифровальщиков, размещившаяся в населенном пункте Тамгац-Булак. Еще находясь в Улан-Баторе, советские криптоаналитики успешно начали снятие перешифровки к коду 1357, используемому японской Квантунской армией, противостоявшей советско-монгольским войскам. Однако сам код тогда еще не был раскрыт. В первых же боях его образец был захвачен нашими войсками. Поскольку действовал он до ноября 1939 г., то вся зашифрованная этим кодом японская шифрпереписка дешифровывалась нашими специалистами.

В дешифрованной японской войсковой переписке имелись ценные сведения о расположении частей противника, ходе боев, потерях, расходовании боеприпасов и другие данные. Во время военных действий результаты работы оперативной группы дешифровальщиков ежедневно обобщались в сводку, которая составлялась на основе дешифрованных телеграмм, и докладывалась командующему 1-й армейской группой войск комкору Г.К. Жукову¹.

Перед решающим наступлением Жуков разработал план по дезинформации японцев.

Георгий Константинович вспоминал: «Мы знали, что противник ведет радиоразведку и подслушивает телефонные разговоры, и разработали в целях дезинформации целую программу радио и телефонных сообщений. Переговоры велись только о строительстве обороны и подготовке ее к осенне-зимней кампании.

¹ *Соболева Т.А.* История шифровального дела в России. М.: ОЛМА-ПРЕСС-Образование, 2002.

Радиообман строился главным образом на коде, легко поддающемся расшифровке»¹.

Дополним информацию Жукова: японцы во время сражения вскрыли 3 советских кода, и все они оказались ложными².

В подтверждение намерений советских войск перейти к обороне на позициях были развернуты большие демонстрационные инженерные работы по созданию оборонительных сооружений. В результате японцы поверили в то, что советские войска укрепляют свою оборону и наступать не собираются. И просчитались. Информация о том, что японцы «клюнули» на дезинформацию советскому командованию стало известно благодаря дешифрованию перехваченной японской радиограммы³.

Одновременно с боевыми действиями у реки Халхин-Гол японцы предприняли попытки организации всевозможных инцидентов на особо важных направлениях нашей границы. Радиоразведчики и дешифровальщики Амурской Краснознаменной военной флотилии в этот период вели непрерывное наблюдение за передвижениями кораблей Сунгарийской речной флотилии противника. Так, ими было выявлено и своевременно доложено командованию о выходе из Харбина 16 кораблей с морской пехотой на борту в район нижнего течения реки Сунгари и ожидаемом прибытии ее на Амур. С получением такой важной информации на подходах к устью Сунгари силы Амурской флотилии взяли под

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Олма-Пресс 2002.
URL: <http://www.militera.lib.ru/memo/russian/zhukov1/index.html>
8.01.2012 (дата обращения: 10.06.2019).

² Гребенников В.В. Криптология и секретная связь. Сделано в СССР. М.: Алгоритм, 2017.

³ Болтунов М.Е. «Золотое ухо» военной разведки. М.: Вече 2011.
URL: <http://read24.ru/fb2/mihail-boltunov-zolotoe-uho-voennoy-razvedki>
(дата обращения: 12.04. 2019).

полный контроль японские корабли и решительно пресекли всякие попытки нарушения наших территориальных вод.

Сунгарийская флотилия вынуждена была возвратиться в свои тыловые базы. Решительные действия мониторов, канонерских лодок и бронекатеров флотилии по предотвращению и срыву японских провокаций на сунгарийском направлении в 1939 г. стали возможными благодаря функционированию созданной системы радиоразведки Амурской флотилии. Как видно из вышеприведенных примеров, данные радиоразведки, своевременно доложенные командованию, дают прекрасную возможность предупреждать действия противника, также эти данные с успехом могут быть использованы для умелой дезинформации¹.

Кстати, именно во время боевых действий на Халхин-Голе впервые были применены несколько советских шифрмашин М-100², их конструктор И. П. Волосок лично выезжал в район боевых действий для технического сопровождения работы шифраторов, за что был награжден советскими и монгольскими наградами³.

Интересно отметить следующий момент: в конце 1930-х гг. Япония охотилась за любой криптографической информацией, для чего организовала взаимодействие с криптографическими службами Латвии, Литвы, Эстонии,

¹ *Востоков К.* Разведка слушает эфир // Независимое военное обозрение. 2001. №46.

² Есть версия, изложенная в книге *А. Клепова* «Шифраторы и радиоразведка. Щит и меч информационного мира. Записки криптографа» (М.: ООО «Центр инновационных технологий», 2015), что первый комплект М-100 использовался на линии Москва – Мадрид. Но этот вопрос требует дальнейших исследований.

³ Подробнее об И.П. Волоске см.: *Бутырский Л.С., Ларин Д.А., Шанкин Г.П.* Криптографический фронт Великой Отечественной. Монография. М.: Гелиос АРВ, 2017; *Ларин Д.А.* Криптографическая служба России...

Польши, Швеции, Финляндии. Разумеется, прежде всего, усилия японцев были направлены против СССР.

Как следует из отчетов Управления стратегических служб (УСС)¹ США, сотрудники генерального штаба японской армии в течение многих лет достаточно тесно сотрудничали в сфере разведывательно-подрывной деятельности против СССР с подразделениями военной разведки Польши, Финляндии, стран Балтии и Швеции. Это сотрудничество включало в себя «обмен на основе официальных соглашений офицерами генеральных штабов в целях их переподготовки и обучения, обмен криптоаналитическими и прочими разведывательно-информационными материалами, совместное финансирование и планирование диверсионно-подрывных мероприятий как в мирное, так и в военное время, а также подготовку и инструктаж шпионов и саботажников»². Известен факт командировки трех польских офицеров-криптографов в дешифровальный отдел Квантунской армии в конце 1930-х гг.

Так же читать лекции по криптографии японцы пригласили специалиста по кодам капитана польской армии Я. Ковалевского. Позже к нему в Польшу была направлена группа японских студентов, среди которых был Ризобар Ито (впоследствии крупный японский криптограф), занимавшийся разработкой шифров и шифрмашин, а также криптоанализом (в частности, он вскрыл шифрсистему типа «Playfair», которая применялась в 1930 гг. на английских линиях связи).

Из опубликованных материалов УСС следует, что японская военная разведка под руководством военного атташе в Латвии и Эстонии М. Онодэра играла в Западной

¹ Эта организация является предшественницей ЦРУ.

² *Забелин А.* Центр японского шпионажа в Скандинавии // Независимое военное обозрение. 2008. №6.

Европе основную роль в разведывательной и подрывной деятельности против СССР, «в том числе прямой контакт с агентами, осуществляющими шпионаж и акты саботажа, проведение тайной радиосвязи, радиоперехвата и нелегальные коммерческие операции». Короче говоря, бюро японского военного атташе в Стокгольме превратилось в «важнейший японский шпионский пост в Европе... имеющий в своем распоряжении 2000000 иен на разведывательные операции»¹.

Также на создание подобных машин повлияло сотрудничество с Францией. Специалист японской разведки по шифрованию секретных сообщений Шин Сакума в 1931 г. сотрудничал с французским генералом Ф. Картье, который был одним из лучших криптографов своего времени. Во время Первой мировой войны Картье регулярно дешифровывал телеграммы немецкого Генштаба, способствуя победе союзников. Генерал Картье с 1909 по 1921 г., возглавлял криптографическую службу французской армии, отвечая как за национальные шифры, так и за перехват–дешифрование секретной переписки неприятеля. Он поделился с японцем некоторыми идеями, которые были использованы при создании первых японских шифрмашин.

¹ Забелин А. Указ. соч.

О.Б. Мозохин
г. Москва

Реформа спецслужб Японии накануне войны с Советским Союзом

Затяжная война Японии с Англией, США и Китаем, ложившаяся тяжелым бременем на все население Маньчжурии, способствовала росту и обострению недовольств внутри страны. Китайские и корейские граждане начали проявлять враждебное отношение к японским оккупационным властям, переходя в отдельных случаях к более острым формам борьбы – диверсии и террору. Действующие в Маньчжурии партизанские отряды увеличивались численно за счет лиц недовольных японскими властями и все чаще совершали нападения на японских солдат, чиновников различных учреждений, причиняя все больший ущерб японским властям.

Разведывательные органы – Японские военные миссии (ЯВМ) и контрразведывательные органы – жандармерия, полиция – оказались не способными справиться со всем объемом работ ввиду разрозненных действий и отсутствия общего руководящего центра. Более того, между ЯВМ, с одной стороны, и жандармерией с полицией, с другой, имелись крупные противоречия и антагонизм из-за отсутствия строго разграничения их функций.

Учитывая все эти обстоятельства еще в конце 1944 г. штаб Квантунской группировки войск (КГВ) приступил к разработке проекта ликвидации действующих ЯВМ и жандармерии и создания нового, более мощного аппарата, в котором бы объединялись функции разведывательных и контрразведывательных органов. Такой аппарат намечалось создать по опыту Северного Китая, где уже длительное время действовали «Особые отряды охраны».

Однако данный проект штаба КГВ встретил резкое сопротивление со стороны ряда руководящих работников и не был осуществлен до августа 1945 г. В первых числах августа 1945 г. штабом КГВ все же был издан приказ о создании в Маньчжурии особых отрядов охраны.

Всего в Маньчжурии было создано 3 особых отряда охраны. Каждый отряд состоял из нескольких батальонов. В плане создания особых отрядов предусматривалась ликвидация всех ЯВМ, за исключением харбинской и мукденской, сокращение штатов жандармерии в связи с передачей функции контрразведывательной работы особым отрядам, ликвидация гарнизонных отрядов и полиции. На базе высвободившихся сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов и было начато формирование вновь созданных подразделений. Кроме этого, предусматривалось создание специальных школ для подготовки квалифицированных кадров.

Давая показания о сложившейся к тому времени обстановке в Маньчжурии и причинах, побудивших японское военное командование к реорганизации ЯВМ и жандармерии в особые охранные отряды, арестованный бывший начальник 2-го особого охранного отряда в г. Муданьцзяне полковник К. Имаи рассказал о том, что 3 августа 1945 г. штабом Квантунской армии в г. Синьцзине было проведено совещание командиров батальонов особых отрядов охраны.

Из доклада начальника 1-го отдела штаба Квантунской армии следовало, что основными причинами создания особых отрядов являлись:

- наличие крайне напряженной обстановки, вызванной неизбежностью войны Японии с Советским Союзом;
- истощение сил японской армии в ходе длительной войны против Китая, Англии и Америки;
- влияние Советского Союза на маньчжурское население, которое под этим влиянием стало активно проводить борьбу с японскими властями;

– ликвидация существующих японских военных миссий вызывалась еще и тем, что в случае начала военных действий с СССР они были бы потеряны в результате отхода от границы вглубь страны.

С созданием отрядов полагалось сократить и объединить все кадры ЯВМ, следовательно, активизировать их деятельность.

Рассказывая о задачах руководимого им подразделения, К. Имаи показал, что основными задачами особых отрядов являлись организация и проведение разведывательной работы, как до начала военных действий, так и во время войны против Советского Союза.

Особые охранные отряды возглавлялись начальником, выполняющим все требования командующего фронтом по разведывательной и контрразведывательной работе, борьбе с партизанским движением, охране военных складов, аэродромов и стратегических сооружений. Руководство всем комплексом работы осуществлялось через штаб отряда.

Штабом руководил начальник штаба – старший штабной офицер, являвшийся в то же время помощником начальника отряда по оперативной части. В своем подчинении начальник штаба имел несколько офицеров, являвшихся его помощниками по: разведывательной и контрразведывательной работе; борьбе с партизанами; организации военной подготовки; организации охраны особо важных военных объектов и сооружений.

В задачи начальника штаба отряда входило общее руководство и наблюдение за работой агентурно-осведомительного аппарата разведки, учет и контроль за разработкой всех политически неблагонадежных лиц, руководство разведслужбой части, переброской за кордон разведывательной агентуры и систематизацией добытых ею материалов.

Штаб отряда имел в своем подчинении несколько батальонов, командиры которых, в обязательном порядке,

назначались из числа начальников японских военных миссий или жандармерии, т.е. лица с известным опытом разведывательной и контрразведывательной работы.

В каждом батальоне имелся старший штабной офицер, выполнявший функции начальника штаба, аналогичные функциям начальника штаба отряда.

Каждый батальон имел в своем составе 7 рот, из них: 1 – 2 – разведывательные, 4 – контрразведывательные, 1 – партизанская и 1 – саперная. Кроме того, каждому батальону был придан взвод гранатометчиков.

Основным рабочим звеном являлась рота, имевшая в своем составе 3 взвода, делившиеся в свою очередь на 4 отделения.

Укомплектование офицерским составом отрядов происходило за счет сотрудников ликвидируемых военных миссий, жандармерии и местных гарнизонных отрядов. При этом на должности, связанные с агентурной работой, назначались сотрудники ЯВМ и жандармские офицеры уже имеющие данный опыт работы. Унтер-офицерский и рядовой состав комплектовался из жандармских отделений и караульных батальонов.

К моменту вступления в Маньчжурию частей Красной армии, особые охранные отряды еще полностью сформированы не были и к выполнению своих функций не приступили, поэтому точно установить какие задачи ставились перед ними сложно.

Однако по материалам следствия арестованных офицеров особого охранного отряда было установлено, что на них возлагалась организация и проведение контрразведывательной работы на территории Маньчжурии; подготовка кадров для ведения партизанской борьбы в тылу Красной армии.

О контрразведывательной работе роты показал арестованный командир батальона 2-го особого охранного отряда майор жандармерии Мичио Сумура:

«...Рота состояла из 3-х взводов. Два взвода контрразведывательные и один взвод предназначен для борьбы с партизанами. Это было сделано для того, чтобы рота могла самостоятельно, в районе своего действия, выполнять весь комплекс работ, не прибегая каждый раз к помощи других рот. Основной рабочей единицей являлся взвод, который, в свою очередь, делился на 4 отделения. При этом 1-е и 4-е отделения являлись агентурными и состояли из опытных штатных агентов, т.е. личный состав этих отделений – работники, хорошо знающие контрразведывательную работу, которые выполняют роль штатных агентов. Остальные два отделения, стрелковые, несли службу охраны.

Каждый контрразведывательный взвод имел в своем составе примерно 20 чел. штатных агентов, обеспечивавших проведение необходимой агентурной работы. Для более эффективной работы штатные агенты подбирали из числа местного населения лояльно настроенных к японцам лиц и с санкции командира роты вербовали их. Таким образом, взвод через штатных агентов приобретал секретную агентуру».

В ходе допросов военнопленных подтверждалась и дополнялась информация о задачах спецслужб Японии, направлениях деятельности и их руководителях. Так, 27 августа 1945 г. бывший японский генеральный консул Маньчжоу-Ди-Го в г. Чите С. Мацудайра и командующий 3-м фронтом КГВ генерал Д. Усироку¹ подтвердили, что в связи с надвигавшимися военными действиями против СССР ЯВМ были подчинены командующим фронтами, в зоне которых они дислоцировались.

¹Усироку Дзюн (1884–?), генерал-полковник. Командующий 3-м фронтом КГВ. Арестован 6 апреля 1950 г. УМВД по Хабаровскому краю. Военным трибуналом Приморского военного округа 28 июня 1950 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-6 УК РСФСР, приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей.

13 октября 1945 г. начальник УКР «Смерш» Забайкальско-Амурского военного округа сообщил в ГУКР «Смерш» НКО СССР об особых охранных отрядах. В процессе следствия в отношении руководящих сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов Маньчжоу-Го генерал-лейтенанта Ооки Сигеру¹, начальника главного жандармского управления штаба Квантунской армии; майора Минаи Муненао², начальника отделения контрразведки и пропаганды при 2-м отделе генштаба Квантунской армии; полковника Оомари Санхико³, японского советника при «бюро безопасности» и организатора особых охранных отрядов; Такахата Кунисига⁴ и др. установлено, что в декабре 1944 г. по инициативе начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Ю. Касахара на заседании штаба было принято решение создать особые охранные отряды на территории Маньчжурии.

Работа по их созданию была возложена на полковника японской армии С. Оомари. Он в декабре побывал в ряде пограничных районов Маньчжурии в целях изучения базы для создания особых охранных отрядов. Проект по их созданию был утвержден начальником штаба КГВ генерал-лейтенантом Ю. Касахарой, а впоследствии – командующим группировкой генерал-полковником О. Ямадой. В

¹ Ооки Сигеру 1 марта 1947 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен по ч. 1 ст. 58-6 УК РСФСР к высшей мере наказания.

² Минаи Муненао Каметаро 19 ноября 1948 г. военным трибуналом Приволжского военного округа осужден по ч. 1 ст. 58-6 УК РСФСР на 25 лет лишения свободы. Освобожден 23 декабря 1956 г. по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1956 г. и передан представителям японских властей.

³ Оомари Санхико арестован 15 октября 1949 г. 31 декабря 1949 г. военным трибуналом войск МВД Дальневосточного округа осужден по ст. 58-4, ч. 1 ст. 58-6 и 58-9 УК РСФСР на 25 лет лишения свободы.

⁴ Такахата Кунисига, 28 февраля 1950 г. военным трибуналом войск МВД Дальневосточного округа осужден по ч. 1 ст. 58-6 УК РСФСР на 25 лет лишения свободы.

начале января 1945 г. Касахара выехал с докладом в Токио, где с некоторыми поправками проект был утвержден начальником Генштаба японской армии генералом Ё. Умэдзу.

Предусматривалось создание 20 батальонов общей численностью до 40 тыс. чел. Комплектование личного состава намечалось провести из чинов полиции Маньчжоу-Ди-Го, жандармов и сотрудников военных миссий, офицеров и солдат КГВ. Батальоны должны были быть численностью по 2 600 чел. каждый, из них 50 % японцев и 50 % китайцев.

Дислокация отрядов намечалась в Южной Маньчжурии при штабе 3-го фронта, находившегося в г. Мукдене; в Северной Маньчжурии при штабе 4-й армии, находившейся в г. Цицикаре; в Восточной Маньчжурии при штабе 1-го фронта, находившемся в г. Муданьцзяне.

Каждый батальон состоял из 7 рот, а рота – из 3 взводов. Каждый отряд имел свой штаб, состоявший из начальника и 11 офицеров, кроме того, имелось интендантское отделение из 4 офицеров, медицинское, ветеринарное, отделение снабжения вооружением и боеприпасами, каждое состояло из двух человек. Штабу придавались стрелковый взвод и обоз. Штабы охранных отрядов подчинялись тем фронтам, которым они были приданы.

В мирное время полицейская служба должна была вести работу по охране военных и других стратегически важных объектов; контрразведывательную агентурную работу среди населения и разведывательную работу против Советского Союза и Монгольской Народной Республики.

В военное время планировалось несение полицейской службы по охране общественного порядка в районах военных действий. Батальонам, где командирами были работники военных миссий, вменялось в задачи ведение разведывательной и контрразведывательной работы; уничтожение советских авиадесантов; борьба с китайскими партизанскими отрядами; диверсионные акты в районах, оставленных КГВ;

нападение на отставшие небольшие подразделения Красной армии и отдельных бойцов.

Формирование охранных отрядов началось в начале июня 1945 г. По приказу командующего КГВ жандармское управление выделило из своего состава в охранные отряды около 28 тыс. чел. В начале формирования батальоны достигали численности не более 500 чел. Офицерский состав охранных отрядов проходил подготовку на краткосрочных курсах по следующей программе: тактика ведения партизанской войны, методы контрразведывательной работы, формы и методы работы полицейских и жандармских органов. Преподавательский состав комплектовался из сотрудников 2-го отдела жандармского управления и общества Кио-ва-кай. Начальником курсов был полковник С. Оомари.

2 и 3 августа 1945 г. в г. Чанчуне под его руководством было проведено совещание командиров батальонов охранных отрядов по следующим направлениям: тактике ведения боя с регулярными частями Красной армии; формам борьбы с парашютными десантами и китайскими партизанами; работе отрядов по сохранению спокойствия и общественного порядка в районах военных действий; формам и методам ведения разведывательной и контрразведывательной работы в батальонах, где командирами являлись сотрудники военных миссий.

Батальоны 1-го отряда дислоцировались в гг. Мукдене, Чанчуне, в районе г. Ванемяо, в пос. Анто, Пука, Сихэ. Батальоны 2-го отряда – в гг. Гаонань, Цзямусы, Муданьцзян, Энкичи и Токе. Батальоны 3-го отряда – в гг. Харбине, Санго, Цицикаре, Хайларе. Командирами отрядов являлись: 1-го – генерал-майор М. Кубо¹; 2-го – полковник К. Имаи; 3-го отряда – полковник Сато.

¹ Кубо Мунэхару – генерал-майор, командующий мукденским особым охранным отрядом японской армии. Арестован 7 апреля 1950 г. 17

15 октября 1945 г. арестованный командир роты особого охранного отряда г. Муданьцзяна И Оцки в ходе допроса сообщил о поставленной перед ротой задаче: «... выступить с ротой в район разветвления дорог на Нинань и Хайлин от гор. Муданьцзяна (западнее Муданьцзян километров 30), занять там скрытные позиции и когда в этом районе появятся танки и воинские части Красной армии, то одиночными солдатами и группами производить поджоги, подрывы танков, автоколонн и уничтожать мелкие подразделения Красной армии, действуя методом партизанской тактики, находясь в тылу частей Красной армии». Затем отряд должен был в тылу советских войск отходить на Ханбаодохеды-Харбин по пути совершая диверсии. Однако, в связи со стремительным наступлением Красной армии каких-либо диверсионных действий совершено не было.

Цель последних предвоенных реорганизационных мероприятий японцев сводилась к созданию на территории Маньчжурии так называемых особых отрядов охраны. Предполагалось, что они будут представлять собой мобильные военизированные подразделения японских спецслужб с наделением их функциями бывших ЯВМ, жандармерии и особых отделов управления полиции.

Командиры охранных отрядов подчинялись командующим соответствующими армиями. Общее число личного состава всех трех отрядов намечалось довести до 35 тыс. человек. В задачи этих отрядов входило ведение закордонной работы по сбору разведывательной информации и осуществление диверсионно-террористических акций на территории СССР, поддержание порядка среди населения и охрана особо важных промышленных и военных объектов.

Реорганизацией предусматривалось переподчинение всех периферийных ЯВМ командирам вновь оставшихся

июня 1950 г. военным трибуналом Приморского округа осужден по ч. 1 ст. 58-6 и 58-9 УК РСФСР на 25 лет лишения свободы.

отрядов охраны с окончательным выходом из подчинения информационно-разведывательного управления. Однако в связи с началом боевых действий на Дальнем Востоке, намечавшаяся реорганизация японских спецслужб в Маньчжурии окончательно осуществлена не была, что отрицательно сказалось на эффективности разведывательно-подрывных акций в ходе боевых операций на Дальневосточном театре военных действий.

А.М. Демидов
г. Москва

**Военный фактор реорганизации органов
госбезопасности в войсках накануне и в годы
Великой отечественной войны.
Февраль 1941 – апрель 1943 гг.**

Накануне Великой Отечественной войны наиболее существенная реорганизация органов государственной безопасности СССР была проведена в феврале 1941 г. С чем это было связано? Дело в том, что с сентября 1940 г. советская разведка стала получать информацию о намерениях руководства нацистской Германии напасть на СССР¹. Дипломатический зондаж по данной проблеме являлся одной из важных задач визита наркома иностранных дел В.М. Молотова в Берлин 12–14 ноября 1940 г. Немедленно, 15 ноября, члены Политбюро ВКП (б) обсудили итоги встречи В.М. Молотова с А.Гитлером и переговоров наркома с германским министром иностранных дел И. Риббентропом. На заседании Политбюро был сделан вывод, что главная цель Германии – политически изолировать СССР на Западе, намереваясь в скором времени развязать войну с Советским Союзом. Таким образом, по завершении берлинского визита Молотова советская сторона осознала, что война с Германией неизбежна.

Целью последующих мер, предпринятых военно-политическим руководством СССР, стала подготовка страны к будущим боевым действиям. Именно с этих позиций историки рассматривают совещание высшего руководящего

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1. Накануне. Кн. 1. (ноябрь 1938 – декабрь 1940 г.). М.: А/О Книга и бизнес», 1995. С. 269; Там же. Кн. 2. (1 января – 21 июня 1941 г.). С. 286.

состава Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), проведенное 23-31 декабря 1940 г.¹ Под конец этого совещания советская разведка представила информацию о том, что Гитлер подписал план военного нападения на Советский Союз, ныне широко известный план германской агрессии «Барбаросса». Сам документ разведке добыть не удалось, а лишь узнать общие сведения о его концепции: ставка на молниеносный разгром частей РККА в приграничных сражениях, которые должны начаться весной 1941 г. К концу января 1941 г. появилась дополнительная разведывательная информация, подтвердившая исходные данные о германском плане нападения на СССР. В связи с явной военной угрозой предстояло активизировать подготовку Вооруженных сил, органов государственной безопасности и страны в целом к военному столкновению с Германией.

По этому поводу в последних числах января 1941 г. генеральный комиссар государственной безопасности Л.П. Берия получил указание доложить Политбюро ЦК ВКП (б) проект реорганизации органов НКВД СССР. 3 февраля 1941 г. Постановлением Политбюро из Наркомата внутренних дел СССР были выделены соответствующие управления, отделы и подразделения, на базе которых создали НКГБ СССР. Обращает на себя внимание п. 5 Постановления, которым предписывалось завершить разделение наркоматов в месячный срок². Надо полагать, нужно было закончить работу до начала военного столкновения. Партийное поста-

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. М.: «ТЕРРА», 1993.

² Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о разделении Наркомата внутренних дел СССР на два наркомата. 3 февраля 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 2. С. 24-25.

новление в этот же день было узаконено Президиумом Верховного Совета СССР¹.

Однако несколько дней спустя обнаружилось, что члены Политбюро при рассмотрении вопроса совершенно не приняли во внимание позицию военных о роли и месте военной контрразведки в структуре силовых ведомств. Высшие командиры были недовольны их плотной «опекой» со стороны особых отделов органов госбезопасности. Сложившаяся в стране во второй половине 1930-х гг. атмосфера всеобщей подозрительности и недоверия сковывала инициативу, порождала пассивность и нежелание брать на себя даже незначительную долю ответственности. От такого «наследия» в условиях военной угрозы следовало избавляться. Опираясь на мнение своих высокопоставленных подчиненных, народный комиссар обороны СССР маршал С.К. Тимошенко считал, что пришло время преобразовать особые отделы в военную контрразведку и передать ее в ведение военных. Надо полагать, эту позицию полностью разделял и маршал Советского Союза Б.М. Шапошников, который пользовался большим уважением И.В. Сталина и с конца 1930-х гг. был одним из авторитетных советников вождя по военным вопросам.

Как бы то ни было, а в совместном постановлении ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 8 февраля 1941 г. констатировалось: «В связи с укреплением Красной армии и Военно-морского флота, значительным усилением их мощи и боевой готовности, ростом хорошо подготовленных и преданных делу партии Ленина–Сталина кадров командного и политического состава ЦК ВКП (б) и СНК СССР считают целесообразным передать органы особых отделов из ведения

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР о разделении Народного комиссариата внутренних дел СССР. 3 февраля 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 2. С. 25.

НКВД в ведение Наркомата обороны и Наркомата военно-морского флота»¹. Особый отдел Главного управления госбезопасности (ГУГБ) НКВД был ликвидирован. Вместо него при НКО и НКВМФ создали 3-и управления. Оставшийся в НКВД личный состав особого отдела вошел в 3-й отдел с функцией контрразведывательного обеспечения пограничных и внутренних войск НКВД. На должность начальника 3-го управления НКО 13 февраля 1941 г. был назначен бывший начальник Особого отдела ГУГБ НКВД майор госбезопасности А.Н. Михеев (вскоре получивший очередное специальное звание). 3-е управление НКВМФ возглавил дивизионный комиссар А.И. Петров, начальником 3-го отдела НКВД 15 февраля 1941 г. назначили бывшего заместителя начальника Особого отдела ГУГБ А.М. Белянова с одновременным присвоением ему очередного специального звания старший майор госбезопасности. Названные начальники перешли в непосредственное подчинение соответствующим народным комиссарам: маршалу С.К. Тимошенко, адмиралу Н.Г. Кузнецову и генеральному комиссару государственной безопасности Л.П. Берия.

Указанным выше совместным постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР на органы военной контрразведки возлагались две группы задач: а) борьба с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и антисоветскими проявлениями в армии и на военном флоте; б) выявление и информирование соответствующих своей подчиненности народных комиссаров о недочетах в состоянии воинских частей армии и флота, а также о компрометирующих материалах и сведениях на военнослужащих.

Во исполнение поставленных задач в «Положении о Третьем управлении НКО СССР и его периферийных орга-

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 2. С. 28.

нах» от 12 марта 1941 г. были определены основные направления работы военных контрразведчиков наркомата:

- выявление и пресечение деятельности подозрительных по шпионажу лиц в штабах, научно-исследовательских учреждениях, в частях и подразделениях Красной армии и среди гражданского окружения;

- выявление и пресечение вредительства в учебно-боевой подготовке, в снабжении, вооружении частей Красной армии, организационной, мобилизационной, научно-исследовательской и испытательной деятельности штабов, учреждений и заведений Красной армии;

- выявление и пресечение контрреволюционной пропаганды и агитации, распространения антисоветских листовок и провокационных слухов, а также иных антисоветских проявлений в Красной армии;

- профилактика контрреволюционных и воинских преступлений, включая террор, измену Родине и дезертирства;

- предотвращение возможного проникновения в Красную армию враждебных элементов и очищение ее рядов от социально опасных лиц;

- выявление и устранение через военное командование недочетов в боевой и политической подготовке, несении военной службы, охраны военных объектов, обучении командно-начальствующего состава, снабжении, вооружении, сохранении военной тайны, хранении мобилизационных, совершенно секретных и секретных документов.

Таким образом, в результате реорганизации система органов ранее единой военной контрразведки прекратила свое существование: структурные подразделения были разделены по трем наркоматам, организационно стали независимыми друг от друга и оказались вне структуры Наркомата государственной безопасности СССР.

Казалось бы, в этой ситуации видится очевидной проблема координации и взаимодействия четырех наркоматов в целях более эффективной работы по всем основным

направлениям обеспечения государственной безопасности. Однако реформаторы посчитали, что координировать работу целесообразно лишь по линии борьбы с антисоветскими элементами, а остальные задачи следует решать самостоятельно. Координирующим органом согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 февраля 1941 г. должен был стать Центральный совет в составе народного комиссара государственной безопасности, народного комиссара внутренних дел, начальника 3-го управления НКО и начальника 3-го управления НКВМФ. В военных округах предписывалось образовать аналогичные советы в составе руководителей территориальных органов НКГБ, НКВД и начальников соответствующих третьих подразделений НКО и НКВМФ. Для решения рабочих вопросов по взаимодействию Центральный совет и советы на местах должны были собираться по мере необходимости, но не реже одного раза в месяц, и определять общие методы работы, разрабатывать конкретные указания по отдельным делам оперативного учета и вопросам, затрагивающим интересы органов НКГБ, НКО, НКВМФ и НКВД, устранять возникающие в процессе работы разногласия между ними.

Персонально в состав Центрального совета соответственно должности вошли комиссар государственной безопасности 3-го ранга В.Н. Меркулов, Генеральный комиссар государственной безопасности Л.П. Берия, а после назначений на должности начальников третьих управлений – майор госбезопасности А.Н. Михеев и дивизионный комиссар А.И. Петров. Из контекста совместного постановления от 8 февраля 1941 г. усматривается, что приоритет в работе по координации отдан НКГБ, т.е. наркому В.Н. Меркулову. Логично предположить, что именно он должен был определять повестку дня, его ведомство должно было готовить согласованные с членами Центрального совета проекты решений по вопросам повестки дня и собирать совет на заседания. Однако механизм этой организационной работы

не был прописан, и это отрицательно сказалось на эффективности работы Центрального совета, своей функции он не выполнил.

Вскоре после утверждения «Положения о Третьем управлении НКО СССР и его периферийных органах» высшее руководство страны осознало, что в ходе реорганизации военной контрразведки не была учтена необходимость взаимодействия третьих подразделений НКО, НКВМФ, НКВД между собой и с органами НКГБ в работе против антисоветских элементов. В связи с этим 19 апреля 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли дополнительное постановление, согласно которому в штаты органов Третьих управлений НКО и НКВМФ (центрального аппарата наркоматов, в военных округах, армиях, корпусах, дивизиях, бригадах, укрепленных районах, гарнизонах, военных академиях и училищах, флотах, флотилиях и военно-морских базах) ввели должности заместителей начальников 3-х управлений (отделов, отделений), непосредственно подчинив их соответствующим НКГБ – УНКГБ по территориальности, с одновременным их подчинением соответствующим начальникам 3-х управлений (отделов, отделений). Координатором работы против антисоветских элементов стал НКГБ СССР. Указанные заместители начальников третьих подразделений НКО и НКВМФ содержались за счет НКГБ, они назначались, перемещались и увольнялись приказами наркома государственной безопасности.

В первый день войны старший майор госбезопасности А.Н. Михеев подписал директиву № 34794 о задачах органов 3-го управления НКО СССР в связи с началом военных действий по отражению германской агрессии¹. В первоочередном порядке Михеев приказал форсировать работу по созданию резидентур и обеспечению их запасными рези-

¹ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 37–38.

дентами, включая подразделения войсковых частей и соединений РККА, выбывающие с мест дислокации в районы боевых действий. Во-вторых, в целях своевременного предотвращения дезертирства и измены Родине, а также шпионажа, диверсий и террора требовалось активизировать разработку так называемого «подучетного элемента», т.е. лиц, поставленных на оперативный учет или подлежащих такому учету. Третьим пунктом указанного документа предписывалось решительно пресекать антисоветские проявления и вражескую работу по разложению личного состава воинских частей, распространению контрреволюционных листовок, провокационных и панических слухов. Затем перед органами 3-го управления НКО СССР ставилась задача предотвращения утечек сведений, составляющих государственную и военную тайну. Важная задача была поставлена в пятом пункте документа: вскрытие и немедленное устранение через командование недочетов, отрицательно влияющих на выполнение задач, поставленных перед войсками.

При анализе первых нормативных документов военного времени особое внимание следует уделить директиве 3-го Управления НКО СССР № 35523 от 27 июня 1941 г. о работе органов военной контрразведки в военное время¹. Раздел 4 директивы «Работа на освобожденной от противника территории» и его содержание однозначно указывают, что в основу реорганизации органов государственной безопасности, работавших в войсках, была положена военная доктрина того времени, согласно которой Красная армия должна была выдержать первый удар агрессора, в течение 15 дней в оборонительных боях измотать противника, а затем перейти в победоносное контрнаступление и далее воевать малой кровью на чужой территории.

¹ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 90-93.

Однако в действительности все обернулось по иному. Тяжелейшие поражения советских войск в приграничных сражениях, потери, понесенные в первые три недели кровопролитных боев, вынужденное оставление огромной территории страны поставили Советский Союз на грань военной катастрофы. В этих чрезвычайных условиях А.Н. Михеев, как руководитель 3-го Управления НКО, оказался не соответствующим масштабу новых задач, он совершенно не владел оперативной обстановкой, что наглядно иллюстрирует указанная выше директива от 27 июня: противник вот-вот захватит Минск, а начальник 3-го Управления указывает своим подчиненным, как требуется работать на освобожденной территории.

В условиях глубокого военного кризиса на основании решения Политбюро ЦК ВКП (б) указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 г. был восстановлен институт военных комиссаров, отмененный ранее по настоятельной просьбе вступившего в должность в мае 1940 г. народного комиссара обороны маршала С.К. Тимошенко, а 17 июля 1941 г. постановлением Государственного комитета обороны №187сс органы 3-го Управления НКО были преобразованы в особые отделы и переданы в НКВД СССР¹. При этом уполномоченные особых отделов в полках и дивизиях попали в двойное подчинение: кроме своих непосредственных начальников они были подчинены соответственно комиссарам полков и дивизий. Как говорилось в документе, главной задачей особых отделов на период войны необходимо было считать решительную борьбу со шпионажем и предательством в частях Красной армии и ликвидацию дезертирства непосредственно в прифронтовой полосе. ГКО дал особым отделам право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте. Для эффек-

¹ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 337-338

тивного решения указанных задач в распоряжение особых отделов передавалось необходимое количество вооруженных отрядов из войск НКВД.

С этого времени особые отделы НКВД военно-политическим руководством страны использовались также в качестве органов государственного контроля, а в ряде случаев и как органы государственного принуждения к неукоснительному выполнению приказов и директив Верховного главнокомандующего, наркома обороны, Ставки Верховного главнокомандования, Генерального штаба. Так продолжалось до тех пор, пока военный кризис не был успешно преодолен. Это произошло в результате судьбоносной победы в Сталинградской битве, которая, как известно, завершилась 2 февраля 1942 г. Красная армия переходила к проведению стратегических наступательных операций. Прежняя необходимость использования особых отделов в указанном выше качестве отпала. В связи с этим в апреле 1943 г. органы государственной безопасности вновь были реорганизованы в соответствии с новой военно-оперативной обстановкой. Управление особых отделов НКВД СССР было упразднено. Вместо него были созданы Главное управление контрразведки «Смерш» Наркомата обороны (В.С. Абакумов), Управление контрразведки «Смерш» Наркомата ВМФ (П.А. Гладков) и Отдел контрразведки «Смерш» НКВД СССР (С.П. Юхимович).

Анализ задач показывает, что роль и место органов военной контрразведки в структуре силовых ведомств практически полностью воспроизводит довоенное положение, когда Красная армия нацеливалась на ведение наступательных боев. Таким образом, военный фактор был решающим в принятии решений и осуществлении реорганизации особых отделов НКВД СССР и органов военной контрразведки в ходе Великой Отечественной войны.

А.Г. Марутин
г. Санкт-Петербург

Подвиг разведчиков – выпускников 2-й Ленинградской школы НКВД СССР в Николаеве

История подвига Николаевского подполья стала достоянием широкой общественности с середины 60-х гг. прошлого века. Вначале это были публикации в региональной прессе, в виде отдельных статей, которые печатались по указанию отдела пропаганды Николаевского обкома и ЦК КП Украины. С открытием архивов у исследователей появился доступ к документам, на их основе стали печататься монографии, посвященные подпольщикам и их руководителю В. А. Лягину. Первое крупное исследование по теме публикуется в Ленинграде в 1982 г. – «Право на бессмертие» Г. Лисова. Пять лет спустя писатель В. Чунихин постарался обобщить материал по теме николаевского подполья и в 1987 г. опубликовал монографию «Лицом к лицу с СД».

В 2005 г. в издательстве «Молодая гвардия» был опубликован сборник В. Антонова и В. Карпова «Разведчики», в котором есть глава, посвященная В.А. Лягину.

В 2010 г. Л. Ташлай выпустила книгу «Виктор Лягин», а в 2017 г. в Санкт-Петербурге в Музее политической истории прошла презентация книги А. Бондаренко «Виктор Лягин», которая была издана в серии ЖЗЛ.

Несмотря на большое количество исследований, интерес к подвигу подпольщиков не становится меньше. В преддверии 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне мы вспоминаем подвиг разведчиков – выпускников 1941 г. 2-й Ленинградской школы НКВД СССР, которые проводили разведывательно-диверсионную работу в городе Николаеве.

Планируя операции на восточном фронте, командование Вермахта придавало большое значение промышленным центрам Украины и, в частности, Николаеву – центру судострое-

ния и морскому порту на Черном море. Это хорошо понимало руководство НКВД, когда планировало отправку группы разведчиков для проведения разведывательно-диверсионной работы на оккупируемых территориях. Когда советские войска сражались на подступах к Днепровскому лиману, в город прибыла группа выпускников 2-й школы НКВД в Ленинграде, во главе с руководителем будущего Николаевского подполья В. А. Лягиным. На совещании в Николаевском обкоме партии было принято решение, что основой подпольной организации в начальный период станет разведывательно-диверсионная группа, которую возглавит Корнев. Это была конспиративная фамилия Лягина.

Воспользовавшись временным отсутствием немцев в городе, он поставил задачу группе ленинградских чекистов – прочно осесть в городе, вжиться, стать для этого города своими. Для этого необходимо изучить обстановку и выработать тактику борьбы.

За счет того, что члены группы полтора года вместе обучались основам контрразведывательной деятельности, коллектив получился слаженным и морально подготовленным для работы на территории, занятой противником. Еще один важный элемент, характеризующий личный состав группы, – это наличие боевого опыта, приобретенного в войне с Финляндией.

Законспирированные разведчики-чекисты быстро рассеялись по городу. Из гостиницы на квартиру Л. Царгиной (улица Рыбная, 70) переселился Н. Улезко. Он устроился слесарем-автоматчиком вагонного участка железнодорожного депо. П. Луценко остановился в доме Е. Свидровой (Московская, 7) и стал работать на макаронной фабрике. Вместе с Луценко временно проживал и Г. Гавриленко – связной Корнева. Остальные участники группы – А. Сидорчук, И. Коваленко, А. Соколов, А. Наумов, А. Свидерский – разместились на съемных квартирах в надежных местах.

Чтобы не вызывать подозрение у оккупантов, для всех участников группы были подготовлены легенды, в основе каждой легенды была ненависть к Советской власти за репрессии в отношении себя и своих родственников. Такие кадры пользовались у нацистов доверием.

В.А. Лягин, оформившийся инженером на судостроительном заводе накануне прихода нацистов в город, поселился у М. Дуккерт. Немка по национальности, преподаватель музыкальной школы, она была вне всяких подозрений у нацистов, и Лягин вступил с ней в фиктивный брак. «Супруги» прекрасно владели немецким языком, и жители Черноморской улицы не удивились тому, что молодая чета была среди тех, кто встречал германские войска, входившие в Николаев.

Первую диверсию ленинградцы организовали в городском парке. Принимая решение на уничтожение здесь ремонтной автобазы и склада автоимущества, В.А. Лягин понимал, что материальный ущерб от диверсии будет не так уж велик. Главное было в другом – в моральном эффекте.

Операцию в парке провели Сидорчук, Луценко, Коваленко, Улезко и Григоренко. Сгорело 20 бочек бензина, 15 новых автомашин, склад, убито 5 солдат.

Группа Лягина постепенно расширяла связи. Ей удалось установить контакты с другими, созданными подпольными группами и партизанскими отрядами, действовавшими в городе и на территории области. В сентябре 1942 г. в условиях жесточайшего террора, со стороны оккупантов был организован Николаевский подпольный центр. В него вошли руководители ряда подпольных партийных групп и организаций. Куратором центра стал В. А. Лягин, но с целью конспирации, как об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в архиве бывшей 2-й Школы НКВД, ни сам Корнев, ни члены его спецгруппы официально в подпольный центр не входили. Официальным руководителем центра стал опытный разведчик, офицер разведуправления Генштаба Красной армии А. В. Палагнюк.

Ленинградцы Н. Улезко, В. Васильев, А. Соколов, А. Сидорчук вскоре совершили второй смелый налет на армейский склад в городском парке. На этот раз врагу был причинен более значительный урон: уничтожено 20 автомашин, 5 мотоциклов и около 30 тонн горючего. СД вынуждено было докладывать в Берлин о наличии в городе подполья и диверсиях в городе. На макаронной фабрике, например, в вермишели, отправляемой на фронт после отравления в офицерской столовой, был обнаружен яд. Его подмешивали туда подпольщики П. Луценко и Н. Улезко, работавшие на фабрике тестомесами. Резкая утечка мяса обнаружилась на скотобойне. Это было тоже делом рук подпольщиков. Все чаще и чаще на стенах городских домов стали появляться листовки, отпечатанные типографским способом. В одной из таких листовок, написанной Корневым, содержался призыв к молодежи города не поддаваться на провокации, не ехать на принудительные работы в Германию, скрываться от мобилизации; идти в партизанские отряды.

Наиболее важной операцией Николаевского подполья была организация взрыва на военном аэродроме. Мины для подрыва аэродрома готовил, П. Луценко, делая их из 200-граммовых толовых шашек. Каждую мину упаковывали в картон, обшивали материей, оставляя место для бикфордова шнура. Затем в вязанках для дров Луценко переносил эти мины через мост реки Ингул. Когда полиция его проверяли на посту, он отвечал, что несет дрова для родной тетушки. Постепенно полиция к нему привыкла и перестала обращать внимание. К самому аэродрому мины приходилось подтаскивать по-пластунски в ненастную погоду под колючей проволокой в 50 метрах от сторожевых вышек. А. Сидорчук, работая на аэродроме, заранее готовил места для закладки мин.

Проведение операции руководством подполья было назначено на 9 мая. Наступил долгожданный момент. В ясный день, ровно в двенадцать часов 9 мая, взрыв чудовищной силы потряс город. Пожар бушевал два дня. Сгорели два ангара, авиа-

мастерские, 20 самолетов, 25 авиамоторов, бензохранилище, склад с авиазапчастей и склад с 4000 автопокрышек. Погибли летчики и часть аэродромной охраны.

Активная работа подполья усилила деятельность СД по внедрению в организацию своего агента, которым оказался Круглов – дезертир, добровольно пошедший на сотрудничество с оккупантами. В Николаеве предатель по указанию руководителя СД Роллинга устроился на завод и стал искать возможность установить связь с подпольщиками. Ему долго это не удавалось. Но однажды ему повезло, он снял комнату у учительницы, которая помогала передавать продукты и медикаменты в лагерь, где содержались военнопленные. Она знала о существовании подполья. Будучи глубоко порядочной, она не могла допустить мысли о предательстве и поверила провокатору. Так Круглову удалось проникнуть в организацию. Начались провалы. Первой крупной потерей стал арест радиста Б. Молчанова. Организация оказалась без связи. Учитывая тот факт, что подполье без связи с центром оставаться не может, В.А. Лягин принимает решение направить через линию фронта П. Луценко.

В своих воспоминаниях П. Луценко так описывал встречу с В.А. Лягиным и поход за линию фронта. В начале апреля 1942 г. Лягин встретился с ним на конспиративной квартире, на улице Карла Либкнехта, 12. Здесь Луценко сообщил, что радист погиб и необходимо установить связь с Центром, т. к. информация, которую добывает подполье, остается не реализованной. С этой целью необходимо пройти по тылам немцев пешком сотни километров и выйти в районе Харькова к нашим войскам. Это было невероятно сложное поручение.

Под видом старца П. Луценко пошел, проехал, прополз около 500 километров. Пешком или ползком, ни на минуту не прекращая внутренней зубрежки донесения (коды, шифры, пароли), так как бумаге доверить эту информацию было опасно. Голод, холод, вши, сопровождали его путь. В селе Толмачевка П. Луценко арестовали, но его жалкий вид и правдопо-

добная легенда, что он ищет родственников в Россоши, убедили местную полицию и его отпустили.

В районе Харькова ему удалось перейти линию фронта и выйти в расположение 6-й армии. В отделе контрразведки фронта он передал информацию, отдохнул и стал готовиться в обратный путь, но тут произошла Харьковская катастрофа – 6-я армия Юго-Западного фронта и 57-я армия Южного фронта попали в окружение. Пробиваясь вместе с одной из частей 6-й армии, П. Луценко попал в плен в лагерь для военнопленных под железнодорожной станцией Лозовая.

В лагере не было никаких строений, все военнопленные находились в поле под открытым небом, кто не выдерживал издевательств, голода, тех просто отводили в овраг рядом с лагерем и засыпали еще живых землей. Немцы считали, что тратить пули на русских доходяг не имеет смысла. Когда П. Луценко полностью обессилел, его вместе с другими умирающими бросили в овраг и присыпали землей, но, слава Богу, благодаря двум женщинам, которые разыскивали своих мужей, ему удалось выжить – услышав стон, они откопали парня. Пару недель он прятался и отъедался в подвале их дома. Затем, пройдя еще несколько сотен километров в начале декабря 1942 г., П. Луценко вернулся в Николаев. Однако узнав, что в городе начались аресты, он уходит в Киев.

Осенью 1942 г. стало известно, что Круглов – провокатор. Члену руководящего комитета подполья А. Соколову было поручено убрать предателя, но тот, почувствовав опасность, попросил перевести его в Одессу. Спустя двадцать лет органам КГБ СССР удалось его вычислить. Предателя настигла справедливая и суровая кара.

После всестороннего анализа положения, в котором оказалась организация в связи с проникновением в ее ряды агента СД, руководитель Николаевского центра дал указание усилить конспирацию. Были изменены пароли, явки, часть подпольщиков выехала из города. Но эти меры уже не могли спасти организацию. Начались аресты, СД организовало засаду на

проваленной конспиративной квартире: были схвачены Воробьев и Защук, раненому Комкову после ожесточенной перестрелки удалось скрыться. Уходя от погони, он застрелил начальника жандармерии и смертельно ранил следователя тайной полиции.

Провалы следовали один за другим: арестовали Коваленко, Улезко, Соколова. Катастрофа уничтожения подпольного центра стала реальностью. В этот критический момент связной Лягина Гавриленко допускает непоправимую ошибку. Узнав, что немцы хотят отправить его с очередной большой партией молодежи на работу в Германию, Г. Гавриленко пришел к врачу местной городской больницы М. Любченко, не подозревая, что она является агентом СД, и попросил выдать справку о болезни. Та, пообещав выдать справку, сообщила о нем Роллингу. Когда Гавриленко пришел к Любченко за справкой, его схватили агенты СД. При допросе Гавриленко подвергли страшным пыткам. В бессознательном состоянии, как об этом пишет в своих воспоминаниях очевидец Н. Улезко, он назвал фамилию руководителя подпольного центра.

8 февраля 1943 г. на заводе был арестован В.А. Лягин. Под усиленной охраной закованного в наручники Виктора Александровича доставили в тюрьму, где уже находились почти все ленинградцы. Не было здесь только П. Луценко, которому удалось избежать ареста.

На допросах Лягин вел себя мужественно, несмотря на пытки, никого из своих товарищей не выдал. Попытка организовать ему побег не удалась. Шесть месяцев палачи СД его пытали. Он молчал. 17 июля 1943 г. В. А. Лягин был расстрелян. Могила его неизвестна.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 г. говорится: «За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм капитану госбезопасности Виктору Александровичу Лягину присвоить звание Героя Советского Союза. Посмертно». В письме Председателя Верховного Совета СССР М.И.

Калинина говорится, что грамота Героя передается его дочери Татьяне.

В Николаеве, в парке им. Петровского, установлен памятный знак о подвиге группы Лягина. В поселке Сельцо улица, на которой В.А. Лягин родился и жил, установлен бюст, с 1990 г. она носит его имя. В местной школе №1 его имени есть историко-краеведческий музей с залом Героя.

В Санкт-Петербурге на улице Пестеля, в доме, где жил В.А. Лягин, и на здании института, где он учился, установлены мемориальные доски. На Большеохтинском кладбище Санкт-Петербурга есть его кенотаф (символическая могила). В Кабинете истории СВР РФ имя В.А. Лягина увековечено на Мемориальной доске.

Судьбы подпольщиков-ленинградцев сложилась по-разному.

А. Наумов, человек безрассудной храбрости и отваги, узнав об аресте товарищей, сделал попытку их освободить, но был застрелен охраной тюрьмы.

В. Соловьев был расстрелян вместе с Г. Гавриленко и В. Лягиным.

А. Сидорук погиб в сентябре 1942 г., взорвав нефтебазу.

Н. Улезко, И. Коваленко прошли через арест, допросы и пытки в СД, им удалось выжить в лагере смерти «Дахау». И. Коваленко в 1944 г. бежал из лагеря, пройдя по территории Баварии и Чехии, вышел в Словакии в расположение наших войск. Н. Улезко был в мае 1945 г. освобожден из концлагеря советскими войсками. После освобождения отправлен на Родину, где был арестован органами МГБ, 8 лет находился под следствием. Однако справедливость восторжествовала, дело было закрыто за отсутствием состава преступления. В 1964 г. Н. Улезко был награжден орденом Отечественной войны и медалью «Партизан Великой Отечественной войны».

А. Свидерский по заданию Николаевского подполья работал в совхозе не далеко от города. Узнав об арестах, ушел в Кировоградскую область к родственникам, у которых скры-

вался вплоть до освобождения советскими войсками Криво-рожья. После освобождения был направлен на фронт, участвовал в боях за Карпаты, где и погиб в 1944 г.

А. Сидорчук был направлен в Николаев за две недели до немецко-фашистской оккупации. В Николаеве он женился, его жена Адель-Гайден играла большую роль в диверсиях мужа, так как, будучи немкой, свободно общалась с оккупантами. Такие крепкие и преданные отношения зарождались случайно, без планов на будущее. А. Гайден была награждена медалью «За отвагу». 23 мая 2012 г. скончалась в возрасте 94 лет.

П. Луценко узнав об арестах, ушел в Киев, там он скрывался у знакомых до освобождения Киева Красной армией. После освобождения Киева некоторое время служил во 2-м управлении НКВД СССР, затем был переведен в 4-е управление (зафронтовая разведка, диверсии), в составе группы специального назначения занимался разведкой и диверсиями в Словакии.

Предатель М. Любченко была арестована органами контрразведки «Смерш» во Львове при попытке бежать в Германию. В 1947 г. в Николаеве состоялся суд над следователем СД Ролингом. Он рассказал о подлинной роли М. Любченко в истории Николаевского подполья. Оба были приговорены к расстрелу.

**Органы госбезопасности и партизанское движение в
Липецком крае в 1941–1943 гг.: «работа над ошибками»
на пути к Победе**

В год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне нашего народа над немецко-фашистской Германией, изучение различных аспектов этой важнейшей вехи в истории России не только не теряет, а, наоборот, повышает актуальность исследования малоизвестных страниц истории этой войны и подвига многонационального советского народа. Одной из наиболее ярких и драматичных страниц этой истории является история партизанского движения на временно оккупированной территории РСФСР.

Историография этой проблемы обширна. Благодаря исследованиям, опубликованным в последние 20 лет, не только выявлено много новой фактической информации, но и проведены системные исследования по ряду ранее проблемных вопросов партизанского движения¹.

Тем не менее, многие страницы истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны по-прежнему прикрыты пологом неизвестности. Одним из таких лишь подретушированных «белых пятен» является деятельность органов госбезопасности СССР в развитии партизанского движения в 1941–1943 гг. на территории современной Липецкой области. Бесспорно, многие аспекты партизанского и подпольного движения в Липецком крае сего-

¹ *Веденеев Д.В.* Разведка Судоплатова. Зафронтовая диверсионная работа НКВД - НКГБ в 1941-1945 гг. М.: Алгоритм, 2015; *Попов А.Ю.* Сопротивление на оккупированной советской территории (1941–1944 гг.). М.: Алгоритм, 2016; *Кулинок С.В.* Разведывательные и диверсионные школы на территории Витебской области в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки ВГУ. 2016. Т. 22. С. 39–44 и др.

дня в общих чертах известны широкому кругу читателей, но это направление по-прежнему ждёт своих исследователей.

В силу административной специфики внимание исследователей партизанского движения было преимущественно приковано к территории Орловской и Курской областей, ставших ареной ожесточенных боевых действий. Районы этих областей, вошедшие в 1954 г. в состав современной Липецкой области, оказались несколько на периферии внимания, особенно исследователей советского периода.

Впервые вопросы партизанского движения на территории современной Липецкой области были затронуты в работе С.И. Разбирин¹. Сюжеты из музея Управления ФСБ по Липецкой области из боевой деятельности сотрудников органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны, преданные гласности, на десятилетия стали основными для цитирования и использования последующими исследователями.

Специализированным исследованием страниц истории партизанского движения на территории Липецкого края является работа А.Т. Березнева «Партизаны и подпольщики Липецкого края», увидевшая свет в 2015 г., в канун 70-летия Победы. При подготовке работы использовались материалы архивов Воронежской, Курской, Липецкой, Орловской и Рязанской областей². В этой работе впервые была предпринята попытка осмысления проблемы партизанского движения на территории региона. Однако, в основе очерков лежали материалы, так или иначе уже освещённые в работах С.А. Разбирин, а также в публикациях местной прессы по материалам пресс-службы УФСБ по Липецкой области.

¹ *Разбирин С.А.* Государственная безопасность. Из прошлого российских спецслужб. Очерки о липец. Контрразведчиках. Липецк: ИЦ «Липецкая газета», 1999.

² *Березнев А.Т.* Партизаны и подпольщики Липецкого края. Липецк: Липецкий полиграфический центр, 2015.

Из системных исследований хотелось бы отметить докторскую диссертацию В.В. Коровина «Организация сопротивления в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны», защищенная в 2008 г. в Курске¹.

Таким образом, исследование деятельности органов госбезопасности на территории современной Липецкой области представляет богатое поле для исследователей и является перспективным в научно-историческом и практическом значении.

Спецификой изучения партизанского движения на территории современной Липецкой области (образована 6 января 1954 г.) является то, что она была составлена из различных районов, входивших в 1941–1943 гг. в состав Воронежской, Курской, Орловской и Рязанской областей. Таким образом, одной из главных особенностей организации партизанского движения на территории Липецкой области явилось своеобразное административное «поскутное одеяло» - четыре управления НКВД осуществляли свою деятельность, часто не зная о деталях деятельности своих соседей. Периферийные партийные органы управления не доминировали в своей деятельности над органами госбезопасности, и на первое место вышла собственно организационная работа различных подразделений органов госбезопасности. Недостаток административного управления был компенсирован деятельностью спецслужб, так как этот прифронтный район, находившийся на стыке важнейших направлений ударов вермахта, оказался ключевым на протяжении нескольких лет и находился в поле особого внимания НКВД. Это обусловило не только «традиционную» боевую деятельность по развертыванию партизанского движения и разведке, но и

¹*Коровин В.В.* Организация сопротивления в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны: дис... д-ра ист. наук. Курск, 2008.

деятельность крупных спецшкол по подготовке диверсионно-разведывательных кадров для работы в тылу врага.

Можно выделить несколько секторов деятельности органов госбезопасности на территории Липецкой области: Орловский сектор (1941–1943 гг.); Рязанский сектор (1941 г.); Воронежский сектор (1942–1943 гг.); Курский сектор (1943 г.).

В военном отношении наиболее знаковыми операциями на территории современной Липецкой области были оборонительные бои за Елец и Елецкая наступательная операция (1941 г.); бои на высоте «Огурец» и в направлении Тербунов, а также на воронежском направлении (1942 г.); охрана тыла органами военной контрразведки «Смерш», в том числе в ходе подготовки Курской наступательной операции (1943 г.).

Особенности партизанского движения на территории Липецкого края в своём роде уникальны. Это важно для понимания единства и согласованности деятельности органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны. В 1941 – 1943 гг. современный регион Российской Федерации «облизывался» пламенем крупнейших сражений войны – битвы под Москвой, на Орловском направлении, а также Курской битвы.

К числу специфических черт партизанского движения на территории современной Липецкой области можно отнести:

- учёт опыта первых месяцев развития партизанского движения на временно оккупированных территориях, что позволило избежать крупных потерь, характерных для партизанских отрядов, сформированных летом 1941 г.;

- особый акцент на диверсионно-рейдовый характер боевой работы;

- «лоскутный характер» организации партизанского движения сотрудниками четырех областных УНКВД – по Курской, Орловской, Воронежской и Рязанской областям;

- значительный период ожидания в прифронтовой полосе организованных на случай оккупации районов противником партизанских отрядов и использование его актива для контрразведывательного обеспечения тыла прифронтовой полосы против агентуры противника и в деятельности истребительных батальонов.

Основными направлениями деятельности органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны на территории Липецкой области были: разведывательная деятельность; проведение диверсий в тылу врага в составе мелких групп; подготовка кадров партизанского движения.

Оценивая в целом опыт организации партизанского движения на территории региона, его следует признать успешным. В первую очередь это произошло благодаря учёту трагического опыта организации партизанского движения на основе деятельности партийно-советских органов¹. Говоря образно, это был «путь исключения ошибок». Во многом он был связан с деятельностью И.Г. Старинова² и организации в августе 1941 г. в Орле спецшколы («Школа пожарных»), занявшейся подготовкой специалистов для партизанского движения. Под натиском немецко-фашистских войск в сентябре школа передислоцировалась в Елец, а в ноябре – в Задонск, где на протяжении полутора лет проводилась подготовка специалистов партизанского

¹ *Логинов А.И.* Деятельность немецких спецслужб против партизанских отрядов на временно оккупированных территориях РСФСР в 1941 – 1943 гг. // Исторические чтения на Лубянке. Органы обеспечения государственной безопасности России в годы Второй мировой войны и послевоенный период. Ч. 2. 2014 год. М.: Академия ФСБ России, 2015. С. 152–167; *Его же.* Троснянский партизанский отряд: к вопросу «анатомии» партизанского движения в годы Великой Отечественной войны // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. Кн. 3. М.: Родина, 2019. С. 353–389.

² *Саран А.Ю.* Илья Старинов. Орловские страницы биографии героя. Орёл: РАНХиГС, 2018.

движения, партизанских групп и их заброска в тыл врага со специальных аэродромов подл Задонском и в Трубетчино.

В условиях малолесной местности воспитанники школы, следуя опыту И.Г. Старинова, избрали тактику диверсионных операций небольшими группами (3-5 человек), выполнявших задание и возвращавшихся на место постоянной дислокации. Это оказалось оправданным. Важно, что потери диверсионных групп были незначительными, а резонанс от их деятельности – весьма ощутимым.

С октября 1941 г., когда создалось опасное положение на Елецком направлении, было принято решение поставить здесь против подвижных немецких групп заслон силами истребительных батальонов на рубеже Новосиль – Богодухово – Глазуновка, которые свыше 20 дней сдерживали врага.

По степени важности хотелось бы выделить так называемый «орловский сектор» партизанского движения. Как хорошо известно, сформированный и обученный в 1930-е гг. на территории Украины и Белоруссии на случай возможного нападения фашистской Германии партизанский актив был практически полностью ликвидирован в 1937–1938 гг. в связи с процессами над М.Н. Тухачевским, И.Э. Якиром и И.П. Уборевичем. Поэтому с началом войны остро встала необходимость создания на центральном – московском – направлении нового обученного резерва для партизанских действий и подпольной работы.

В августе 1941 г. появилась директива Орловского обкома ВКП(б) (В.И. Бойцов) и УНКВД по Орловской области (К.Ф. Фирсанов) об организации специальной школы по подготовке партизанских кадров. Основные занятия в школе вёл выдающийся отечественный специалист в области диверсионной работы и минно-подрывного дела И.Г. Старинов, уроженец села Войново Болховского уезда Орловской губернии. Деятельность полковника Старинова позволила создать рабочий механизм диверсионной работы, который оказался на поверку эффективным, чем комплектова-

ние партизанских отрядов по партийно-хозяйственному принципу.

В справке Орловского обкома ВКП (б) об организации и деятельности партизанских отрядов от 8 сентября 1941 г. (за месяц до оккупации области), указывалось, что было сформировано 72 партизанских отряда, численностью 3257 человек, 90 партизанских диверсионных групп и 330 групп подрывников¹. Надо заметить, что образованная 27 сентября 1937 г. Орловская область имела территорию почти 68 тыс. кв. км, включавшая в себя территории современных Брянской, Липецкой, Калужской и Тульской областей с населением около 4 млн. человек. Область имела 66 административных районов, 23 города, в том числе 5 городов областного подчинения, 1264 сельских совета и 22 рабочих поселка.

В конце сентября Орловскую «школу пожарных» перевели в Елец. Уже в ноябре-декабре 1941 г. через линию фронта в Орловскую область были переправлены две разведывательно-диверсионные группы, полностью подготовленные именно в Задонске.

Кроме сбора информации для первой группы главной задачей стал подрыв моста у станции Верховье. Второй группе нужно было изучить оборонительные укрепления немцев, установить концентрацию войск и техники неприятеля. Приказом по войскам Брянского фронта № 7 от 29 декабря 1941 г. по УНКВД по Орловской области медалью «За отвагу» были награждены члены ВЛКСМ слесарь Хмелинецкого сахарного завода Задонского района Орловской области И. П. Логачев и токарь того же завода И. И. Незнамов. Оба они характеризовались как активные общественники и добросовестные производственники.

8 ноября 1941 г. диверсионная группа под руководством старшего группы А.С. Иконникова, И.И. Незнамова, Г.И. Черноморцева, И.П. Логачева выдвинулась из Ельца в тыл

¹ Саран А.Ю. Указ. соч.

врага в Орловский район для минирования шоссе Орел – Мценск. В районе Медведевского леса группа произвела подрыв автомашины с боеприпасами, мотоцикла с прицепом и парной повозки с четырьмя лошадьми. При выходе с места диверсии группа была окружена немецкими военнослужащими. В бою диверсанты сумели без потерь прорваться в лес и вернуться в Елец, уничтожив в бою 10 фашистов. Уроженцы задонского села Хмелинец, откуда родом дважды Герой Советского Союза А.А. Степанищев, уже в ноябре продолжили диверсионные выходы.

Одной из первых разведчиц, прошедших обучение в Задонске, стала ельчанка А. Миргородская. До войны она работала трактористкой. Воспитывала двоих маленьких детей. Активная жизненная позиция, умение водить машину, мотоцикл и стрелять стали решающими для зачисления её в школу разведчиков. Уже в ноябре 1941 г. она стала проводником диверсионной группы. Боевая группа заминировала дорогу Измалково – Краснозерское, уничтожила четыре крытых грузовика с боеприпасами и солдатами врага. В этом же месяце на шоссе Орел - Мценск группа подорвала пять машин с солдатами противника. Вскоре на том же шоссе вместе с напарником она взорвала три моста.

В декабре 1941 г., находясь в разведке в деревне Голубевка под Ельцом, она увидела, как фашисты издеваются над раненым советским офицером, и метнула в них две гранаты, уничтожив восемь гитлеровцев и выдав себя. Анну отвели на допрос. В этот момент советские самолеты начали бомбить деревню. Хозяева избы, где проходил допрос, успели спрятать Миргородскую под печкой, и она продолжила партизанскую деятельность. Позднее она стала инструктором в Задонской разведшколе и прослужила в разведке до конца войны.

Таким образом, глубокой осенью 1941 г. липецкая земля стала своеобразной кузницей кадров зафронтной разведки Брянского фронта поздней осенью 1941 – первой половине

1943 г. В Усмани, Задонске и под Лебедяню были развернуты три разведшколы. На базе Усманской разведшколы в основном готовили истребительные отряды, которые предназначались для борьбы с вражескими агентами и стали основой для формирования партизанских отрядов и диверсионных групп. Истребительные отряды сыграли важное значение при охране тыла в период подготовки и проведения Курской битвы¹.

Крупнейший Задонский центр действовал до конца 1943 г. По данным архива УФСБ по Липецкой области за это время было подготовлено 164 группы и специальных отряда общей численностью около 1 тыс. человек, 94 одиночных разведчика. Но есть основания полагать, что эти данные не являются полными. В декабре 1941 г. Задонскую разведшколу возглавил 26-летний Т.Г. Наур.

Для зафронтной работы здесь готовили радистов, подрывников, снайперов, разведчиков, заместителей командиров отрядов по разведке, переводчиков, шифровальщиков.

Прикрытием для нее стала вывеска «Школы пожарных». Для местных жителей и внимательных ушей распространялась информация, что в ней готовят добровольцев для тушения пожаров, которые могли возникнуть от налетов вражеской авиации. Разместили разведчиков в бывшей пожарной части, которая до войны базировалась на территории Свято-Тихоновского мужского монастыря.

Краткосрочные курсы диверсантов проходили в течение 15-20 дней. В основном в Задонской разведшколе готовили подрывников. Как правило, в школу подбирали туда в основном парней с образованием 8-10 классов из ближайших

¹ *Пилишвили Г.Д.* Роль и значение истребительных батальонов НКВД Воронежской области в охране тыла Воронежского фронта при подготовке и проведении Курской битвы весной – летом 1943 года // Ученые записки Курского государственного университета. 2016. № 2 (38).

городов и сел. Близ монастыря был расположен полигон для отработки полученных диверсантами навыков.

Обучение сначала проходило в группах, потом формировался отряд, который и выполнял задание. Так, при подготовке разгрома немецкого гарнизона диверсантам рекомендовалось: установить связи с местным населением, выяснить численность гарнизона, расположение огневых средств, постов, состав гарнизона, узнать, какие силы находятся в ближайших гарнизонах, как быстро они могут перебросить подмогу, спланировать боевую операцию с указанием объектов уничтожения, захвата, эвакуации раненых и убитых, отхода, минирования.

Для разведчиков, которым предстояло работать среди противника и добывать информацию, преподаватели читали следующие лекции: «Приемы знакомства, убаюкивания бдительности», «Носители информации и способы ее оценки», «Личные мотивы выдачи информации», «Внешний вид разведчика, поведение при знакомстве и внедрении», «Шифровка и дешифровка текстов», «Съем информации при подключении к телефонным проводам». В общем, в разведшколе осуществлялась комплексная подготовка. Забрасывали в тыл задонских диверсантов и разведчиков как на самолетах, так и по «Кировскому коридору».

Партизанские отряды, готовые начать действовать в случае оккупации города или районов, были созданы при Липецком, Трубетчинском, Усманском, Лебедянском, Добринском, Хворостянском, Грязинском, Боринском, Хлевенском, Данковском, Лев-Толстовском райкомах партии. В них входили в основном коммунисты, первые и вторые секретари райкомов партии, чекисты, сотрудники милиции, руководители предприятий и другие проверенные кадры. Создавались отряды без лишней огласки. Мы не останавливаемся подробно на этом важном звене партизанского движения. Выскажем лишь мнение, что без внесённых корректировок специалистов НКВД, только под руководством пар-

тийных органов, боевая работа партизанских отрядов могла оказаться трагической.

В настоящей публикации хотелось заострить внимание на теме предательства и коллаборационизма. Так повелось с советских времён, что эти случаи не сильно афишировались для широкого круга общественности. Но эти случаи были не единичными, что требует специального осмысления. Так, у упоминавшейся нами елецкой разведчицы Миргородской в декабре 1941 г. были убиты двое её малолетних детей. Связник партизанского отряда в селе Афанасьеве Измаковского района был предан односельчанами. Погибли в результате предательства и связные в селе Воловчик. И это далеко не полный список. Выявление фактов и мотивов предательств патриотов нашей Родины должно трансформироваться в бесценный опыт.

В связи с этим особую актуальность имеет работа исследователей в ведомственных архивах по выявлению новых фактов из истории партизанского движения. Представляется, что новая информация позволит персонифицировать подвиг многих героев, остающихся и сегодня безымянными. Выявление новых особенностей боевой деятельности партизанских и диверсионных групп имеет и прикладное практическое значение. Макрозадача будущих исследователей партизанского движения – максимальное выявление подвигов и судеб ныне неизвестных партизан и подпольщиков, установление новых фактов проведения боевых операций и их анализ.

Подводя итог, следует заметить, что без направляющей и решающей роли органов госбезопасности по минимизации ошибок первого этапа войны, успехи были бы менее значительными, а потери – гораздо большими. Оценивая в целом опыт организации партизанского движения на территории региона в 1941–1942 гг., его следует признать успешным.

С.А. Терехов
г. Москва

Органы государственной безопасности Крыма в годы Великой Отечественной войны

Указом Президиума Верховного Совета СССР в Крыму, как и в ряде других пограничных районов страны, с 22 июня 1941 г. было введено военное положение. После его ввода на территории полуострова было интернировано 11 подданных Германии, Словакии, Франции, Румынии, Италии, создана группа оперативных работников для срочной проверки поступающих в НКВД Крымской АССР заявлений и сигналов. С 26 июня организован контроль всей почтовой корреспонденции военнослужащих и населения.

Директивой НКГБ Крыма №301 предписывалось не позднее 26 июня представить в контрразведывательный и секретно-политический отделы материалы с мотивированными постановлениями на арест разрабатываемых по подозрению в шпионской и контрреволюционной деятельности. В соответствии с данной директивой в июне-июле было арестовано 370 человек¹.

Некоторые арестованные представляли оперативный интерес. Например, Г.М. Абрамович, проживавший до 1940 г. в Бухаресте, был тесно связан с одним из деятелей профашистской партии «Кузистов» по фамилии Титулеску и по его заданию распространял по городу листовки, призывавшие к борьбе с коммунистами, а также выявлял лиц, призывавших к коммунистическому движению. В начале 1940 г. Титулеску завербовал Абрамовича, отобрав у него подписку о сотрудничестве с румынской разведкой, органи-

¹ Отчет об агентурно-оперативной работе УНКГБ Крыма за время Отечественной войны. Л. 6 об. URL: <http://avr.org.ua/index.php> (дата обращения: 02.05.2020).

зовал выезд в СССР с целью шпионажа. Выполняя данное задание, Абрамович обосновался в Севастополе и стал собирать шпионские сведения, но был разоблачен.

В сентябре 1941 г. НКГБ и НКВД Крымской АССР были объединены в один Народный комиссариат внутренних дел, состоявший из следующих отделов: контрразведывательного, секретно-политического, экономического, четвертого, охраны, кадров, финансового, тюремного, пожарной охраны, местной противовоздушной обороны, мобилизационной инспекции, 1-го, 2-го и 3-го спецотделов, административно-хозяйственной части, управления милиции. Городские отделы и районные отделения НКВД сохранились во всех городах и районах, где они были ранее¹.

В начале войны органы государственной безопасности Крыма уделяли значительное внимание немецкой колонии на полуострове. Согласно решению СНК СССР с 15 августа по 9 сентября 1941 г. была проведена эвакуация немецкого населения из Крыма в глубокий тыл. Всего эвакуировано 61184 человека, включая лиц со смешанными с немцами браками.

Население остальных колоний по-разному восприняло начало войны действий. Например, политическое настроение греческой колонии, насчитывавшей более 20000 человек, в основном было положительным. На призыв оказать помощь Родине многие греки вносили вещи и денежные сбережения в фонд обороны.

А вот среди крымских татар были сильны прогерманские, националистические, антисоветские проявления и террористические намерения по отношению к партийно-советскому активу. Поэтому с начала военных действий по 1 сентября 1941 г. было арестовано: 788 человек – по линии

¹ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф.П–151. Оп. 1. Д.29. Л.111–112.

контрразведывательного отдела (КРО) и 830 человек – по линии секретно-политического отдела¹.

Законченные следственные дела немедленно рассматривались военным трибуналом. 295 арестованных, дела на которых не были закончены, по распоряжению НКВД СССР, были этапированы в Иркутск. Туда же командирована группа следователей под руководством лейтенанта госбезопасности В.А. Галкина.

В октябре 1941 г. руководство НКВД Крымской АССР с некоторой частью оперативного состава передислоцировались в Севастополь, вторая, основная, группа сотрудников с арестованными убыла в Керчь, а затем на Тамань и в Краснодар, третья группа в составе 42 человек, возглавляемая старшим лейтенантом госбезопасности запаса Н.И. Казаковым, осталась в тылу врага, уйдя в партизанские отряды.

Чекисты уходили последними, выполнив поставленные перед ними задачи по уничтожению важных промышленных объектов.

Особенно мужественно вели себя начальник Ак-Мечетского (Черноморского) районного отдела НКВД В.М. Воронецкий, закончивший уничтожение порученных ему объектов уже при подходе гитлеровцев к поселку Ак-Мечеть и ушедший на катере в Севастополь, а также начальник Феодосийского городского отдела НКВД Г.А. Павлюк, непосредственно принимавший участие в уничтожении крупной нефтебазы с 16000 тонн горючего на окраине города. Фашисты в это время уже входили в Феодосию².

Захватив Крымский полуостров, немецкие войска встретили упорное сопротивление Севастопольского оборонительного района и вынуждены были приступить к его осаде.

¹ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 2. Д.37. Л. 23-25.

² Крымский щит России / УФСБ России по Республике Крым и городу Севастополю. Симферополь: Н. Орианда, 2019. С. 77

В декабре 1941 г. с целью оказания помощи Севастопольской обороне советское командование подготовило Керченско-Феодосийскую десантную операцию. НКВД Крыма также готовилось к ней, сформировав пять групп из сотрудников для ведения оперативной работы на намеченной к освобождению территории.

Основной десант с Тамани начал высаживаться на нескольких участках побережья Керченского полуострова 26 декабря 1941 г., вместе с ним прибыли и оперативные группы НКВД.

Десант из Новороссийска высадился в порту Феодосии ночью 29 декабря, в составе которого находились оперативно-чекистские группы, которые потом успешно проводили оперативную работу.

Чекистами были захвачены документы феодосийской СД, полиции, городской управы. Существенную помощь по изъятию документов полиции оказал агент «Пысин», оставленный Г.Я. Павлюком в городе с заданием внедриться в карательные органы противника, что он и сделал, поступив в полицию. Оперативной группе удалось выявить и арестовать 103 изменника Родины.

17 января 1942 г. оперативная группа, возглавляемая А.И. Галушкиным, приняла участие в знаменитом Евпаторийском десанте. Десант был уничтожен фашистами. Как выяснилось уже после окончания Великой Отечественной войны, контуженного А.И. Галушкина укрыли евпаторийские патриоты. Оправившись от ранения, он создал молодежную патриотическую группу, которая размножала и распространяла по городу листовки с сообщениями «Совинформбюро». Однако А.И. Галушкина предали. 5 мая

1942 г. при попытке ареста он, уничтожив ряд карателей, застрелился¹.

Операция Керченского десанта, начавшаяся 26 декабря 1941 г., сложилась более удачно. Пять оперативных групп НКВД Крыма, высадившиеся с десантами, приступили к работе на отведенных им участках. Через некоторое время в Керчи было создано еще семь отделений в составе 34 чекистов.

Одной из оперативных была получена ориентировка НКВД СССР о радиоперехвате и расшифровке телеграммы немецкого резидента «Сихр» германскому главному командованию. В ней сообщалось о наличии в районе Севастополя подводного шумопеленгатора, проложенного от мыса Херсонес в море, и организации подслушивания по подводной кабельной связи Азово-Черноморского бассейна. Как источник этих сведений указывался завхоз кабельной базы А.Ф. Васютинский. После его первичного допроса был арестован прошедший по его показаниям техник конторы связи М.В. Константинов.

На допросах Константинов и Васютинский признались в выдаче органу немецкой военно-морской разведки «Нахрихтенбеобахтер» («НБО») расположения подводных телеграфных кабелей по Азово-Черноморскому бассейну и всей секретной технической документации подводной связи, не вывезенной при эвакуации Керчи. Они сообщили немцам о наличии и устройстве секретного шумопеленгатора в районе Севастополя, на установке которого ранее работали. Константинов помог немцам в организации подслушивания на кабеле Севастополь–Новороссийск.

¹ Подробнее об этом см.: *Кропотов В.* Тактический десант. Евпаторийская десантная операция 4-5 января 1942 года. Симферополь: Н. Оріанда, 2018.

Военный трибунал приговорил Константинова, Васютинского и ряд других лиц к высшей мере наказания, остальных – к разным срокам лишения свободы¹.

В целях обеспечения тыла Керченского фронта оперативной группой НКВД был проведен ряд массовых мероприятий: в течение 24-28 января 1942 г. переселены вглубь полуострова жители 13 прифронтовых деревень; выселено 438 итальянцев и 209 других иностранных подданных – турок и греков.

С 1 января по 10 мая 1942 г. было проведено 55 массовых прочесов местности. В результате задержано: по подозрению в шпионаже – 78 человек, дезертиров из РККА – 2353, уклонившихся от призыва и мобилизации на военную службу – 862, разыскиваемых преступников – 4, военнослужащих, потерявших свои части, – 10330.

За тот же период было арестовано 1377 человек: изменников, агентов, диверсантов – 847, бывших членов и кандидатов ВКП(б) – 42, кулаков – 120, татарских националистов – 188.

На 10 мая было закончено следствие по 1125 арестованным. Из них освобождено – 75 человек, умерло от болезней и погибло при налетах вражеской авиации – 52, расстреляно – 541. Остальные этапированы в Краснодар².

В этих операциях принял участие весь оперативный состав НКВД и милиции, два полка пограничников и внутренних войск НКВД.

В связи с оставлением Керченского полуострова Красной армией, 10 мая 1942 г. личный состав НКВД Крыма был эвакуирован в Краснодар. 17 мая эвакуация в основном была завершена и последние сотрудники, находившиеся в местах переправ, прибыли на Тамань. Перед оставлением Кер-

¹ Крымский щит России. С. 88

² Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. Вопросы и ответы. Симферополь: Таврия, 1994. С. 38.

чи совместно с командованием РККА были выведены из строя городские предприятия и мастерские.

Перед оставлением Красной армией Керченского полуострова опергруппой НКВД было подготовлено на оседание 5 содержателей конспиративных квартир, 15 диверсионных резидентур и 20 агентов.

К моменту оставления Керчи в оперативной группе числилось 202 чекиста. Убито, умерло от ран и пропало без вести при эвакуации 9 сотрудников. На излечении находились 5 раненых.

Настоящим испытанием стали для крымских чекистов оборона Севастополя.

Непосредственно на территории города оперативную работу обеспечивал личный состав республиканского наркомата и городской отдел НКВД. На незанятой оккупантами территории Балаклавского района находились сотрудники районного отделения НКВД.

Передовые позиции постоянно находились под артиллерийским обстрелом и бомбовыми ударами с воздуха. Некоторые населенные пункты и позиции переходили несколько раз из рук в руки. Такая боевая обстановка значительно затрудняла оперативную работу, но она проводилась. Во время осады Севастополя экономический отдел НКВД обеспечивал контроль за начавшейся эвакуацией из города всех крупных заводов и продолжал агентурно-оперативную работу среди производственного состава оставшихся цехов и мастерских, снабжавших воинские части боезапасом.

4-й отдел НКВД занимался разведкой, забрасывал в тыл врага агентуру с разведывательными заданиями. Для связи с партизанами в лес были брошены две опергруппы. Успешно выполнив задание, они без потери вернулись в Севастополь.

В боях за Севастополь погибла значительная часть оперативного состава городского отдела НКВД и Особого отдела Черноморского флота.

В мае 1943 г. путем выделения из НКВД оперативных чекистских подразделений был образован Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) Крымской АССР, состоявший из следующих подразделений: 1-го (разведывательного) отделения, 2-го отдела (борьба с агентурой иностранных разведок и антисоветским элементом внутри страны), 4-го отдела (работа на территориях, оккупированных противником), 5-го отделения (шифровка, дешифровка и охрана государственной тайны), отделов «А» (архив, статистика, розыск государственных преступников, внутренняя тюрьма), «Б» (опертехника), «В» (контроль почтовой, телеграфной корреспонденции) и отдела кадров.

На протяжении всей Великой Отечественной войны крымскими чекистами руководил комиссар государственной безопасности 3-го ранга П.М. Фокин (1900–1979 гг.). После оставления полуострова Красной армией он стал заместителем начальника Управления НКВД по Краснодарскому краю – начальником оперативно-чекистской группы УНКВД по Крымской АССР, а с октября 1943 г. был назначен начальником восстановленного УНКГБ.

В ноябре 1943 г. на базе республиканского наркомата госбезопасности, в дополнение к постоянно действующей оперативной группе в партизанских отрядах, в Крыму формируются еще две: северная и южная. Перед северной оперативной группой, состоявшей из 14 офицеров, ставилась задача совместно с органами Управления контрразведки (УКР) «Смерш» 4-го Украинского фронта организовать работу по проведению агентурно-оперативных мероприятий на будущей освобожденной территории смежных с Крымом областей УССР, а также при вступлении частей Красной армии на полуостров через Перекопский перешеек.

Высадившаяся в ноябре 1943 г. на Керченский полуостров Отдельная Приморская армия прочно закрепилась на керченско-еникальском плацдарме северо-восточнее Керчи. Туда же перебрасывается южная оперативная группа НКГБ

в составе 6 офицеров, основной задачей которой стала фильтрация населения, проживавшего на плацдарме, и заброска в тыл врага зафронтной агентуры.

Отметим, что до начала наступления Красной армии 8 апреля 1944 г. северной и южной оперативными группами выявлено и взято на учет 464 человека, из которых 25 являлись агентами немецких разведывательных и карательных органов, 15 – официальными сотрудниками фашистских спецслужб. Оперативниками задержан 41 предатель и пособник.

К апрелю 1944 г. крымскими сотрудниками НКГБ в ближний и глубокий тыл противника заброшено 55 зафронтных агентов, взято на учет 4684 человека.

К моменту освобождения Симферополя большинство сотрудников УНКГБ по Крымской АССР находилось уже на полуострове и принимало самое активное участие в разгроме немецко-фашистской группировки.

Офицеры-контрразведчики, двигавшиеся вместе с войсками в составе оперативно-чекистских групп, после освобождения оставались в районных центрах полуострова, восстанавливая систему органов государственной безопасности на местах.

Решались и специфические задачи, такие, например, как фильтрация оставшихся на оккупированной территории членов и кандидатов ВКП (б) и ВЛКСМ, в направлении выявления и разоблачения среди них немецких агентов и предателей. С мая по сентябрь 1944 г. крымскими органами государственной безопасности из данной категории был проверен 1761 человек, из которых «...за предательско-пособническую деятельность немецким оккупантам и причастность к разведорганам противника привлечено к ответственности 141 человек членов и кандидатов ВКП (б)».

Еще до освобождения полуострова органы госбезопасности занялись обработкой агентурно-следственных материалов, поступавших из партизанских отрядов и органов

контрразведки «Смерш». Уже в первые недели после освобождения крымчанами выявлены и разгромлены 28 резидентур противника с 86 агентами.

Так, благодаря агентурной информации и захваченным документам, контрразведчиками УНКГБ в конце апреля 1944 г. была раскрыта резидентура немецких спецслужб, использовавшая в качестве прикрытия деятельность оккупационного управления лесным хозяйством Крыма «ВИКО». Ее возглавлял начальник лесной группы «ВИКО» немецкий офицер Кайзерлинг, который с помощью завербованного директора управления лесами М.В. Сидякова создал агентурную сеть из числа лесников для «...оказания всемирного содействия в деле борьбы с партизанами, путем выявления мест дислокации отрядов, их баз...». Всего задержано 24 члена резидентуры.

В ходе ее ликвидации, оперативными сотрудниками была получена информация об использовании немцами еще одного структурного подразделения «ВИКО» – так называемой «школы чабанов», предназначенной для борьбы с партизанами. В кратчайшие сроки контрразведчики арестовали 23 курсантов и 3 преподавателей, а 276 человек объявили в розыск.

Несомненным успехом сотрудников УНКГБ Крыма можно считать вскрытие и последующую ликвидацию агентурной сети симферопольского СД, оставленную противником на глубокое оседание в тылу советских войск. Первые сведения о ней крымские чекисты получили от двадцатилетнего провокатора С. Мышекова, которого немцы пытались внедрить к партизанам поздней осенью 1943 г. На допросах он сообщил фамилии и приметы более 50 человек, привлеченных немецкой службой безопасности к обеспечению оккупационного порядка на полуострове.

К 20 мая 1944 г. из числа этой резидентуры был разыскан бывший заместитель начальника 6-го (контрразведывательного) отдела Симферопольского СД Гильденберг. Вме-

сте с ним арестовали бывшего следователя СД Лукина, которому оккупационная администрация доверила внутреннюю тюрьму СД в столице Крыма.

Кроме указанных лиц, в апреле-мае 1944 г. чекисты задержали еще 12 активных пособников фашистов, причастных к гибели более 100 крымчан-подпольщиков.

Накануне освобождения Крыма от агентуры, внедренной крымскими контрразведчиками в «НБО», стало известно, что противник планирует оставить группу агентов с радиостанцией в Симферополе, куда вошли Астадурьян, Оганесян, Тарлакян, Узунян, Рогонян, прошедшие длительную подготовку в разведшколах немцев. Оставшись в городе, двое из агентов явились с повинной в НКГБ и использовались в качестве опознавателей. Они же и указали, где можно найти старшего группы Астадурьяна, который после задержания использовался некоторое время в радиопредаче с немцами.

Всего за 1944 год НКГБ Крыма арестовано 3430 человек, из них агентов – 87, изменников Родины – 612, членов националистических комитетов – 172, предателей, немецких ставленников, пособников – 1678, прочего антисоветского элемента – 381.

Военным трибуналом и Особым совещанием рассмотрено следственных дел на 2451 человека, из них приговорено к высшей мере наказания – 278, к каторжным работам – 559, к разным срокам лишения свободы – 1544; оправдано – 70 человек.

После разгрома немецко-румынских войск в Крыму сотрудники УНКГБ привлекались к операциям, которые на основании указов Президиума Верховного Совета СССР и постановлений Государственного Комитета Оборона СССР проводили НКВД-НКГБ по депортации малых народов полуострова. Об этой странице нашей истории широко известно и ей даны соответствующие оценки.

Рассекреченные документы ФСБ России наглядно демонстрируют, что крымское Управление НКГБ с первых дней возвращения на полуостров сфокусировало свои усилия на документировании всех совершенных преступлений и избличении конкретных участников различных местных «добровольческих» формирований и национальных комитетов. При этом, они не носили огульного обвинения народов в пособничестве врагу, а имели четкий персонифицированный характер. Изучая эти документы еще раз убеждаешься, что предательство не имеет национальности.

Фронт после 12 мая 1944 г. двигался дальше на запад, каждый день освобождая километры родной земли. В тылу восстанавливалась мирная жизнь. Крымским чекистам предстояло еще разыскать многих предателей и пособников врага, чтобы доказать политическому руководству страны, что Крым стал безопасным. Безопасным настолько, чтобы провести в Ялте международную конференцию. Но это уже другая история.

Д. В. Куваев
г. Хабаровск

**Роль контрразведки Тихоокеанского флота
в укреплении боеготовности береговой обороны
советского Дальнего Востока в 1939–1942 гг.**

Историография проблемы строительства и боевой готовности береговой обороны (БО) советского Дальнего Востока в начальный период Второй мировой войны свидетельствует о слабой научной разработанности этого аспекта истории Отечества. В данном контексте роль и место контрразведки Тихоокеанского флота (ТОФ) в обеспечении безопасности системы укрепленных районов (УР) береговой обороны дальневосточного побережья, в том числе в вопросах повышения боеготовности, соблюдения режима секретности, предотвращения чрезвычайных происшествий с вооружением и личным составом, сегодня остаются не определены. Изучение материалов практики контрразведывательной деятельности Особого отдела (ОО) НКВД ТОФ за 1939–1942 гг. способствует внесению ясности в историческую неопределенность о действительном состоянии системы укрепленных районов и секторов Тихоокеанского побережья в исследуемый период. Ценный опыт, наработанный контрразведкой ТОФ в 1939–1942 гг., представляется актуальным и востребованным в практической деятельности органов безопасности современной России.

В конце 30-х гг. XX в. внешние угрозы государственной безопасности СССР на Дальнем Востоке были связаны с оккупацией императорской Японией территории Маньчжурии и выходом Квантунской группы армий на советско-маньчжурскую границу, что резко осложнило военнополитическую обстановку в регионе. Вблизи советской границы, на оккупированной территории Китая и Кореи, была организована деятельность японских военных миссий

(ЯВМ), которые управляли разведывательно-подрывной деятельностью против СССР, и в первую очередь, в отношении военных объектов¹.

Период форсированного строительства укрепрайонов БО на советском Дальнем Востоке берет свое начало с середины 30-х гг. XX в., когда Совет народных комиссаров (СНК) СССР ускоренными темпами приступил к реализации ряда государственных мер в ответ на потенциальную угрозу со стороны Японии. Рост оборонной промышленности на Дальнем Востоке и усиление войсковых частей БО переклЮчили первоочередные устремления военно-морской разведки императорской Японии на получение сведений о состоянии боеготовности УР и секторов БО, а также к сбору разведанных о командном составе, тактико-технических характеристикам артиллерийского вооружения и планам применения этих соединений².

Оперативная обстановка в секторе контрразведки ТОФ в период 1939-1942 гг. характеризовалась постоянно увеличивающейся напряженностью. Кроме известных факторов, оказавших влияние на динамику обстановки, нарастающий массив контрразведывательных задач, в том числе в области оказания помощи командованию, способствовал принятию руководством ОО НКВД ТОФ решения о реализации системы мер оперативного контроля, которое впоследствии и сыграла ключевую роль в повышении боеготовности сил и средств БО ТОФ³.

Планы наркома обороны К.Е. Ворошилова о завершении в сентябре 1939 г. развернутого строительства и формиро-

¹ Ямпольский В.П. Военная разведка против СССР в 1918-1945гг. // Военно-исторический журнал. 1991. №11. С. 216.

² Центральный военно-морской архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф.952. Оп. 1. Д. 96. Л. 19-37; Ямпольский В.П. Указ. соч. С. 217.

³ Соцков Н.Н. Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. Владивосток: «Русский остров», 2002. С. 68

вания БО на Дальнем Востоке вышли за предусмотренные сроки. К этому времени некоторые отдалённые объекты в полном объеме еще не были обеспечены вооружением и военной техникой, а на некоторых ещё продолжалось строительство. На вошедших в боевой состав флота оборонных объектах чрезвычайные происшествия при обслуживании артвооружения были нередким явлением. Ущерб от пожаров, нередко сопровождаемых гибелью личного состава, утрата по халатности вооружения и военной техники, приравнивались к ущербу от диверсии.

В состав ТОФ на 1 января 1939 г., входили Хасанский сектор БО и 6 крупных УР: Владивостокский, Шкотовский, Сучанский, Владимиро-Ольгинский, Совгаваньский и Камчатский. Строительство на Дальнем Востоке не было в должной мере обеспечено кадрами инженерно-технического персонала. Проведенные ОО НКВД ТОФ репрессии на флоте в целом не повлияли на масштаб и интенсивность строительства, однако отрицательно сказались на уровне боевой слаженности соединений и частей. По состоянию на сентябрь 1939 г. требовалось 612 инженерно-технических работников, всего имелось 476 специалистов.

Часто проводившиеся реорганизации управленческих аппаратов строительных организаций вносили путаницу и способствовали срыву сроков оборонного строительства. Работы велись развернутым фронтом, в силу чего возведение ряда объектов оставалось не завершено.

В 1939 г. предусматривалось строительство на сумму 174 млн. руб., включая переходящие объекты на 25 млн. руб. Однако годовой план строительства ТОФ был выполнен лишь на 66,2 %. В течение года объем работ и план строительства менялись 5 раз. Неоднократные изменения плана строительных работ в сторону их увеличения, срывали плановость и выполнение намеченных сроков строительства. Первый вариант годового плана строительства БО ТОФ на 1939 г. предусматривал объем работ на сумму

102.744 млн. руб. По своему целевому назначению этот план был направлен на выполнение переходящих работ, доделочные и иные виды монтажа. Учитывая ранее вскрытые конструктивные недостатки, допущенные строителями, планом была предусмотрена перестройка 761 объекта, на которые было использовано 70 % от выделенных государственных ассигнований. Новых объектов возведено лишь 303.

В состав строительных батальонов входило 10,5 тыс. человек, из них 2,5 тыс. постоянно находились на разных работах по обслуживанию батальонов, а не на строительстве объектов. Стахановцы составляли всего около 15%. В отдельных батальонах среди личного состава наблюдался низкий уровень производственной дисциплины. Эти аспекты оказывали влияние на результативность выполнения плана строительных работ.

Отождествление автором сведений, содержащихся в докладах командования БО Тихоокеанского флота и начальника ОО НКВД ТОФ о состоянии боеготовности УР позволило выявить в них существенное разногласие в изложенных данных. В отличие от докладов военного командования, которые не отличались объективностью, докладные записки начальника ОО НКВД ТОФ содержали анализ экспертной информации о состоянии объектов строительства БО флота, а также процессах внутри войсковых частей и их окружении. О фактах искажения отдельными командирами вопросов состояния строительства, вооружения и техники, низкой обученности личного состава, нарушениях воинской и партийной дисциплины, командование флота старалось не упоминать.

Вместе с тем, в начале 1939 г. ОО НКВД ТОФ располагал выверенной оперативной информацией о негативных процессах в частях БО ТОФ, которые препятствовали совершенствованию боеготовности этих соединений. К ос-

новным угрожающим факторам можно отнести следующее.

Состояние артиллерии БО ТОФ по состоянию на 1 января 1939 г. было удовлетворительным по сравнению с прошедшим годом, но, как отмечали специалисты, не достаточным. Огневые точки оставались недооборудованы, не везде выполнен монтаж фильтровентиляционной системы и установка приборов наведения и управления огнем, отмечались перекосы бронированных дверей. Многие долговременные огневые точки (ДОТ) не были оборудованы освещением, отоплением, водоснабжением и т.д. Флотские чекисты связывали эти явления с вредительством группы заговорщиков при планировании и строительстве военных объектов. По некоторым фактам действительно велась работа в рамках материалов агентурных разработок. Однако прямая причастность инженерно-технического состава к умышленному вредительству флотской контрразведкой была не подтверждена.

Во Владивостокском УР на 911 батарее 305-мм гаубичные орудия были установлены в 1936 г. и к 1939 г. имели расстрел стволов более 30%. Батарея должна была иметь по проекту сектор обстрела 300 градусов, а фактически он составлял только 180. В 1936 г. 912 батарея была вынесена на большую возвышенность и стала служить хорошим ориентиром для морского противника во время боя. 913 батарея 120-мм орудия японского производства имела расстрел стволов более 40%. Механизмы и части орудий были изношены и требовали замены. Однако заменить их было нечем.

На острове Аскольд к началу 1939 г. на 26-й батарее башенная установка и орудие калибра 180 мм в строй введены не были. Строительство батареи начато в 1936 г. Однако на ней не были поставлены приборы управления артогнем и бронекупола для компоста, которые могли быть поставлены только в конце 1940 г. При этом батарея на острове Аскольд

имела очень важное значение для ведения артстрельбы в заливе Петра Великого.

В Сучанском УР, несмотря на сильную огневую мощь 44 ДОТов, батальон с требуемой эффективностью решать боевые задачи и отражать высадку десанта не мог, т.к. ДОТы и 3 арткапонира были построены в глубине побережья, в 20-30 км от береговой линии, и могли вести бой не с высаживающимся десантом, а с частями противника, которые уже заняли побережье и двигались в глубь советской территории. ДОТы были расположены так, что могли быть легко окружены штурмовыми группами противника с флангов. В этом укрепленном районе также располагался 52-й отдельный артдивизион БО, состоявший из батарей №№ 900, 905, 906 и № 27 калибра 152/45 мм. Материальная часть нуждалась в ремонте механизмов наведения, т.к. имелась большая «разболтанность». Батареи №№ 900, 906 и 27 имели неисправные дальнометры, требовавшие заводского ремонта. Эти батареи не были обеспечены запасными стволами и подъемными приспособлениями для смены тел орудий.

В Шкотовском УР было расположено 17 ДОТов. Их сектор огня был направлен на подавление противника, который мог продвигаться только со стороны бухты Суходол, иные направления высадки десанта противника при планировании строительства учтены не были.

Руководство Особого отдела, исходя из оценок специалистов, было убеждено, что имеется ряд мест на побережье наиболее удобных для высадки десанта. Например, бухта Анны, которая вообще оборонительными сооружениями не была обеспечена. Вплоть до 1942 г. оборона на таких участках была не организована.

В Совгаваньском УР располагался 54-й артдивизион береговой обороны, состоявший из 3-х батарей (№№ 908, 909 и 925) калибра 152/45 мм. Артиллерия всех батарей требовала ремонта механизмов наведения. Батарея № 925 находилась в стадии строительства и в эксплуатацию была еще

не сдана. На батарее № 908 одна пушка с момента ее установки в 1934 г. находилась в неисправном состоянии.

Во Владимиро-Ольгинском УР материальная часть батарей № 920 и № 930 нуждалась в капитальном ремонте.

В состав Камчатского УР входила 961 береговая батарея. Строительство этого объекта, начатое в 1936 г., даже к 1942 г. закончено не было. Батарея по прямому назначению должна была прикрывать ворота в Авачинскую бухту, где был дислоцирован дивизион подводных лодок. Место для батареи по оценке Особого отдела НКВД ТОФ, было выбрано неверно, т.к. сама батарея была скрыта за возвышенностью. В силу этого сектор обстрела батареи был сокращен до 120 градусов.

Состояние продовольственного снабжения частей БО флотской контрразведкой характеризовалось рядом неверных управленческих решений командования, серьезно снизивших фактический объем снабжения овощами от установленной нормы частей, раскиданных по всему тихоокеанскому побережью. Особенности вещевого довольствия были связаны с нерегулярностью централизованных поставок отдельных видов военной формы. Обеспеченность личного состава основными предметами вещевого довольствия по состоянию на 5 октября 1939 г. характеризовалась большой недостаточностью обмундирования по всем видам. Во время августовских боев на озере Хасан при выдаче обмундирования из мобилизационного резерва источником контрразведки было обнаружено, что в каждой партии в 1000 комплектов не хватало 100 шинелей, 130 ремней поясных, 110 брюк. В последствии на складах во Владивостоке контрразведкой была выявлена недостача 15000 комплектов обмундирования. Конкретными виновниками в растрате вещевого имущества являлись работники мобилизационного отдела Главвоенпорта ТОФ Духов и Глазунов. Вина последнего была доказана, он был арестован и осужден к 3 годам лишения свободы.

Политико-моральное состояние личного состава соединений и частей БО, в целом, было здоровое и вполне устойчивое. Бойцы и командиры в своем большинстве активно работали над повышением боевой и политической подготовки личного состава. Однако, в ряде частей в результате неудовлетворительно поставленной партийно-политической работы, неправильной организации досуга командного и рядового состава, отсутствия борьбы с нарушителями дисциплины, как по линии командования частей, так и политоргана, повлекли нарушения воинской дисциплины, аморального поведения, пьянства и высказывания антисоветских настроений. За период первого полугодия 1939 г. в частях БО был отмечен ряд самоубийств. В частности, в январе 1939 г. покончил жизнь самоубийством красноармеец командного поста 7-й отдельной железнодорожной батареи Шкотовского УР, скрывший от командования прошлое своего отца и запутавшийся в быту. Как выяснилось позже, его отец служил до 1917 г. в горной страже.

В частях Владивостокского УР из 2147 случаев нарушения воинской дисциплины в 1939 г., 119 случаев были связаны с пьянством и дебошем. В 12-й Железнодорожной бригаде имелось 6 случаев коллективных пьянок с участием среднего и младшего начсостава. В войсковых частях Шкотовского УР за 1–3 кварталы 1939 г. имели место 1414 фактов нарушения воинской дисциплины 1363 военнослужащими, что к общему количеству личного состава 4433 человек составило 30,7%. Из категории комначсостава и политсостава были привлечены за нарушение воинской дисциплины к дисциплинарному взысканию 96 человек, из младшего комначсостава – 275, рядового состава – 992, членов и кандидатов ВКП(б) – 62, членов ВЛКСМ – 432, беспартийных – 864. В общем числе нарушений дисциплины имели место и такие проступки, как неисполнение приказаний – 47, пререкания и грубость – 290, самовольные отлучки – 65, нарушение устава караульной службы – 55, пьянство – 75.

Партийная и комсомольская организации, политаппарат и командование частей Шкотовского УР с фактами нарушений воинской дисциплины и бытового разложения борьбу вели не достаточно принципиально. Краснофлотцы с низкими морально-деловыми качествами контрразведкой флота отводились от участия в потенциально опасных работах с вооружением.

Учитывая фактическую обстановку в этой среде, в целях предупреждения чрезвычайных происшествий на объектах флота широко использовалась сеть секретного осведомления ОО НКВД ТОФ. Деятельность особых отделов флотов по оказанию помощи военному командованию в вопросах укрепления боеготовности была регламентирована совместным приказом Народного комиссариата (НК) ВМФ и НКВД СССР № 0056/007 от 17 января 1939 г., которым утверждались специальные задачи по борьбе с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями в РККА, ВМФ. Начальникам Особых отделов флотов предписывалось своевременно и исчерпывающе информировать НК ВМФ СССР о всех недочетах в состоянии частей рабоче-крестьянского флота. На местах Особые отделы информировали Военные советы (ВС) военных округов. Особые отделения флотилий и соединений информировали соответствующих командиров и комиссаров на местах¹. В результате обобщения оперативной информации о состоянии БО серьезные опасения у руководства ОО НКВД ТОФ вызывали вопросы мобилизационной и боевой готовности, а также статистика чрезвычайных происшествий, связанных с гибелью личного состава².

¹ Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Контрразведка ВМФ СССР 1941-1945. М., 2015. С. 45.

² Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой отечественной войне: Исторические очерки и архивные документы. М., 2010. С. 138.

Эти задачи решались путем организации работы агентурно-осведомительного аппарата на флоте, среди гражданского населения и ведения следствия по делам о контрреволюции, шпионаже, диверсии, измене Родине и вредительстве РККА и ВМФ СССР. Агентурно-оперативные мероприятия проводились в сочетании с гласными следственными мероприятиями, связанными с обысками, арестами и выемками.

Согласно годовому плану работы Особого отдела НКВД ТОФ, доклады периферийных отделов о вскрытых фактах очковтирательства и попустительства, допущенные командованием при выполнении задач боевой подготовки, а также эпизодах вредительства на оборонных объектах ежеквартально направлялись в аппарат руководителя. Обобщенные докладные записки направлялись в ГУГБ НКВД СССР, которое информировало Главнокомандующего ВМФ СССР, а также партийные органы и отраслевые ведомства для незамедлительного выполнения государственных решений, принятых СНК СССР¹.

Начальнику 1-го отдела ОО НКВД ТОФ было необходимо информировать о работе штаба ТОФ. Все периферийные отделы в обязательном порядке информировали аппарат вышестоящего руководства о недочетах командования в боевой подготовке по отдельным частям БО, противопожарной охране складов вооружения и боезапаса, о ходе строительства, состоянии материально-технического обеспечения, политико-моральном состоянии личного состава. Агентурные сведения о чрезвычайных происшествиях, а также срыве мероприятий боевой подготовки на флоте должны были докладываться незамедлительно в аппарат ОО НКВД ТОФ всеми отделами и в любое время суток.

¹ Христофоров В.С., Черепков А.П. Хохлов Д.Ю. Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой отечественной войне. С. 140.

В целях выполнения задачи по укреплению обороноспособности Дальнего Востока ОО НКВД ТОФ активно информировал Военный совет ТОФ о вскрытых фактах «преступного» попустительства в мобилизационной и боевой готовности частей БО, срывах сроков строительства и поставок вооружения, а также о вскрытых оперативным путем предпосылках к возникновению чрезвычайных ситуаций. Большая часть вскрытых недостатков и просчетов командиров устранялась немедленно после рассмотрения ВС ТОФ специального сообщения, подготовленного начальником флотской контрразведки. Подсчёт статистики показал, что в 1939 г. в ВС ТОФ было направлено 56 специальных сообщений, связанных с недостатками боеготовности в частях БО, в 1940 г. – 52, в 1941 г. – 46, а в 1942 г. – только 33.

Таким образом, система контрразведывательной работы по контролю за деятельностью командования РККА, сложившаяся в Особых отделах ОГПУ еще в середине 20-х гг. XX в., не только подтвердила свою целесообразность, но и оказалась адекватным инструментом своевременного устранения угроз безопасной эксплуатации вооружения и военной техники ВМФ СССР. Форсированное возведение БО ТОФ в период 1939–1942 гг. способной отразить агрессию японских оккупантов требовало от флотских чекистов ТОФ предельного внимания к формированию секторов укрепленных районов и уровню боевой подготовки личного состава. Реализация контрразведывательных задач оперативного надзора за состоянием обученности личного состава и повышением качества боеготовности частей и соединений БО ТОФ выполнялась на непрерывной основе, согласно оптимизированной и усовершенствованной ОО НКВД ТОФ системы оперативного контроля. В этой работе оперативные сотрудники использовали методику изучения и оценки информации, добытой от агентов из числа компетентных специалистов. Кроме этого, предупреждение контрразведкой предпосылок к чрезвычайным происшествиям при обо-

роте боеприпасов и взрывчатых веществ, сохранило жизнь и здоровье не малому количеству краснофлотцев, завоевавших Победу в Великой Отечественной войне.

В.Е. Морихин
г. Москва

**Участие советских пограничников в выполнении
специальных заданий в годы
Великой Отечественной войны**

Советские пограничники в годы Великой Отечественной войны выполняли множество ответственных и разнообразных служебно-боевых задач.

Большая часть из них достаточно широко освещена. Мы расскажем о малоизвестных или недостаточно раскрытых фактах, касающихся выполнения пограничниками специальных заданий.

Снайперское движение

Осенью 1941 г. в пограничных войсках, участвующих в охране тыла действующей армии, зародилось снайперское движение. Его зачинателями стали М.Я. Миронов, И.Д. Вежливцев и П.И. Голиченков. Они не только сами овладели снайперским мастерством, но и подготовили большой отряд метких стрелков. Только П.И. Голиченков обучил снайперскому делу 60 бойцов.

В феврале 1942 г. И. Д. Вежливцеву и П. И. Голиченкову было присвоено звание Героя Советского Союза¹. Через некоторое время этого звания был удостоен и М. Я. Миронов².

К лету 1942 г. снайперское движение во всех войсках НКВД получило широкий размах. Стали создаваться снайперские команды, которые направлялись в действующую армию. Всего в 1942 г. прошли боевую стажировку на

¹ Чабаненко В.Е. Золотые Звезды границы: учебное пособие для личного состава пограничных войск. В 4 кн. Кн. 1. М.: Воениздат, 1986. С. 163–166, 209–211.

² Там же. С. 308–312.

фронте 14 989 подготовленных снайперов. За время стажировки они вывели из строя убитыми и ранеными 182 455 фашистских солдат и офицеров¹.

Любопытен факт проведения в период с 18 июля по 1 августа 1942 г. командованием и политотделом войск НКВД по охране тыла Ленинградского фронта соревнований между снайперскими командами частей. В них приняло участие 11 команд, из них 5 – от пограничных полков. Каждая команда состояла из 27 снайперов. Соревнования проводились в течение 14 суток на переднем крае в условиях непосредственного соприкосновения с противником. В результате враг не досчитался 2705 солдат и офицеров. Первое место заняла снайперская команда 106-го пограничного полка, возглавляемая лейтенантом Лепским. Находясь на участке 880-го стрелкового полка, ее снайперы истребили 443 фашиста и подготовили в полку 30 снайперов².

Опыт, приобретенный снайперами в частях действующей армии, был использован для дальнейшего развития снайперского движения. С февраля 1943 г. на боевую стажировку направили первые группы снайперов из восточных и южных пограничных округов.

К 1943 г. снайперское движение в боевых порядках частей Западного фронта приобрело массовый характер. В марте – апреле в пограничных войсках проводились сборы снайперов, на которых изучался и распространялся опыт боевых стажировок. Вскоре на базе стрельбища «Динамо» в г. Мытищи Московской области был создан учебно-снайперский батальон, готовивший снайперов пограничных войск, командиром которого был назначен капитан В.Н. Кельбин.

¹ Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1942–1945 гг. М.: Наука. 1976. С. 918.

² Там же. С. 159–164.

Снайперское искусство в первую очередь использовалось в оборонительных боях, тем не менее, его активно применяли и в наступлении. Так, после переноса артиллерийского и минометного огня в глубину обороны противника снайперы истребляли ожившие и вновь появившиеся огневые точки на переднем крае, а с началом танковой атаки обезвреживали противотанковые средства противника. В дальнейшем они вели огонь по бойницам дзотов и дотов и автоматчикам, помогая пехоте при прорыве обороны противника. После ее прорыва снайперы, как правило, выдвигались вперед, стремясь в первую очередь уничтожить офицеров противника, возглавлявших контратаку, а при отходе противника - прислугу огневых средств, прикрывающих отход.

Сражаясь на всех фронтах, снайперы-пограничники день ото дня увеличивали счет уничтоженных ими фашистов. Так, по отзыву командования 56-й стрелковой дивизии о боевой деятельности снайперов-истребителей 108-го пограничного полка на участке дивизии в июле 1942 г. отмечалось, что за 13 боевых дней группой снайперов было уничтожено 219 фашистов¹. Они проявляли отменную военную хитрость и смекалку. Тщательное и продуманное наблюдение, применение различных приемов в сочетании с умением в 2-3 секунды метко выстрелить, позволяли им успешно бороться с фашистскими захватчиками.

Снайперское движение в пограничных войсках позволило воинам-пограничникам южных и восточных округов непосредственно участвовать в боевых действиях, пройти на фронте стажировку, и вернувшись в свои части широко распространить боевой опыт. Это сыграло положительную роль в повышении надежности охраны границы, в овладении другими воинами оружием. Но самым главным было

¹ Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Наука, 1968. С. 382.

все-таки то, что пограничники, вносили свой вклад в дело разгрома врага. За период Великой Отечественной войны 23781 снайпер из южных и восточных пограничных округов прошел боевую стажировку в частях действующей армии. Они истребили почти 153 тыс. солдат и офицеров противника.

Боевые дела снайперов-пограничников были высоко оценены Родиной. 4322 из них были награждены орденами и медалями СССР.

Охрана западного побережья Ладожского озера

В октябре 1941 г. была выделена пограничная комендантура под командованием майора Иовлева для контрольно-пропускной службы в районе прокладки трассы. На 8-й пограничный полк, впоследствии 104-й пограничный, возлагалась задача охранять и оборонять западное побережье Ладожского озера от Пасечно до Краськово. Задачи эти приходилось выполнять в сложных условиях, под непрерывными обстрелами и бомбежкой противника. К тому времени подразделения уже имели немалый боевой опыт, получили хорошую фронтовую закалку на Корельском перешейке, у Пулковских высот, под Мгой и Шлиссельбургом.

Пограничники приняли непосредственное участие в прокладывании «Дороги жизни», несли контрольно-пропускную службу, занимались погрузочно-разгрузочными работами, вели борьбу с немецкими парашютистами, диверсантами и лазутчиками. Многочисленные примеры свидетельствуют о высокой бдительности и служебном мастерстве воинов.

Обеспечение безопасности Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций

Полученные советской разведкой данные о возможных диверсионно-террористических актах со стороны фашистской Германии в отношении участников Тегеранской кон-

ференции заставляли советское руководство принимать соответствующие меры безопасности.

Не умаляя значения грандиозной работы, проделанной советскими спецслужбами в Тегеране, необходимо отметить большую роль пограничников в ходе подготовки и проведения конференции.

В ноябре 1942 г. в казармах Московского военно-технического училища (МВТУ) войск НКВД (ныне Московский пограничный институт ФСБ России) начал формироваться 131-й мотострелковый полк Пограничных войск НКВД СССР. На его укомплектование прибыл лучший кадровый личный состав из частей и соединений войск НКВД.

Командиром полка был назначен Герой Советского Союза подполковник Н.Ф. Кайманов, его заместителем по политической части – Герой Советского Союза подполковник Н. Руденко, заместителем по строевой части – участник боев на озере Хасан Герой Советского Союза капитан И. Чернопятко.

Всего 131-й мотострелковый полк к моменту отправки в Иран насчитывал 1750 человек. Кроме того, перед самой конференцией в штат части ввели отдельный батальон в количестве 320 человек.

7 октября 1943 г. специальный эшелон от станции Мытищи отправился к иранской границе. Оттуда на автомашинах полк был переброшен в столицу Ирана. На командира полка подполковника Кайманова были возложены обязанности начальника гарнизона советских войск в Тегеране.

По прибытии полка в город была проведена рекогносцировка местности, определены объекты, которые надлежало охранять. В их число вошли советское посольство, консульство и комендатура, дворец шаха, почта, телеграфы, военные склады, аэродром. Ежедневно выставлялось по 100 постов в составе 2-3 человек на каждом, на охрану советского посольства заступало 140 военнослужащих.

Известно, что с политической точки зрения конференция прошла весьма успешно. Полк справился с возложенными на него ответственными задачами, получил высокую оценку за службу от командования, многие воины были поощрены.

Интересным фактом этой миссии стало участие советских пограничников в футбольном турнире солдат союзных армий на Кубок шаха Ирана, в котором они приняли участие и заняли... первое место.

Турнир проводился в 1944–1945 гг. Игры проходили по круговой системе. Кроме команды 131-го полка за Кубок боролись две команды Ирана – «Дирай» и «Туран», а также профессиональная команда Великобритании «Арсенал». Первоначально команда пограничников и английская команды обыграли обе иранские команды. Затем, согласно правилу круговой системы, в финальном матче с «Арсеналом» команда полка обыграла англичан в финале Кубка шаха со счетом 1:0.

Кубок победителям вручал сам шах Ирана Моххамед Реза Пехлеви. Его сопровождала шахиня Фавзия. Они поздравляли каждого игрока персонально. Главный приз – серебряную вазу - из рук шаха получил А. Хомич. Надо отметить, что команда пограничников была усилена будущими звездами советского футбола: В. Бобровым, К. Бесковым и С. Соловьевым.

С 4 по 11 февраля 1945 г. состоялась Ялтинская конференция глав союзных держав, где были согласованы планы окончательного разгрома фашистской Германии и послевоенного устройства мира.

В соответствии с приказом НКВД СССР № 0028 от 08 января 1945 г. «О специальных мероприятиях по Крыму» был разработан «План обеспечения безопасности Ялтинской конференции», получивший кодовое наименование «Остров». В обеспечении ее безопасности принял участие 32-й пограничный полк войск НКВД СССР по охране тыла Действующей Красной армии. Хочу опять подчеркнуть, что

в состав этого полка по распоряжению заместителя народного комиссара внутренних дел вошли 123 курсанта 7-й роты интендантского отделения МВТУ¹. Со своей задачей полк и курсанты училища справились успешно. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 февраля 1945 г. за выполнение специального задания правительства награждены медалями «За боевые заслуги» сержант Г.Н. Ашлапов, младший сержант И.З. Стребков и курсант И.З. Елисеев. Старшина В.Г. Евтушенко, сержанты И.С. Ивантеев, В.Ф. Мартынов и П.А. Яненко отмечены в приказе НКВД СССР, 28 курсантов получили поощрения от командира полка².

6 июня 1945 г., в канун проведения Потсдамской конференции, выходит приказ НКВД СССР «Об обеспечении специальных мероприятий по объектам «Пальма» (кодовое название операции).

Пограничники были представлены 38-м пограничным полком войск НКВД СССР по охране тыла действующей Красной армии и 219-м пограничным Гдынским полком НКВД СССР. За успешное выполнение заданий правительства 2 851 человек получили государственные награды.

Кроме того, необходимо отметить, что 105-й пограничный полк охранял здание в Карлхорсте (восточная часть Берлина), где 8 мая 1945 г. проходило подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии.

Ликвидация пограничных постов противника

В августе 1941 г. Советское правительство, на основании статьи 6 советско-иранского договора 1921 г., для обеспечения безопасности южных рубежей государства ввело на территорию Северного Ирана войска Закавказского фронта. Оперативная задача решалась внезапным броском. Перед

¹ РГВА. Ф. 38710. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

² Там же. Л. 2, 65–67.

вводом войск предстояло расчистить соответствующие пути пересечения границы. Обеспечение этой задачи поручалось Туркестанскому и Азербайджанскому пограничным округам. Оперативные группы, созданные в погранотрядах, проявив мастерство, в 5 часов утра 27 августа 1941 г., скрытно перешли линию границы и по сигналу нейтрализовали 121 иранский погранпост, 16 ротных гарнизонов, уничтожили некоторые тыловые объекты¹.

Подобную задачу выполнили пограничники и в период советско-японской войны 1945 г. С 9 августа по 5 сентября пограничными частями Забайкальского, Хабаровского и Приморского пограничных округов было ликвидировано: пограничных полицейских кордонов – 241, гарнизонов – 31, узлов сопротивления – 7, опорных пунктов – 4, диверсионных групп – 42².

Пограничники успешно выполняли и другие специальные задания: обеспечивали охрану советских судов заграничного плавания, охраняли нацистских преступников на Нюрнбергском процессе 1945-1946 гг., осуществляли сбор трофейного оружия и военного снаряжения, оставленных противником при отступлении.

¹ Пограничная служба России: Энциклопедия. Формирование границ. Нормативная база. Структура. Символы / Г.Н. Симаков, К.Н. Маслов, В.И. Боярский и др. М. Ассоциация «Военная книга»; Кучково поле, 2009. С. 524.

² Там же. С. 544.

**Проблемы и достижения комплектования
пограничных войск НКВД в годы
Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.**

75-я годовщина Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. активизировала исследовательский интерес к освещению ее основных событий. Спектр публикуемых изданий о войне достаточно широк – от фундаментальных научных монографий до различных вымышленных научнообразных и публицистических изданий. Победа в Великой Отечественной войне находится в центре информационной войны. Правда сражается с вымыслом и фальсификациями. И не всегда первая побеждает вторую.

В это непростое время ответственная задача стоит перед профессиональными историками, которые должны четко следовать правде Истории. В частности, достаточно «белых пятен» содержится в истории пограничных войск НКВД СССР в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Одним из основных источников комплектования пограничных войск офицерскими кадрами являлось Ново-Петергофское военно-политическое училище войск НКВД им. К.Е. Ворошилова, созданное 14 ноября 1930 г. В год 75-летия Победы его правопреемник – Голицынский пограничный институт ФСБ России – отмечает 90-летний юбилей.

В нем проходили службу 23 Героя Советского Союза, 17 из которых удостоены высшей степени отличия за подвиги в годы Великой Отечественной войны. Герои Советского Союза Ф.П. Коренчук, Г.В. Кузякин, П.Ф. Терешкин, удостоенные этого звания до войны, также участвовали в Великой Отечественной войне и отмечены государственными наградами за мужество и отвагу проявленные в борьбе с врагом. Три Героя

Советского Союза – Ю.В. Бабанский, Н.Н. Лукашов, В.Д. Капшук – проходили службу в училище в 1970–1980-е гг.

Два выпускника училища – участники Великой Отечественной войны С.С. Витченко и Е.Л. Овчар – удостоены звания Героя Социалистического Труда в 1970-е гг.

Три выпускника – И.В. Марьенков, А.А. Матовников, М.А. Мясников – удостоены звания Героя Российской Федерации. В настоящее время в институте проходит службу Герой Российской Федерации Р.В. Кокшин.

Обратимся к страницам военной биографии других офицеров училища. Например, начальники училища, начиная с полковника П.А. Артемьева (в годы войны – генерал-полковник), участвовали в Великой Отечественной войне. Это генерал-майоры Е.И. Борисоглебский и П.А. Чиркин, полковники И.Н. Григорьев и А.И. Макаров.

Начальники учебного отдела, начальники штаба, командиры дивизионов и другие командиры и политработники училища прошли трудными дорогами войны.

Только на примере Московской битвы можно показать немало интересных страниц биографий офицеров Ново-Петергофского военно-политического училища войск НКВД СССР им. К.Е. Ворошилова. Среди них: генерал-лейтенант В.К. Урбанович, генерал-майоры В.М. Бочков, А.И. Гульев, Е.И. Борисоглебский, Д.И. Жебровский, Н.П. Никольский, К.И. Ракутин, полковники А.И. Макаров, С.А. Иванов. В научной и популярной литературе о Великой Отечественной войне встречаются эти фамилии, но не раскрываются страницы их пограничной биографии и службы в войсках НКВД СССР в разные годы.

По предложению Народного комиссара внутренних дел СССР Л.П. Берия 30 июня 1941 г. генерал-лейтенант П. А. Артемьев (в 1938 г. – начальник Ново-Петергофского военно-политического училища НКВД имени К.Е. Ворошилова) был назначен командующим войсками Московского военного округа (МВО). Следует иметь ввиду, что именно в этот

день был создан Государственный Комитет Обороны, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти в стране, и решение о назначении командующего войсками Московского военного округа входило в его компетенцию.

Известный историк, доктор исторических наук Ю.Н. Жуков так написал об этом событии: «13 июля Берия провел решением ГКО назначение генерал-лейтенанта Артемьева, командира Особой дивизии НКВД им. Дзержинского, командующим войсками Московского военного округа»¹.

Однако необходимо уточнить, что к моменту назначения на должность командующего войсками МВО генерал-лейтенант П.А. Артемьев занимал должность начальника Оперативных войск НКВД СССР (с февраля 1941 г.). С 18 по 30 июля 1941 г. он командовал фронтом Можайской линии обороны, а с 12 октября 1941 г. по 15 октября 1943 г. был командующим Московской зоны обороны. В оперативные задачи Артемьева входило строительство оборонительных рубежей на ближайших подступах к столице, подготовка резервных соединений для отправки на фронт, проведение мероприятий по укреплению тыла в Москве.

В Постановлении Государственного Комитета Обороны «О введении с 20 октября в г. Москве и прилегающих к городу районах осадного положения» № 813 от 19 октября 1941 г. записано: «Сим объявляется, что оборона столицы на 100–120 км западнее Москвы поручена командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову, а на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта т. Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах»².

¹ Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М.: Вагриус, 2008. С. 120.

² Постановление Государственного Комитета Обороны «О введении с 20 октября в г. Москве и прилегающих к городу районах осадного положения» № 813 от 19 октября 1941 г. // Карпов В.В. Генералиссимус: [В 2 кн.]. М.: Вече, 2005. Кн. 1. С. 432.

28 октября 1941 г. И.В. Сталин вызвал командующего войсками Московского военного округа генерала П.А. Артемьева и командующего ВВС генерала П.Ф. Жигарева и поставил задачу по подготовке к параду на Красной площади, посвященного 24-й годовщине Октябрьской революции. Командующие получили соответствующие указания, и подготовка к параду началась – в сохранении полной секретности.

7 ноября 1941 г. на Красной площади состоялся военный парад, которым командовал генерал-лейтенант П.А. Артемьев. Парад принимал заместитель наркома обороны маршал Советского Союза С.М. Буденный.

Оборона столицы – один из самых трудных и ярких этапов в боевой биографии генерал-полковника П.А. Артемьева. Спустя 20 лет, вспоминая эти события, он писал: «Москва готова была сражаться каждой улицей, каждым бульваром, каждой площадью и каждым домом. Ни о какой сдаче города не могло быть и речи, потому что все понимали: здесь, у стен столицы, решается судьба войны, судьба страны, судьба революции».

Приказ Верховного Главнокомандующего № 370 от 22 июня 1945 г. возлагал на командующего войсками Московского военного округа и начальника гарнизона города Москвы генерал-полковника Артемьева общее руководство по организации Парада Победы 24 июня 1945 г.

Заместитель командующего войсками МВО генерал-майор Н.П. Никольский возглавлял второй эшелон управления округа в г. Горьком. Командир дивизиона 1-й школы погранохраны и войск ОГПУ им. К.Е. Ворошилова Н.П. Никольский и начальник Ново-Петергофского военно-политического училища НКВД СССР комбриг П.А. Артемьев не встречались в стенах учебного заведения. Судьба свела их в военной Москве 1941 г., а их дружная и деятельная работа по формированию резервов для Красной Армии вписана в летопись защиты Родины.

В Москве служил и преподаватель, а затем командир курсантского дивизиона 1-й школы пограничной охраны и войск ОГПУ им. К.Е. Ворошилова в 1931–1934 гг. А. И. Гульев. Он с октября 1941 по май 1942 г. являлся начальником оперативной группы Главного управления Пограничных войск (ГУПВ) НКВД СССР. Объем задач, решаемых оперативной группой, был достаточно широк. Описание ее деятельности заняло бы не один десяток страниц. Приведем лишь один пример.

16 октября 1941 г. на основании приказа НКВД СССР №0441 начальнику Оперативной группы войск НКВД генерал-майору Гульеву поручается сформировать отряд особого назначения численностью в 100 человек. На укомплектование отряда направлялся личный состав из состава отдельного пограничного батальона. Его командиром был назначен полковник Кирюшкин, комиссаром – батальонный комиссар Шумаков. Формирование отряда поручено завершить к 6.00 16 октября 1941 г. и поступить в распоряжение старшего майора государственной безопасности т. Синегурова. Приказ подписал и.о. начальника войск НКВД генерал-майор Аполлонов¹. И приказ был выполнен своевременно.

Заместитель начальника отдела боевой подготовки 2-го отдела ГУПВ В.К. Урбанович, первый начальник учебного отдела, начальник штаба 1-й школы погранохраны и войск ОГПУ им. К.Е. Ворошилова в 1931–1932 гг. также участвовал в обороне Москвы. В начале войны полковник Урбанович – командир 257-й стрелковой дивизии 34-й армии, которая с 30 июля 1941 г. входила в состав Резервного, а с 6 августа – Северо-Западного фронтов. Прошел дорогами войны, командуя дивизиями, стрелковыми корпусами. Дважды дивизии под командованием гене-

¹ РГВА. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.

рал-майора Урбановича попадали в окружение и дважды с боями из него выходили.

13 раз он отмечен в приказах (благодарности) Верховного главнокомандующего. В том числе в приказе №357 за завершение ликвидации группы немецких войск, окруженной юго-восточнее Берлина 2 мая 1945 г., генерал-лейтенант В.К. Урбанович награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени и многими другими орденами и медалями СССР и зарубежных государств.

После выпуска 1941 г., с 18 июля по 1 августа 1941 г., заместителем командира 6-й роты по политчасти 927-го стрелкового полка 251-й стрелковой дивизии Западного фронта был П. А. Чиркин, будущий начальник Высшего пограничного военно-политического Краснознаменного училища КГБ при Совете Министров СССР им. К.Е. Ворошилова.

В 1-й школе пограничной охраны и войск ОГПУ им. К.Е. Ворошилова в 1931–1936 гг. майор К.А. Ракутин занимал должности преподавателя тактики, помощника начальника учебного отдела и начальника учебного отдела. Начальник управления пограничных войск НКВД СССР Прибалтийского округа генерал-майор К.И. Ракутин – участник войны с первых её минут. Проявил себя в приграничных сражениях. В частности, с его именем связана героическая оборона Либавы (ныне – Лиепая), Таллинна и других городов Латвии и Эстонии. При этом, в ходе боевых действий умело руководил частями пограничных и внутренних войск.

26 июня 1941 г. генерал-майор К.И. Ракутин приказом наркома внутренних дел №167 был назначен начальником охраны войскового тыла Северо-Западного фронта, но вскоре получил назначение на должность командующего сформировавшейся в Московском военном округе 31-й общевойсковой армии, через 19 дней был назначен командующим 24-й армии Резервного фронта.

Фронт резервных армий был образован решением ГКО СССР 14 июля 1941 г. для организации обороны на западном (московском) стратегическом направлении на рубеже Старая Руса – Осташков – Белый – Истомино – Ельня – Брянск (около 750 км). В этот фронт вошли шесть общевойсковых армий. Четырьмя из них командовали генералы-пограничники: 29-й – заместитель наркома внутренних дел СССР по войскам генерал-лейтенант И.И. Масленников, 30-й – начальник войск НКВД Украинского пограничного округа генерал-майор В.А. Хоменко, 31-й – начальник войск НКВД Карело-Финского пограничного округа генерал-майор В.Н. Долматов, 24-й – начальник войск НКВД Прибалтийского пограничного округа генерал-майор К.И. Ракутин. Командующим фронтом резервных армий был назначен начальник войск НКВД Белорусского пограничного округа генерал-лейтенант И.А. Богданов

30 июля 1941 г. в тылу Западного фронта был создан Резервный фронт. Командующим назначен генерал армии Г.К. Жуков, первым заместителем – генерал-лейтенант А.И. Богданов. Реальную угрозу войскам фронта создавал Ельнинский выступ, образовавшийся в середине июля 1941 г. Первые попытки 24-й армии его ликвидировать в июле 1941 г. успеха не имели.

Командующий фронтом Г.К. Жуков принял решение тщательно подготовить наступление, укрепить 24-ю армию силами и средствами. После всесторонней подготовки с 30 августа по 8 сентября 1941 г. 24-я армия провела Ельнинскую наступательную операцию, в ходе которой были полностью разгромлены более 10 немецких дивизий и Ельнинский выступ был ликвидирован. Успеху армии способствовали наступательные действия войск соседних 16-й и 20-й армий на Смоленском и 43-й армии – на Рославльском направлениях.

Ельнинская операция была одной из первых успешных наступательных операций советских войск в войне, в ходе

которой удалось прорвать подготовленную оборону противника, разгромить его группировку и освободить значительную часть территории.

Этот удар произвел впечатление на противника. «С 30.8 продолжается большое наступление на излучину Ельни, проводимое по личному приказу Сталина, – докладывал начальник штаба группы армий «Центр» Гальдеру. – Атаки были подготовлены многочасовым ураганным артиллерийским огнем и поддерживаются танками».

О подготовке и проведении этой наступательной операции написал в своих воспоминаниях Г.К. Жуков: «В штабе 24-й армии... нас встретили командарм К.И. Ракутин и командующие родами войск. К. И. Ракутина я раньше не знал. Доклад его об обстановке и расположении войск армии произвел на меня хорошее впечатление...».

А вот запись военного корреспондента К.М. Симонова, познакомившегося с К.И. Ракутиным на Ельнинском выступе перед началом наступления: «...Я вспоминал то место дневника, где меня так умиляло, что при командующем армией в его полевом штабе всего три человека и что ему не сидится на месте. Личная храбрость и стремление побольше увидеть своими глазами, разумеется, привлекательные человеческие черты».

В 24-й армии генерал-майора Ракутина родилась советская гвардия. Приказом наркома обороны от 18 сентября 1941 г. 100, 127, 153 и 161-я стрелковые дивизии были соответственно переименованы в 1, 2, 3 и 4-ю гвардейские стрелковые дивизии.

2 октября 1941 г. фашистские войска начали новое наступление на Москву. После сильных ударов авиации по аэродромам, штабам и узлам связи танковые группы генерал-полковников Гота и Гепнера по сходящимся направлениям устремились к Вязьме. 7 октября танки вышли к Вязьме и окружили западнее ее войска 19-й и 20-й армий Западного фронта, 24-й и 32-й армий Резервного фронта. Совет-

ские войска отчаянно сражались в окружении, пытаясь вырваться из кольца противника. В критической ситуации командующий 24 армией генерал-майор К.И. Ракутин находился в боевых порядках войск.

Уже в наше время историкам-исследователям удалось установить, что 7 октября 1941 г. штаб 24-й армии во главе с генерал-майором Ракутиным отходил в сторону Вязьмы вместе с ополченцами из разбитой накануне 139-й стрелковой дивизии генерал-майора Б.Д. Боброва.

Наткнувшись на заслоны противника, ополченцы залегли и приготовились к круговой обороне. К.И. Ракутин и член Военного совета 24-й армии дивизионный комиссар Н.И. Иванов выдвинулись непосредственно в боевые порядки, чтобы воодушевить бойцов. В частности, в районе с. Семлёво генерал-майор Ракутин несколько раз лично поднимал ополченцев в атаку. Однако в течение 7–8 октября попытки организованного прорыва из окружения успеха не имели. Напротив, гитлеровцы сами перешли в контрнаступление. В результате штаба 24-й армии и остатки попавших в окружение частей в дальнейшем уже прорывались к своим небольшими разрозненными группами. Среди пробившихся через линию фронта командарма К.И. Ракутина не оказалось... Боевой путь Константина Ивановича оборвался в бою под Вязьмой в октябре 1941 г.

Предпринятые Генеральным штабом РККА, а также контрразведкой поиски для выяснения обстоятельств гибели К.И. Ракутина и других генералов окруженных соединений положительных результатов не дали.

Не содержал конкретной информации о месте гибели К.И. Ракутина и доклад члена Военного совета 24-й армии дивизионного комиссара К. Абрамова в Генеральный штаб РККА о боевых действиях 24-й армии в период 26 сентября – 14 октября 1941 г. В докладе значилось: «В 16.00 8.10. в Семлево прибыл начальник штаба 24А генерал-майор Кандратьев с частью штаба и двумя десятками автомашин. Ге-

нерал-майор Кондратьев взял на себя командование оборонной Семлева, имея телефонную связь с генерал-майором Ракутиным, двигавшимся со штабом армии и частью войск на Семлево».

Предпринимались поиски информации о гибели генерала Ракутина писателем Симоновым, который был на полевом командном пункте командующего армией в сентябре 1941 г. Но они тоже не привели к положительным результатам.

Шло время, все дальше отдаляя события Вяземского контрнаступления. Ветераны-пограничники задавались вопросом – почему должным образом не отмечен на государственном уровне командующий 24-й армией генерал К.И. Ракутин

Первым исследователем биографии К.И. Ракутина стал дальневосточный историк А. Фетисов, опубликовавший серию статей о нем в газете «Охотско-Эвенкийская правда» в 1972 г. Активно собирала материалы о К.И. Ракутине ветеранская организация пограничников г. Горький (ныне Нижний Новгород), которая установила связи с семьей К.И. Ракутина. Именно благодаря их усилиям при активной поддержке командования пограничных войск КГБ СССР справедливость восторжествовала.

В сентябре 1986 г., в связи с 45-летием советской гвардии одной из пограничных застав Камчатского пограничного округа было присвоено имя генерал-майора К.И. Ракутина.

5 мая 1990 г. за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне, генерал-майору К.И. Ракутину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В публикации Р. Филатова «Генерал Ракутин» в журнале «Полиция России» №6 за 2011 г. дается биография военачальника, в том числе со ссылками на Центральный архив Министерства обороны России, раскрывается сюжет и о ги-

бели командарма¹. Последнее его донесение командующему Резервного фронта (1-го формирования) датировано 7 октября 1941 г.: «Части 24-й армии, ведя ожесточённые бои в полосе обороны, окружены, атакованы с фронта и с флангов».

Погиб с 7 по 9 октября, но точная дата до сих пор неизвестна. Один из свидетелей гибели – старший политрук Беседин в объяснительной записке написал: «Командующий 24-й армией генерал-лейтенант Ракутин убит в 1941 г. в д. Семлево Смоленской обл.»². Тем не менее, погибшим он значится в документах Министерства обороны только с 1946 г. В тексте приказа Военного министерства №0545 от 4 апреля 1946 г. значится: «...Генерал-майор Константин Иванович Ракутин, бывший командующий 24-й армией на Западном фронте, погиб в октябре 1941 года. Исключен из списков Красной Армии как погибший в боях»³.

В мае 1996 г. в ходе комплексного исторического исследования сотрудниками историко-архивного поискового центра «Судьба» ассоциации «Военные мемориалы» предполагаемого района гибели командарма в двух метрах от обочины дороги Волочѣк – Семлёво, в районе урочища Гаврюково Дорогобужского района Смоленской области в неизвестной ранее братской могиле были обнаружены останки генерал-майора Красной армии. Антропологическая экспертиза черепа показала, что данные останки принадлежат пропавшему без вести 7 октября 1941 г. генерал-майору Ракутину.

6 декабря 1996 г., в канун празднования 55-летия контрнаступления под Москвой, останки героя-командарма с во-

¹ *Филатов Р.* Генерал Ракутин // Полиция России. 2011. № 6. С. 56–58.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф 33. Оп. 11458. Д. 472.

³ *Филатов Р.* Указ. соч. С. 58.

инскими почестями были перезахоронены на военномемориальном кладбище, расположенном в посёлке Снегири Истринского района Московской области. Курсанты Голицынского военного института ФПС России, правопреемника Ново-Петергофского военно-политического училища НКВД им. К.Е. Ворошилова, прошли торжественным маршем, отдавая последние почести прославленному пограничнику, Герою Советского Союза К.И. Ракутину.

Однако, спустя восемь лет, 25 октября 2004 г., руководство Смоленской области на специально созванном для журналистов брифинге озвучило иную версию обстоятельств гибели генерал-майора Ракутина. Основанием для этого стали данные немецких архивов: генералы К.И. Ракутин и Б.Д. Бобров погибли 19 октября 1941 г. в Дорогобужском районе Смоленской области, когда в составе экипажей танков КВ прорывались во главе своих войск из окружения.

Согласно документам вермахта, их тела были извлечены гитлеровцами из башен этих самых подбитых КВ. Личности погибших идентифицировали по находящимся при них личным документам. Вечером того же дня в присутствии командира 78-й пехотной дивизии вермахта полковника фон Ройтнера тела этих двух генералов Красной армии, погибших на поле боя смертью храбрых, с воинскими почестями были преданы земле на перекрестке дороги Косой Брод – деревни Свиная.

Смоленские поисковики вскоре провели на том месте поисковую экспедицию, которая, увы, закончилась ничем: никакой могилы обнаружить не удалось. По их мнению, озвученному в телесюжете, показанному в свою очередь в местных новостях, неудача могла быть обусловлена двумя причинами: первая – ошиблись в координатах, а, следовательно, копали не там. Вторая: та самая братская могила оказалась «поднятой» в начале 1950-х гг. при переносе многочисленных воинских захоронений на официальные мемориалы; в таком случае погребенные в ней солдатами вер-

махта были перезахоронены как неизвестные солдаты. В связи с этим следует подчеркнуть, что обе версии гибели генерала Ракутина не противоречат друг другу в главном – командующий 24-й армией погиб в бою при выходе из окружения.

В 2005 г. в канун Дня Победы на Гвардейской аллее в г. Ельня был установлен бюст генерал-майору К.И. Ракутину (автор П. А. Фишман).

Память командарма увековечена памятным знаком и на предполагаемом месте его гибели недалеко от урочища Гаврюково Дорогобужского района Смоленской области, а также в Книгах Памяти погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

С.Б. Вязьменский
г. Санкт-Петербург

**Новые аспекты формирования и боевого пути
интернационального партизанского отряда
им. К.Е. Ворошилова. 1942-1943 гг.**

В докладе впервые вводятся в научный оборот документы из фондов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) и Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Эти документы проливают свет на принадлежность некоторых испанских партизан к Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения (ОМСБОН) войск НКВД, разведывательной деятельности подразделений СД по выявлению партизанских отрядов, забрасываемых в немецкий тыл. В доклад так же включены не публиковавшиеся ранее воспоминания бойца отряда П. Гриценко, трудившегося в послевоенное время в органах МГБ Эстонской ССР. По разным причинам эти документы не попали в книгу автора доклада¹.

Формирование отряда началось 15 августа 1942 г. в Высшей оперативной школе особого назначения (Быково, Московская область, в/ч 00125)². Школа была создана при Центральном штабе партизанского движения по инициативе П.К. Пономаренко³. 1 августа 1942 г. он назначает на долж-

¹ *Вязьменский С.Б.* Ленинградская битва 1941-1944. Партизанский отряд Франциско Гульона: судьба и память. М., 2019.

² ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 л. Оп. 1. Д. 815. Л. 50.

³ Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (09.08.1902-18.01.1984). Участник Гражданской войны в России. Один из организаторов и руководителей партизанского движения в СССР в годы Великой Отечественной войны. Генерал-майор (звание присвоено в 1943 г.). В 1938-1947 гг. 1-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. С июня 1941 г. член Военных советов 3-й Ударной армии, затем Западного, Центрального, Брян-

ность начальника школы полковника И.Г. Старинова¹. Школа готовила подрывников и диверсантов для ведения боевых действий в тылу противника.

Ее первыми курсантами и преподавателями стали инструкторы минно-подрывного дела из оперативно-учебного центра (ОУЦ) Западного фронта, десантники, выпускники Высшего военно-политического института, испанцы-республиканцы, прошедшие Гражданскую войну в Испании и прибывшие в СССР в качестве политических эмигрантов в 1939 г.²

Большинство испанцев были знакомы И.Г. Старинову со времен его командировки в качестве военного советника в Испанию в 1936–1937 гг. Там под его руководством они обучались ведению партизанских действий, совершали диверсии в тылу франкистских войск. А уже в ходе Великой Отечественной войны участвовали в минировании Харькова в октябре 1941 г., северного побережья Таганрогского зали-

ского, 1-го Белорусского фронтов. В 1942–1944 гг. начальник Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, орденом Суворова, орденом Отечественной войны I степени, орденом «Знак Почета», польским орденом «Крест Грюнвальда» I степени, медалями СССР.

¹ Старинов Илья Григорьевич (02.08.1900–18.11.2000). Советский военный деятель. Полковник (звание присвоено 17.02.1938). Участник гражданских войн в России и Испании, советско-финской и Великой Отечественной войн. Один из основателей партизанского движения в СССР. Стоял у истоков создания подразделений специального назначения в ВС СССР. Специалист по теории и тактике диверсий. Несколько разновидностей мин, сконструированных полковником, были названы его именем. Кандидат технических наук, профессор. Награжден двумя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны II степени, Дружбы народов, Октябрьской Революции, звездой Егорова (Чехословакия), тридцатью медалями СССР, Польши, Чехословакии, Югославии, Германии, Испании.

² *Старинов И.Г.* Записки диверсанта. М., 1997. С. 323–324.

ва в январе-марте 1942 г., коммуникаций в немецком тылу на Калининском фронте летом 1942 г.¹

Автору доклада удалось по красноармейским книжкам выявить среди курсантов школы, ставших впоследствии бойцами отряда Ф. Гульона, фамилии пятерых испанцев, которые с началом Великой Отечественной войны ушли добровольцами служить в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения войск НКВД. Там в составе 2-го стрелкового батальона 1-го мотострелкового полка была сформирована 4-я рота, в которой было 125 испанцев. Среди них: П. Альтес (год рождения: 1910, место рождения: Таррагона, стрелок)², М. Берналь (1914, Гвадалахара, снайпер)³, М. Вильегас (1912, Линарес, пулеметчик)⁴, Э. Лопес (1913, Толедо, снайпер)⁵, А. Мартинес (1916, Мадрид, стрелок)⁶.

Но можно с уверенностью говорить о том, что представителей 4-й «испанской» роты ОМСБОН в отряде Ф. Гульона было больше. Об этом вспоминают родственники испанских бойцов отряда П. Сан Хосе⁷ и А. Сандовала⁸. Еще несколько фамилий гульоновцев – «выходцев» из 4-й роты – называет в своей книге Р. Серна. Это К. Гарсия⁹ и А. Хиль¹⁰.

Отряд был создан приказом главнокомандующего партизанским движением К.Е. Ворошилова на активизацию

¹ *Вязьменский С.Б.* Указ. соч. С. 17.

² ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116л. Оп. 17. Д. 106. Л. 3-4.

³ Там же. Д. 369. Л. 16-17.

⁴ Там же. Д. 652. Л. 2-3.

⁵ Там же. Д. 2210. Л. 5-6.

⁶ Там же. Д. 2332. Л. 5-6.

⁷ Из дневника З. В. Ногтевой. С. 18-19//Из личного архива О. Ногтевой.

⁸ *Sandoval J.* Una larga caminata. Bernes. 2006. P. 69.

⁹ *Серна Роке М.* Испанцы в Великой Отечественной войне. М., 1986. С. 30.

¹⁰ Там же. С. 39

действий партизан в интересах Волховского и Ленинградского фронтов № 0038 от 14 сентября 1942 г. (тогда же ему было присвоено название по фамилии главкома): «В целях оказания всемерной помощи войскам Волховского и Ленинградского фронтов в проведении операции на Мгинском направлении приказываю: партизанским отрядам и диверсионным группам немедленно перейти к самым активным действиям по коммуникациям и войсковым тылам врага, для чего Ленинградскому штабу партизанского движения:

<...>2. Оперативно-учебный отряд высшей школы особого назначения (командир – капитан Гульон, военком Пимененко (правильная фамилия комиссара отряда – Пилипко. – *Авт.*)) направить для диверсионных действий в район Сиверская, Луга, Батецкая. Отряду действовать тремя группами: Первая группа (40 чел.) – ж/д участок и шоссе Сиверская, иск. Луга. Вторая группа (40 чел.) – ж/д участок и шоссе Луга – Серебрянка. Третья группа (40 чел.) – в районе Луга, Батецкая, Оредеж.

<...>4. Задачи отрядов и групп. Уничтожение живой силы, боевой техники, боеприпасов, горючего на железных дорогах и шоссейных путях; уничтожение и приведение в негодность топливных складов на ж/д станциях и разъездах путем поджога и взрывов; сжигание мостов, минирование дорог и порча связи на шоссейных путях; порча железнодорожных проводов связи; разведка противника; разведка расположения складов горючего, боеприпасов и баз продовольствия...»¹.

16 сентября 1942 г. отряд (в документах Ленинградского штаба партизанского движения (ЛШПД) это партизанское формирование часто именуется батальоном особого назначения им. К.Е. Ворошилова. – *Авт.*) выдвинулся поездом из Москвы в пос. Хвойная Ленинградской области (ныне Хвой-

¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 4. Л. 67, 68.

нинский район Новгородской области). В этом поселке располагалась одна из баз ЛШПД. В Хвойной отряд был доукомплектован радистами, разведчиками и медицинским персоналом из числа ленинградских партизан. Всего перед заброской в тыл противника батальон Ф. Гульона насчитывал 136 человек. 32 из них были испанцами. Поименный список бойцов отряда автор доклада приводит в своей книге¹.

По воспоминаниям курсанта Высшей оперативной школы особого назначения (ВОШОН), бойца отряда П. Гриценко, отношения русских и испанцами в батальоне сложились хорошие: «несмотря на незнание, или плохое знание русского языка, мы понимали друг друга. Мы очень уважали их [испанцев], как бойцов-республиканцев, сражавшихся с фашистами в период Гражданской войны в Испании»².

Первая группа отряда, 32 человека, под командованием лейтенанта Г. Мяшкура вылетела из Хвойной в тыл противника 22 сентября. И десантировалась в заданном районе, недалеко от железнодорожной станции Серебрянка (22 км юго-западнее Луги). С 12 по 19 октября бойцы группы уничтожили одну автомашину с боеприпасами и продовольствием, пустили под откос 6 эшелонов. 20 октября группа перестала выходить на связь. И дальнейшая ее судьба до сих пор неизвестна.

Вторая группа, 16 бойцов, во главе с капитаном А. Альберкой забрасывалась в тыл дважды. Первая попытка была сделана 28 сентября. Но летчики были неопытными, не нашли места выброски, вернулись на базу. На следующий день попытку повторили. Группа высадилась в заданном районе у разъезда Сосновка в Чертеновских болотах (50 км к северу от Луги).

Третья группа из 16 человек, которую возглавлял Ф. Гульон, 29 сентября была по ошибке летчиков сброшена у де-

¹ Вязьменский С.Б. Указ. соч. С. 146-156.

² ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000л. Оп. 34. Д. 192. Л. 4.

ревни Маклаково (граница нынешнего Ломоносовского и Кингисеппского районов Ленинградской области) – почти в 100 км к северо-западу от заданного места десантирования в Чертеновских болотах. После приземления командиру отряда удалось собрать лишь шестерых бойцов своей группы. Остальные к месту встречи не явились: кто-то разбился, так как не раскрылся парашют (И. Балан), а кто-то влился в другие партизанские соединения. Группа начала проводить диверсии на железнодорожных путях и автомобильных дорогах. Но деятельность партизан сильно осложнялась тем, что в этом районе дислоцировалось большое количество немецких частей.

Четвертую группу – 44 человека, командир В. Алькальде – выбросили 30 сентября на партизанский отряд под командованием И. Исакова у ныне несуществующей деревни Савины Поляны (40 км западнее Луги). В первых числах октября группа попала в окружение и была почти полностью уничтожена карателями.

Была в батальоне сформирована и еще одна группа из 16 бойцов. Под командованием лейтенанта Я. Царевского. 29 сентября она вылетела в тыл противника. Но летчики опять ошиблись с направлением. И вместо немецкого тыла в Лужском районе партизан выбросили в глубоком советском тылу в районе Вологды. Группа вернулась в Хвойную. И в декабре месяце ее направили на усиление 2-й Ленинградской партизанской бригады (ЛПБ) под командованием Н. Васильева. В отряде Ф. Гульона группа не действовала.

Десантирование группы командира отряда Ф. Гульона фактически на голову немцам стало причиной проверки партизан на преданность. В ЛШПД боялись, что гульоновцы начнут двойную игру. В сложившейся ситуации испанец принимает единственно верное решение – идти на соединенное с группой А. Альберки. И дальнейшими действиями доказывать верность делу. 24 октября семерка партизан во главе с Ф. Гульоном встретила с дозором группы А. Аль-

берки у Чертеновских болот. На преодоление 100 км пути через труднопроходимые леса и болота ушел почти месяц¹. Люди Гульона были истощены долгим переходом и отсутствием продуктов питания. Согласно приказу К.Е. Ворошилова отряду было выдано продовольствие лишь на 15 суток. Именно столько планировалось нахождение партизан в тылу противника.

Район, в котором надлежало действовать отряду Ф. Гульона, находился достаточно близко к Ленинграду. Он был насыщен немецкими войсками, полицейскими частями, карательными отрядами. Местные жители, симпатизировавшие оккупантам, докладывали немецкому начальству о всех вновь появившихся².

Хорошо работала и немецкая разведка. Так, в сводке отдельной команды СД «Красное село» (подразделение айнзацкоманды А) от 13 октября 1942 г. сообщается об усилении действий партизан на участке 225-й пехотной дивизии вермахта (дислоцировалась в районе Ораниенбаумского плацдарма. – *Авт.*). В частности, в районе населенных пунктов Маклаково, Рукулицы, Урмисно и озера Судацье выброшены группы до 56 человек. Среди задержанных лица как из Петербурга, так и из Москвы, обучавшиеся в разных партизанских школах³.

А уже через десять дней, 23 октября, в журнале боевых действий оперативного отдела 285-й охранной дивизии появилась еще более конкретная запись о том, что «...по показаниям пленных, в последнее время западнее Луги было выброшено 4 группы парашютистов по 30 человек с целью

¹ Вязьменский С.Б. Указ. соч. С. 22-27.

² ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000л. Оп. 34. Д. 192. Л. 6.

³ ЦГА СПб. Ф. 9788. Оп. 1с. Д. 47. Л. 10.

подрыва железных дорог. Командир – капитан Гульон, все – в униформе»¹.

О передвижении отряда Ф. Гульона противник имел хорошее представление. Стремился постоянно навязывать партизанам боевые столкновения. И только хорошая тактическая выучка и смелость бойцов помогла избежать полной ликвидации отряда вплоть до 24 февраля 1943 г., когда остатки батальона им. К.Е. Ворошилова влились в состав 1-й Особой партизанской бригады под командованием А. Кириллова.

Помимо постоянного преследования противником отряд был вынужден столкнуться с хронической нехваткой продовольствия и длительной проверкой со стороны ЛШПД на преданность. Как признается в своих воспоминаниях боец отряда П. Гриценко, начальник ЛШПД М. Никитин обещал еще 25 ноября 1942 г., после выполнения отрядом задания, выслать за партизанами самолет, или разведку для провода через линию фронта. Поэтому [бойцы] старались скорее выполнить задание. Но товарищ Никитин не сдержал слово, что отрицательно сказалось на дисциплине и моральном духе². Можно предположить, что испытание на прочность голодом и запретом выхода в советский тыл являлись звеньями одной цепи в проверке отряда. Хотя более правдоподобными кажутся объяснения сложившейся ситуации, связанные с отсутствием в распоряжении ЛШПД транспортной авиации, тяжелыми метеорологическими условиями для полета самолетов с продовольствием и боеприпасами в немецкий тыл³ и необходимостью держать как можно большее

¹ National Archives and Records Administration (Национальное управление архивов и документации, далее – NARA). Ia, Anlagen zum K.T.B. Nr.2. Tätigkeitsberichte der Abt. Ic und IIa. 23.10.42 // NARA T. 315. R. 1881. Fr. 30.

² ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000л. Оп. 34. Д. 192. Л. 11.

³ Там же. Ф. Р-116л. Оп. 8. Д. 76. Л. 1.

количество боеспособных партизанских соединений в тылу у противника.

Для того, чтобы убедиться, не ведет ли отряд двойную игру, 7 января 1943 г. штаб забрасывает в район нахождения гульоновцев радиста А. Свердличенко и разведчика А. Сухушина. Им дано задание – скрытно следить за действиями отряда. Что они и делали вплоть до 2 февраля, когда оба появились в расположении отряда, и А. Свердличенко передал в Ленинград радиограмму: «2.П. прибыли в отряд Гульона. Настроение отряда хорошее, все в порядке»¹. Эта радиограмма подтвердила преданность отряда своему делу. Но содержала явное преувеличение. К февралю месяца люди в отряде были сильно истощены, из-за отсутствия лыж не могли передвигаться. К тому же, нужно было заботиться о раненых.

В это же время Ф. Гульон получает приказ ЛШПД двигаться с остатками отряда на соединение с 1-й Особой партизанской бригадой под командованием А. Кириллова. В бригаде гульоновцы находились с 24 февраля по начало марта 1943 г. 6 марта на лагерь бригады у южного берега озера Лоша (ныне Плюсский район Псковской области) напали каратели. Завязался ожесточенный бой. Ф. Гульон с группой своих партизан прикрывали отход бригады. После боя группа попыталась догнать бригаду, но потеряла следы. Несколько дней командир с товарищами ждал на старой базе отряда на болоте Базач: не выйдут ли на базу другие бойцы бригады А. Кириллова. Никто не вышел. 10 марта Ф. Гульон собирает пятерых партизан отряда – А. Альберку, Х. Гомеса, комиссара Е. Павассара, Е. Семенова и А. Сухушина – и принимает решение переходить линию фронта в советский тыл.

19 марта группа перешла линию фронта в районе Мясного Бора. При переходе гульоновцы попали под перекрестный

¹ Вязьменский С.Б. Указ. соч. С. 37, 41.

огонь с советской и немецкой стороны. Были убиты А. Альберка и Е. Павассар. Тяжелое ранение брюшной полости получил Ф. Гульон. От смерти его спасла металлическая пряжка ремня, в которую попала пуля, срикошетившая затем в живот. А. Сухушин получил ранение обеих ног¹.

При всех испытаниях, выпавших на долю отряда, - подозрение в предательстве, нехватка боеприпасов, обмундирования, теплой одежды, лыж, медикаментов, продуктов питания – его бойцы вели активную диверсионную деятельность. Первые диверсии совершила группа Ф. Гульона в начале октября 1942 г. в Кингисеппском районе. Из отчета командира следует, что по итогам месяца на железных дорогах было установлено 13 мин, на которых взорвались 8 эшелонов противника. На автодорогах было установлено 3 мины, на одной из которых подорвалась машина. Убито 4 немца и 1 эстонский полицейский, взят 1 карабин и уничтожена в разных местах телефонная и телеграфная связь. В отчете Ф. Гульон приводит данные по диверсиям своей группы и группы А. Альберки (действовала на Варшавской железной дороге в районе железнодорожных станций Низовская и Мшинская. – *Авт.*). Он не мог знать ничего о действиях группы под командованием Г. Мяшкура, так как не имел с ней связи. А между тем эта группа с 12 по 19 октября на Варшавской железной дороге в районе железнодорожной станции Серебрянка пустила под откос 6 эшелонов. Таким образом, на счету отряда Ф. Гульона 14 уничтоженных эшелонов (по другим данным – 15. – *Авт.*).

Известно, что в 1942 г. партизанами Ленинградской области было пущено под откос 297 поездов². Получается, что за два месяца боевой деятельности – с октября по ноябрь

¹ Вязьменский С.Б. Указ. соч. С. 42–45.

² В тылу врага: Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1944 г.: Сборник документов / Сост. А. Р. Дзенискевич, Л. И. Ильина, В. И. Кардашов, Л., 1985. С. 249.

1942 г. – на боевом счету отряда Ф. Гульона числилось от 4 до 5 процентов всех уничтоженных в том году в области эшелонов противника. Это высокий показатель, учитывая проблемы отряда со снабжением боеприпасами. Урон, нанесенный фашистам, мог быть гораздо больше. Но 7 декабря 1942 г. Ф. Гульон посылает радиogramму в ЛШПД: «Из-за отсутствия продуктов прекращена всякая деятельность отряда». Однако по мере сил разведывательную деятельность отряд продолжал вести¹.

Автор доклада установил – с разной полнотой – судьбы 11 членов отряда². Были найдены родственники некоторых из них. С ними установился контакт. Уже после написания книги фамилии еще нескольких гульоновцев удалось найти на сайте портала «Память народа». Начался поиск их потомков.

Сбор материалов для книги автор начал в 2015 г. И практически сразу же он превратился в военно-патриотический проект Санкт-Петербургского регионального информационного центра ТАСС по увековечению памяти испанских интернационалистов – участников Ленинградской битвы 1941-1944 гг. Этот проект тассовцы стали реализовывать вместе с родственниками бойцов отряда Ф. Гульона и школьниками Толмачевской средней школы (п. Толмачево, Лужский район, Ленинградская область). Позднее к этой работе присоединились воинские части Западного военного округа, местные краеведы, профессиональные историки, другие школы Ленинградской области³.

В 2019 г. к проекту присоединился Испанский центр в Москве. И теперь можно говорить о том, что проект получил еще одно направление развития – укрепление международных связей путем народной дипломатии.

¹ Вязьменский С.Б. Указ. соч. С. 49–50.

² Там же. С. 51–105.

³ Там же. С. 118–126.

**Информационные и репрессивные мероприятия
органов госбезопасности по дезорганизации
националистического подполья (1944–1956 гг.)**

В последние годы одним из основных источников угроз государственной безопасности Российской Федерации является экстремистская деятельность националистических, сепаратистских, религиозных, этнических и иных организаций и структур внутри страны, направленная на нарушение ее единства и территориальной целостности.

Противодействие национализму и сепаратизму является частью государственных функций Российской Федерации и актуализирует исследование исторического опыта, полученного в результате деятельности отечественных органов госбезопасности по борьбе с вооруженным националистическим подпольем в западных регионах СССР в послевоенный период.

С началом освобождения в 1944 г. территории западных регионов СССР многие члены националистических организаций эмигрировали в страны Европы, где при поддержке посольств США и Великобритании начали формироваться центры националистической эмиграции. После окончания войны на территории Австрии, Бельгии, Дании, Швеции и ФРГ оказалось около 260 тысяч так называемых «перемещенных лиц», которые затем стали источником пополнения кадров для подрывной деятельности против СССР¹.

Другая часть националистов осталась, намеренно или

¹ *Боярский В.И.* Партизанство [Вчера, сегодня, завтра]. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/01072018-v-litve-nachal-rushitsya-geroicheskiy-mif-o-lesnykh-bratyakh/> (дата обращения 10.01.2019).

вынуждено, на освобожденной территории, где приступила к реализации подрывной деятельности против советского строя¹.

Основными причинами антисоветских выступлений в западных регионах СССР явились неприятие мероприятий советской власти по «социалистической перестройке», нарушение сложившегося уклада жизни, страх наказания за совершенные преступления в период оккупации и надежда на обретение независимости при поддержке западных стран.

Количество участников и уровень организации вооруженного националистического подполья на Украине, в Белоруссии, Латвии, Литве и Эстонии были различны. В его составе находились убежденные националисты и противники советской власти и лица, обманом или насильно вовлеченные в подполье; немецкие военнослужащие, отставшие от своих частей или оставленные для проведения диверсионных акций; пособники немецких властей и предатели, опасавшиеся преследования советской властью; дезертиры и уклонисты от призыва в Красную армию т.д.²

Неоднородность участников вооруженного националистического подполья обусловила естественный процесс его разложения, начавшийся непосредственно после образования. Местные жители искали возможности для возвращения к мирной жизни. В бандформированиях их удерживал страх перед наказанием со стороны советской власти. Между руководителями подполья также не всегда складывались доверительные отношения. Часто подозрения в «сговоре с врагом» и стремление стать единственно «нужными» западным спецслужбам и получать основные финансовые потоки, перерастали в открытую вражду.

Органы госбезопасности, выявив эти тенденции, одно-

¹ Алов Г.Г. Палачи // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 35.

² Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008. С. 219.

временно с оперативно-боевой и агентурно-оперативной деятельностью, стали активно осуществлять мероприятия по дезорганизации бандформирований, способствуя явке с повинной их членов.

В деятельности органов госбезопасности по разложению подполья можно выделить три направления: отрыв от руководителей бандформирований рядовых участников банд и склонение их к явке с повинной; организация и усиление вражды между руководителями националистического подполья, а также их компрометация перед рядовыми участниками, эмиссарами зарубежных националистических центров и западными спецслужбами; разложение организующих вооруженное подполье зарубежных антисоветских центров.

Мероприятия по разложению бандформирований проводились на всех этапах борьбы с подпольем. На первом этапе борьбы (1944–1946 гг.) большую роль сыграла разъяснительная работа органов власти республик среди населения, которая заключалась в разоблачении националистов как пособников немецко-фашистских захватчиков и издании обращений к участникам бандформирований с призывами прекратить борьбу.

Одновременно обращения к участникам вооруженного подполья подкреплялись активным проведением органами НКВД–НКГБ силовых действий, в частности чекистско-войсковыми операциями¹.

Серьезные потери в открытых столкновениях и объявленная амнистия, а также массовая политическая агитация обусловили случаи неповиновения рядовых участников подполья своим руководителям, которые пытались остановить процесс его разложения массовым террором в отноше-

¹ Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М., 2001. С. 546.

нии лиц, явившихся с повинной и членов их семей¹.

Явившийся с повинной участник вооруженного националистического подполья Стошкус заявил: «Многие перестали верить руководителям. ... царит паника, растерянность, страх перед гибелью. Многие желают легализоваться, но открыто говорить об этом боятся, так как руководители уже расстреляли несколько человек, высказавших такое желание».

Изданный 22 апреля 1947 г. МГБ СССР приказ «Об усилении борьбы с националистическим подпольем и его вооруженными бандами в УССР»² и аналогичные приказы по другим республикам существенно изменили тактику борьбы с подпольем во втором периоде (1947–1951 гг.).

Реализации приказа способствовало то, что к этому времени органы госбезопасности сформировали работоспособный агентурный аппарат, с помощью которого они имели возможность осуществлять деятельность по разложению вооруженного националистического подполья, используя негласные меры.

Анализ архивных документов показывает, что агентурно-оперативные мероприятия по разложению подполья в 1947–1956 гг. включали: вербовку агентов из числа руководителей и участников бандформирований, бандпособников и их активное использование в целях разложения подполья; использование агентурно-боевых групп и легендированных «вооруженных банд националистического подполья» для внесения раскола в среду руководителей подполья; проведение оперативных игр с руководителями подполья и зарубежными националистическими центрами.

Ощутимый удар по бандформированиям нанесла орга-

¹ *Лыков Н.* Охота на Бандеру. Как боролись с «майданом» в СССР. М., 2014. С. 54–73.

² *Гончарук Г.И., Ногайцев А.Е.* Украинские повстанцы в советской литературе и документах 1944–1953 годов. Одесса, 2004. С. 228.

низация органами госбезопасности выступлений захваченных или явившихся с повинной участников подполья в средствах массовой информации. Так, явка с повинной руководителя крупнейшего в Латвии вооруженного формирования «Объединение защитников отечества (партизан) Латвии» ксендза А. Юхневича и его публичное выступление подорвало авторитет националистического движения в республике¹.

В районах, где действовали бандформирования, было организовано регулярное проведение в селах общих собраний жителей, на которых выступали руководящие работники органов госбезопасности с разоблачением деятельности националистов.

Кроме того, важную роль в отрыве населения от националистического подполья сыграли организованные органами МГБ открытые судебные процессы над захваченными руководителями и участниками бандформирований.

Решением правительства СССР были санкционированы крупномасштабные операции органов безопасности, призванные ликвидировать социальную базу подполья на всей территории Прибалтики.

Так, 21 февраля 1948 г. Совет министров СССР принял постановление № 417–160сс о выселении из Литвы членов семей участников вооруженного националистического подполья, а также бандпособников из числа кулаков².

В результате операции «Весна», проведенной 22–23 мая 1948 г., переселению из Литвы подверглись 43,4 тыс. человек³.

¹ Емельянов Ю. Прибалтика. Почему они не любят Бронзового солдата? М., 2007. С. 417.

² Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. М., 1992 С. 205.

³ Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С. 254.

29 января 1949 г. было принято постановление Совета министров СССР № 390-138сс «О выселении с территории Литвы, Латвии и Эстонии кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, легализованных бандитов, продолжающих вести вражескую работу, и их семей, а также семей репрессированных пособников бандитов».

Операция по выселению началась 25 марта 1949 г. и получила наименование «Прибой». Фактически в ходе ее проведения было выселено: из Литвы – 33 496 человек, из Латвии – 41 445, из Эстонии – 20 660¹.

К началу третьего периода (1951–1956 гг.) организованное вооруженное националистическое подполье было разгромлено. Остались только малочисленные разрозненные группы и бандиты-одиночки.

На этом этапе перед органами госбезопасности встали задачи разложения закордонных центров и отрыва их от вооруженного националистического подполья на территории СССР. С использованием захваченных националистов и агентов западных спецслужб органы МГБ провели несколько оперативных игр.

К работе по разложению закордонных националистических центров и организаций был привлечен созданный в 1955 г. постановлением Совета министров СССР по инициативе органов госбезопасности комитет «За возвращение на Родину».

Большую роль в дезорганизации деятельности вооруженного подполья сыграл Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

¹ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию... М., 1995. С. 231.

Таким образом, анализ деятельности органов госбезопасности в период 1944–1956 гг. показал, что разложение вооруженного националистического подполья представляло собой не составную часть, а отдельное направление их деятельности.

В результате всего комплекса проведенных мероприятий по разложению подполья в период 1944–1956 гг. в органы Советской власти явились с повинной свыше 76 000 участников ОУН–УПА на Украине, около 40000 – в Литве, более 4000 – в Латвии и около 2000 – в Эстонии.

Полученный органами госбезопасности опыт указанной деятельности остается актуальным и в настоящее время, так как может быть эффективно использован с учетом современных реалий для разложения действующих в настоящее время вооруженных формирований террористического или экстремистского толка, являющихся неоднородными по своему составу.

Оперативно-боевая деятельность органов безопасности по разгрому вооруженного националистического подполья на западе и северо-западе СССР в 1940–1950-е гг.

Широко известно, что в трудное для нашей страны время органы безопасности всегда находились на передовых рубежах борьбы с неприятелем. Сотрудники органов безопасности во всех войнах и вооруженных конфликтах не только выполняли свои специфические задачи, поставленные руководством страны, но и принимали непосредственное участие в боевых действиях. Обратимся к одной из славных страниц боевой истории – борьбе с вооруженным националистическим подпольем в 1940–1950-е гг. Органы безопасности активно участвовали в ликвидации вооруженного националистического подполья. Особенно ожесточенное противостояние началось с 1944 г. после освобождения от оккупации Украинской, Белорусской, Литовской, Латвийской и Эстонской советских республик.

Невозможно победить врага, использующего скрытые формы борьбы и террор против поддерживающего власть населения путем использования одной структуры и шаблонных методов. Для ликвидации националистических банд применялись все имеющиеся в распоряжении органов государственной власти силы и средства. Силы, противостоявшие вооруженному националистическому подполью, можно разделить на несколько элементов: военные и специальные структуры; политические и квазивоенные структуры.

Подразделениями Красной армии, органами контрразведки «Смерш», структурами НКВД-НКГБ, в последующем МВД-МГБ и войсками НКВД были представлены военные и специальные органы. Войска НКВД включали в себя войска

по охране тыла действующей армии, пограничные, внутренние и железнодорожные войска. Все операции по ликвидации бандподполья проводились с помощью вышеприведенных структур, как самостоятельно, так и во взаимодействии друг с другом. Операции проводились с привлечением больших сил и средств, особенно в 1944–1945 гг. С уменьшением формирований вооруженного националистического подполья уменьшалось и количество привлекаемых к борьбе с ними сил.

Политическая сила была представлена структурами коммунистической партии союзных республик, в которых развернулась борьба, комсомолом, местными органами власти, политотделами Красной армии, пограничных и других войск НКВД. В задачи политических органов входило налаживание мирной жизни на освобожденных территориях, организация управления на местах, проведение агитации и борьба с информационным воздействием вооруженного националистического подполья.

Истребительные батальоны, бригады и группы содействия представляли из себя квазивоенные образования. Они организовывались с целью охраны населенных пунктов и отдельных объектов от нападения бандитов, а также для привлечения на свою сторону местного населения. «Истребки» использовались как проводники при проведении операций, охраняли объекты народного хозяйства и сельский актив в населенных пунктах. В силу слабой организации, вооружения и не высоких волевых качеств эти формирования не могли использоваться для проведения боевых операций.

Отдельно остановимся на формах и способах борьбы с вооруженным националистическим подпольем, которые использовали органы безопасности с привлечением войск.

Силовые формы включали в себя боевые операции, операции по очистке территории от банд, чекистско-войсковые операции, специальные операции.

Применяемые способы действий в ходе операций: блокирование, прочесывание местности, засады, облавы в населенных пунктах, оборона, разведывательно-поисковые действия, охрана объектов, например, избирательных участков.

Агентурные формы основывались на организации агентурной сети, направленной на борьбу с вооруженным националистическим подпольем. К агентурной сети относились: резиденты, агенты, осведомители. Это были как местные жители, так приезжие из других регионов. Кроме того, против нацподполья действовали агентурно-боевые группы. Они состояли из офицеров-оперативников и боевиков, бывших бандитов и (или) партизан. Такие группы действовали от отделов НКВД-НКГБ, подразделений пограничных войск.

Основные способы агентурной борьбы с вооруженным националистическим подпольем: внедрение в их руководящие центры и банды с целью захвата или ликвидации командования, разложение бандподполья, подставление бандитов под удар подразделений НКВД, поиск мест базирования бандитских групп, вывод из подполья колеблющихся членов.

К политическим формам борьбы относились агитация, привлечение к участию в политических процессах, регистрация-паспортизация, выселение членов семей и пособников националистического подполья в отдаленные регионы Советского Союза, амнистии для членов подполья не запятнавших себя кровью, публичные суды и казни бандитов виновных в убийствах людей, создание колхозов.

Применялись следующие способы: проведение митингов, собраний; информирование населения; проведение выборов в представительные и исполнительные органы власти; проведение переписи и регистрации населения; выселение бандпособников и членов семей бандитов; отселение из пограничной полосы населения, выставление напоказ тел

уничтоженных бандитов, открытые суды и приведение в исполнение приговоров.

Все перечисленные формы и способы активно применялись непосредственно органами безопасности. Представители органов и войск НКВД принимали участие в налаживании мирной жизни, помогая местной власти справиться с проблемами.

Органы безопасности в 1940–1950-е гг. столкнулись с сильным и коварным врагом, способным к активным действиям против советской власти и только целеустремленная, комплексная деятельность партийных и советских органов и спецслужб позволила купировать деятельность вооруженного националистического подполья. Нужных результатов удалось добиться не только путем применения форм вооруженной борьбы и агентурной работы, но и за счет умелого проведения массово-разъяснительной работы среди широких слоев населения Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтийских республик.

Важнейшим условием ликвидации вооруженного националистического подполья является тесное взаимодействие органов государственной власти, местного самоуправления и органов безопасности. В итоге, изоляция представителей вооруженного националистического подполья от населения региона, борьба с пропагандой националистических и сепаратистских устремлений является основой для налаживания мирной жизни на территориях, ранее охваченных националистическим беспределом.

Таким образом, советские органы безопасности на западе и северо-западе СССР столкнулись с сильным и коварным врагом, способным к активным действиям против действующей власти и только целеустремленная, комплексная деятельность советских органов и спецслужб позволила купировать его деятельность. Нужных результатов удалось добиться не только путем применения форм вооруженной борьбы, но и за счет умелого проведения массово-

разъяснительной работы среди широких слоев населения Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтийских республик. Одним из важнейших условий ликвидации вооруженного националистического подполья является тесное взаимодействие органов государственной власти, местного самоуправления, органов безопасности и населения региона.

А.И. Пожаров
г. Москва

**Высшая школа НКГБ-МГБ-КГБ СССР - организатор
подготовки кадров для спецслужб
социалистических стран**

Обучение кадров для разведки и контрразведки зарубежных стран берет свое начало в 1930-х гг., когда в Центральной школе ОГПУ, а затем в Высшей школе НКВД, проходили обучение несколько групп офицеров из Монгольской Народной Республики (МНР). Однако до Великой Отечественной войны такая подготовка специалистов носила не системный, а разовый характер, и осуществлялась силами профессорско-преподавательского состава общешкольных кафедр.

Общая концепция подготовки сотрудников специальных служб дружественных СССР стран сложилась на заключительном этапе Великой Отечественной войны.

Когда Красная армия начала освобождение европейских государств от фашистской Германии, в октябре 1944 г. был подписан приказ народного комиссара государственной безопасности Союза ССР В.Н. Меркулова об организации при Высшей школе НКГБ подготовки оперативных кадров специального назначения¹. В соответствии с приказом предписывалось организовать группу «А» (из Монголии) в количестве 25 человек (срок обучения 6 месяцев), и группу «Б» (из Югославии) в количестве 30 человек (срок обучения 4 месяца)².

¹ Кадровая служба органов безопасности: история и современность / рук. авт. коллектива Е.Н. Ловырев 2-е изд., перераб., доп. М. : Граница, 2018. С.170.

² *Постников Л.А.* Краткий очерк истории Высшей школы КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. М.: ВШ КГБ, 1990. С. 61.

В ноябре 1944 г. состоялся первый набор группы «А» на курсы усовершенствования оперативных работников МВД МНР при Высшей школе НКГБ. В дальнейшем набор монгольских слушателей повторялся на постоянной основе с постепенным увеличением сроков обучения.

Куратором группы «А» был назначен старший преподаватель кафедры спецдисциплин П.И. Беляев. Фактически он стал не только куратором, но и первым руководителем подразделения, осуществлявшим подготовку иностранных слушателей на отдельно расположенном подмосковном объекте.

С первых дней пребывания монгольских сотрудников в Советском Союзе выяснилась их слабая языковая подготовка, поэтому возникла необходимость в более тщательном изучении русского языка для успешного усвоения учебной программы и получения необходимых знаний. В этих целях сорок обучения монгольских слушателей был продлен до одного года. Таким образом, группа «А» проходила обучение в СССР с ноября 1944 г. по январь 1946 г.

Набор в группу «Б» оказался единственным, поскольку сразу же после окончания Великой Отечественной войны последовал разрыв политических отношений с Югославией и подготовка специальных кадров для этой страны прекратилась¹.

2-й набор группы «А», состоявший из руководящих работников органов госбезопасности МВД МНР, был осуществлен в январе 1947 г. Её куратором являлся преподаватель кафедры спецдисциплин Т.И.Чесноков. Срок обучения для этого потока был увеличен до полутора лет (с 2 января 1947 г. по 10 июля 1948 г.).

Практически одновременно с обучением слушателей из Монголии началась подготовка сотрудников спецслужб дружественной Советскому Союзу Болгарии. Первый набор

¹ Постников Л.А. Указ. соч. С. 61

руководящих работников болгарских органов госбезопасности (группа «В») проходил с мая 1946 г. – по ноябрь 1946 г.

Куратором группы являлся старший преподаватель кафедры спецдисциплин подполковник Н.А.Любимов. Под его руководством прошел обучение очередной набор группы «В» – с мая по ноябрь 1947 г.

После выпуска слушателей монгольских и болгарских групп их кураторы – Т.И. Чесноков и Н.А. Любимов – сопровождали своих подопечных спецрейсами до столиц государств – Улан-Батора и Софии. Служебные командировки офицеров Высшей школы МГБ преследовали не только цель контроля передвижения, но и рассмотрения с представителями национальных органов безопасности узловых проблем подготовки специалистов и обсуждения перспектив будущего сотрудничества с очередными наборами слушателей. Такие встречи способствовали установлению самых тесных контактов между заказчиками и исполнителями в сфере подготовки кадров, значительно повышали уровень доверия друг другу.

В начале 1950-х гг. курировать направление подготовки болгарских слушателей продолжил В.В. Донцов, который и стал первым начальником спецфакультета «В».

Успешное сотрудничество в области подготовки и переподготовки кадров оперативного состава осуществлялось также и в интересах Народной Социалистической Республики Албания. С сентября 1947 г. по март 1948 г. в ВШ МГБ прошел обучение первый набор группы «Г» из числа руководящих работников органов госбезопасности этой страны. Куратором группы был назначен преподаватель спецдисциплин А.С. Емелин. После двух выпусков албанских слушателей его сменил В.В. Дмитриев. Под руководством последнего с февраля 1951 г. по февраль 1952 г. прошел обучение третий поток группы «Г», рассчитанный на два семестра с двухнедельным перерывом на каникулы. По-

сле преобразования группы «Г» в спецфакультет «Г», его начальником был назначен А.В. Калинин.

В 1950 г. состоялся первый набор сотрудников органов госбезопасности Венгерской Народной Республики (группа «Д»). С ноября 1951 г. по октябрь 1952 г. прошел обучение второй набор этой группы. Куратором венгерских слушателей и начальником спецфакультета «Д» был назначен Б.А. Апраксин.

Таким образом, в течение 1944–1951 гг. потоки слушателей из социалистических стран, зачисленных для обучения в Высшую школу НКГБ-МГБ, постоянно увеличивались. По специальным заданиям советского правительства в период с 1944 г. по 1950 г. Высшая школа НКГБ-МГБ подготовила 361 оперативного работника для органов безопасности социалистических стран¹. К 1951 г. группы стали именоваться спецфакультетами.

За направление подготовки и переподготовки румынских сотрудников спецслужб (спецфакультет «Е») отвечал Г.С. Свешников.

Работу с чехословацкими товарищами (спецфакультет «З») курировал Л.Н. Хаханов

Образовательный процесс представителей польских органов безопасности (спецфакультет «И») возглавлял И.М. Никитин.

После смерти И.В. Сталина в марте 1953 г. система обеспечения государственной безопасности СССР претерпела кардинальные изменения – то объединяясь с Министерством внутренних дел, то, наоборот, выделяясь из него. Реорганизация непосредственным образом отразилась и на сфере ведомственной подготовки кадров, в которой возникли новые веяния и тенденции.

¹ Академия ФСБ России. 80 лет. / под ред. В.Л. Шульца. М.: Академия ФСБ России, 2001. С. 57.

На момент организационного оформления структур Комитета государственной безопасности весной 1954 г. в Высшей школе КГБ при СМ СССР на семи спецфакультетах («А», «В», «Г», «Д», «Е», «З», «И») обучалось более 200 иностранных граждан со штатом профессорско-преподавательского состава свыше 150 человек¹.

Приказом начальника Высшей школы Е.И. Борисоглебского от 12 мая 1954 г. начальниками спецфакультетов были назначены следующие офицеры: «А» – полковник Т. И. Чесноков; «В» – подполковник В. В. Донцов; «Г» – полковник А.В. Калинин; «Д» – подполковник Б. А. Апраксин, «Е» – полковник Г.С. Свешников; «З» – полковник Л.Н. Хаханов; «И» – подполковник И.М. Никитин.

В ходе оптимизации структуры органов госбезопасности, сокращения штатов и поиска путей для экономии финансовых средств во всех сферах народного хозяйства, председатель КГБ при СМ СССР И.А. Серов подписал приказ об организации с сентября 1954 г. в составе Высшей школы КГБ специального факультета по подготовке кадров органов госбезопасности стран народной демократии², объединявшего семь спецфакультетов. Его начальником был назначен полковник Б.В. Артёмов, ранее занимавший должность заместителя начальника ВШ МГБ и начальника факультета подготовки руководящих кадров³.

Таким образом, в июле 1954 г. начался новый этап в истории подготовки кадров для социалистических стран, продолжило совершенствование образовательного процесса в объединенном подразделении, а также расширился спектр стран, присылавших своих сотрудников на обучение в Советский Союз.

¹ Кадровая служба органов безопасности ... С.193.

² Там же.

³ Постников Л.А. Указ. соч. С. 61.

С октября 1954 г. слушатели из Монгольской Народной Республики первыми перешли на 2-годичное обучение, а с сентября 1956 г. они начали проходить обучение по учебному плану 3-годичной средней юридической школы. Первый выпуск по этой программе состоялся в 1959 г.

В 1955 г. на специальном факультете начали проходить обучение сотрудники из Германской Демократической Республики, а в 1959 г. – из Демократической Республики Вьетнам.

В ноябре 1955 г. новым руководителем спецфакультета был назначен полковник Н.Ф. Григорьев, который затем был избран освобожденным секретарем партийного комитета Высшей школы. На время его партийной работы (с декабря 1956 г. по декабрь 1958 г.) обязанности начальника факультета выполнял полковник А.С. Городилов

В январе 1959 г. полковник Н.Ф. Григорьев вновь вернулся на свою прежнюю должность, на которой проработал до сентября 1962 г.

Последующая история спецфакультета тесным образом связана с кардинальными изменениями в системе подготовки кадров КГБ, которые произошли в начале 1960-х гг.

Новые идеологические постулаты «об окончательном построении социализма в СССР и переходе к развернутому строительству коммунизма», «о ликвидации в СССР основ возникновения преступности», прозвучавшие в 1959 г. с трибуны XXI съезда КПСС, и появление тенденции «передачи функций правоохранительных органов общественным организациям» привели к очередной кампании по сокращению штатов и увольнению большого количества сотрудников из органов госбезопасности. В свою очередь, это повлекло за собой сокращение сети учебных заведений КГБ и их реорганизацию. В 1960 г. были ликвидированы практически все средние специальные учебные заведения КГБ.

Четыре высших учебных заведения – Ленинградский институт иностранных языков, Высшая школа 8 Главного

управления КГБ, Военный институт КГБ и Высшая школа КГБ – в 1960 г. были объединены и преобразованы в единый вуз – Высшую школу КГБ при СМ СССР. Соответственно, в объединенной Высшей школе КГБ были сформированы факультет иностранных языков, технический и военный факультеты (последний позднее был преобразован в факультет пограничных войск). В ходе общих преобразований изменилась нумерация факультетов, были приняты меры для «оптимизации работы» и «удешевлению деятельности с целью экономии средств» на спецфакультете. Деятельность этого подразделения стала осуществляться в структуре факультета подготовки и переподготовки Высшей школы, как «спецкурсы факультета подготовки и переподготовки».

Руководителями этого подразделения в 1960-е гг. были И.И. Бетин и С.А. Пахомов.

Именно в этот период начали приезжать на учебу в Высшую школу представители стран Африки и Латинской Америки.

Так, например, 1964 г. обозначил новые вехи в подготовке специальных кадров для кубинских органов безопасности.

Положительное влияние на дальнейшее развитие системы подготовки и переподготовки кадров для стран социалистического содружества стал приход к руководству КГБ в 1967 г. Ю.В. Андропова. Именно он стал инициатором возрождения спецфакультета в отдельную, самостоятельную структуру Высшей школы.

По его указанию заместитель Председателя КГБ по кадрам В.М. Чебриков 12 июля 1971 г. подписал приказ о внесении изменений в штаты Высшей школы КГБ СССР при СМ СССР и организации специального факультета (№ 6), который был вновь выделен в самостоятельную структурную единицу. Начальником спецфакультета с 24 октября 1971 г. был назначен контр-адмирал А.З. Шилин,

который осуществлял руководство до 28 сентября 1978 г.¹ Количество слушателей на факультете № 6 постоянно увеличивалось, как и географическая палитра стран, отправляющих своих представителей на обучение в СССР. К 1989 г. число слушателей факультета возросло до 900 человек².

Работа сотрудников специального факультета по подготовке высококвалифицированных специалистов для органов госбезопасности была высоко оценена правительствами иностранных государств.

В 1978 г. указом Президиума Великого Народного Хурала Монголии Высшая школа КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского была награждена Орденом Боевого Красного Знамени МНР. В 1985 г. правительство Венгрии наградило ВШ КГБ СССР Орденом Красной Звезды Венгерской Народной Республики.

Многие замечательные люди внесли свой вклад в подготовку кадров для зарубежных стран. Более сорока сотрудников спецфакультета и Высшей школы за большой личный вклад в дело подготовки кадров для органов безопасности и специальных служб дружественных государств в различное время награждены иностранными орденами и медалями.

На современном этапе это подразделение решает новые задачи, поставленные руководством страны и ведомства в деле обучения иностранных слушателей в интересах укрепления дружеских отношений России со своими партнерами.

¹ Академия ФСБ России. 80 лет. ... С. 57.

² Там же. С. 95.

Группа «А» КГБ СССР – первое подразделение антитеррора

29 июля 2019 г. исполнилось 45 лет со дня образования легендарной группы «А» 7-го управления КГБ СССР, получившей впоследствии, благодаря средствам массовой информации, всемирную известность как группа антитеррора «Альфа». Ее создание стало возможным потому, что председателю КГБ Ю.В. Андропову удалось убедить коллег по Политбюро ЦК КПСС в целесообразности создания в Комитете государственной безопасности СССР такого специального антитеррористического подразделения. А последующие годы и события подтвердили обоснованность и своевременность этого решения для борьбы с терроризмом.

Приказом Председателя КГБ СССР от 29 июля 1974 г. было утверждено Положение, в котором устанавливалось: «Группа «А» является структурным подразделением 5-го отдела 7-го управления КГБ при СМ СССР и выполняет специальные задания Председателя КГБ, или лица, его замещающего, по пресечению террористических, диверсионных и иных особо опасных акций, совершаемых враждебными экстремистскими элементами из числа иностранцев и советских граждан с целью захвата иностранных представительств, их сотрудников, особо важных и других важных объектов, а также членов экипажей и пассажиров транспортных средств на аэродромах, вокзалах, в морских и речных портах на территории СССР»¹.

¹ *Зайцев Г.* Создатель группы «Альфа» // Спецназ России. 2011. №1 (172). URL: <http://www.specnaz.ru/article/?1804> (дата обращения 10.12.2019).

Первым руководителем, исполнявшим обязанности командира группы, был назначен майор (впоследствии полковник) Р. П. Ивон. Именно он подобрал тех 30 сотрудников, от лейтенанта до майора включительно, которые и составили костяк первого состава подразделения. Формирование Группы «А» осуществлялось исключительно на добровольной основе из числа сотрудников КГБ, имевших не менее двух лет оперативного стажа, и прошедших серьезные вступительные испытания.

При отборе кандидатов особое внимание, наряду с уровнем физической подготовки и состоянием здоровья, уделялось также морально-волевым и организационным качествам кандидатов, а также их умению «работать в команде». Среди них было немало мастеров и кандидатов в мастера спорта и перворазрядников по различным видам спорта.

В сентябре 1974 г. группа под руководством Героя Советского Союза В.Д. Бубенина, получив положенное обмундирование, оружие и экипировку, приступила к плановым тренировкам. По указанию Ю.В. Андропова разведка КГБ предоставила группе специально собранную информацию о подготовке, вооружении и тактике действий специальных антитеррористических подразделений и спецназа иностранных государств.

Сотрудники подразделения овладевали приемами стрельбы в различных условиях, рукопашного боя, а также изучали психологию, хорошо понимая, что грамотно выстроенный диалог с потенциальными террористами может оказаться эффективнее оружия, которое «альфовцам» разрешалось применять только в исключительных случаях.

Программа подготовки сотрудников группы совершенствовалась по мере накопления опыта. В процессе обучения особое внимание уделялось приобретению и детальной отработке навыков, необходимых для решения задач по освобождению заложников, захвату и аресту подозреваемых преступников в различных условиях (в зданиях, транспорт-

ных средствах, на вокзалах и т.п.). Условия тренировок постоянно усложнялись.

С 1975 г. начались тренировки бойцов группы по освобождению заложников на борту самолетов, а в следующем - занятия по подготовке «боевых пловцов» (к выполнению боевых заданий они приступят уже через год).

10 ноября 1977 г. приказом Ю.В. Андропова командиром Группы «А» был назначен подполковник Г.Н. Зайцев¹, занимавший до этого момента должность заместителя начальника 1-го отдела Службы охраны иностранных представительств (ОДП) 7-го управления КГБ.

С момента назначения Г.Н. Зайцева командиром подразделения оно получило статус отдела и его штат был увеличен до 55 сотрудников, а к 1980 г. только в Москве ее личный состав будет насчитывать уже около 200 человек.

В одном из приказов председателя КГБ в апреле 1979 г. подчеркивалось: «Личный состав группы «А» должен хорошо понимать, что ему, как правило, придется сталкиваться с особо опасным противником, что требует не только смелости и отваги, но и военной хитрости, решительности в действиях, готовности принимать самостоятельные решения (в пределах поставленной задачи), исходя из складывающейся обстановки на месте. Надо, чтобы группа интенсивнее тренировалась в этом».

В связи с увеличением личного состава группы началась разработка комплексной программы оперативно-боевой подготовки.

Опыт функционирования подразделения показал, что его сотрудникам необходимы средства спецвооружения и экипировки. Так, например, еще в конце 1970-х гг. они были оснащены «мультифонами» (аналог пейджинговой связи),

¹ Подробнее об этом см.: Зайцев Г.Н. // Выпускники и сотрудники Академии ФСБ России – Герои Советского Союза и Российской Федерации. Сборник очерков. М., 2020. С. 30–38.

для оповещения об объявленных сигналах «Сбор!», «Тревога!» и т.п., что существенно повышало мобильность подразделения в предолимпийский период.

Летом 1978 г. Г.Н. Зайцев во главе группы боевых пловцов Группы «А» и Черноморского флота выезжал в Гавану для обеспечения безопасности судов «Грузия» и «Леонид Собинов», на которых проживала часть советской делегации XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Много лет спустя, в беседе с Г.Н. Зайцевым бывший начальник разведки ВМФ Великобритании Д. Уоллис обронил загадочную фразу: «Вы на Кубе были не зря!»¹.

Первые боевые спецоперации Группы «А» выпали на 1979 г.: в феврале началась многолетняя афганская эпопея - в Кабул вылетела первая группа из 12 спецназовцев для усиления охраны советского посла А.М. Пузанова и представителя КГБ СССР Б.С. Иванова. 28 марта ее сотрудники пресекли попытку вооруженного прорыва на территорию посольства США.

В этом же году начинается подготовка сотрудников «Альфы» к обеспечению безопасности проведения XXII летних Олимпийских игр в Москве и их морской регаты в Таллинне. Эта подготовка, помимо специальных тренировок, включала также и моделирование возможных действий террористов по захвату олимпийских объектов, а также отработку алгоритмов и тактики их освобождения.

Тогда же началась разработка типового плана «Набат» – плана проведения контртеррористических операций по освобождению заложников на борту захваченного террористами воздушного судна. В ходе оперативных учений на различных типах самолетов, навыки совместных действий отрабатывались до молниеносного автоматизма. Как показали последующие события – эта инициатива оказалась

¹ Подробнее об этом см.: *Зайцев Г.Н.* Спецназ «Альфа»: дела и люди. С-Пб., 2016.

весьма своевременной и востребованной. Именно такие операции составляют немалую часть послужного списка Группы «А»¹.

21 декабря 1979 г. по тревоге была сформирована нештатная группа «Гром» во главе с заместителем начальника группы «А» майором М.М. Романовым, а уже 26 декабря 22 ее бойцам была поставлена боевая задача по овладению объектом «Дуб» – укрепленным и хорошо охранявшимся дворцом Тадж-Бек премьер-министра Афганистана Х. Амина. Одновременно бойцы «Альфы» были задействованы в операциях по захвату других важных объектов в различных районах афганской столицы – зданий Царандоя (МВД), штаба ВВС, Центрального телеграфа и других².

Всего, беспримерная по дерзости операция спецназа КГБ по штурму сильно укрепленного объекта продолжалась 43 минуты. Из 52 пошедших на штурм бойцов «Зенита» и «Грома», на второй этаж смогли прорваться только шестеро, в том числе и В.Ф. Карпухин.

В Кабуле группа понесла и первые боевые потери – в ходе операции погибли капитаны Д.В. Волков и Г.Е. Зудин. Почти все остальные участники операции также получили ранения. После излечения в госпиталях, все сотрудники «Грома», вернулись к исполнению своих служебных обязанностей.

Командиром одной из атакующих объект «Дуб» боевых групп был назначен капитан В. Ф. Карпухин. За успешное выполнение задания по оказанию интернациональной помощи ДРА и проявленные при этом мужество и героизм 28 апреля 1980 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

¹ Подробнее об этом см.: *Болтунов М.Е.* Спецназ против террора. М., 2004.

² Подробнее см.: *Дроздов Ю.И., Курилов В.Н.* Операция Штор –333. Альманах `Вымпел. 1999. `№3; *Зайцев Г.Н.* Указ. соч.

С декабря 1979 г. по июнь следующего года бойцы Группы «А» обеспечивали безопасность высших должностных лиц Народно-демократической партии и руководителей Демократической Республики Афганистан, а 27–30 января 1980 г. – безопасность председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова в ходе его конфиденциального визита в Кабул¹.

В январе 1980 г. штат Группы был увеличен на 71 единицу, а в декабре следующего года – еще на сто штатных единиц. И, несмотря на крайне жесткие критерии отбора претендентов на зачисление в группу, желающих из числа сотрудников с оперативным стажем было немало. Именно на их плечи впоследствии и легла борьба с волнами криминального и этнического терроризма в различных «горячих точках» СССР.

С ноября 1982 г. по март 1987 г. 125 офицеров и прапорщиков «Альфы» прошли боевую стажировку в Афганистане.

Под руководством Г.Н. Зайцева 18–19 ноября 1983 г. бойцы Группы «А» провели операцию в аэропорту Тбилиси, по освобождению 57 пассажиров и 7 членов экипажа ТУ-134А, захваченных террористами из числа «золотой молодежи».

В 1985–1986 гг. сотрудниками Группы «Альфы» был осуществлен захват 12 разоблаченных агентов ЦРУ США.

За большие заслуги в обеспечении государственной безопасности, мужество и отвагу, проявленные при обезвреживании особо опасных преступников, Указом Президиума Верховного Совета СССР 1 декабря 1986 г. Г.Н. Зайцеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

С учетом прогнозов развития оперативной обстановки в различных регионах страны, руководством КГБ принимает-

¹ Богданов Л.П. Поездка Ю.В. Андропова в Кабул // Спецназ России. 2011. № 7 (178). URL: <http://www.specnaz.ru/article/?1935> (дата обращения 5.05.2018).

ся решение о создании региональных подразделений «Альфы»: первым из них стало образованное в 1984 г. отделение в Хабаровске (его возглавил «ветеран» первого состава подразделения подполковник М. В. Головатов), а в 1990 г. отделения группы были организованы в Киеве, Минске, Алма-Ате, Краснодаре и Свердловске. В связи с этим общая численность личного состава Группы «А» к 1991 г. была увеличена до 500 человек.

4 ноября 1988 г. Г.Н. Зайцев был назначен заместителем начальника 7-го управления КГБ. В качестве командира подразделения он рекомендовал своего заместителя Героя Советского Союза В.Ф. Карпухина. И это оказался достойный выбор.

Под руководством и при личном участии В.Ф. Карпухина личным составом Группы были десятки специальных и контртеррористических операций. В том числе:

апрель 1989 г. – совместно с группой специального назначения ПГУ КГБ «Вымпел» участие в охране правительственных зданий в Тбилиси в связи с угрозой массовых беспорядков;

декабрь 1989 – январь 1990 гг. – выполнение служебно-боевых задач в зоне массового прорыва Государственной границы СССР с Ираном в Азербайджанской ССР;

январь–февраль 1990 г. – совместно с группой «Вымпел» выполнение служебно-оперативных задач в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджана;

15 января 1990 г. – решение оперативных задач по защите гражданского населения в столице Азербайджана после введения в Баку чрезвычайного положения;

12–13 февраля 1990 г. – охрана зданий ЦК и КГБ Таджикской ССР и решение оперативных задач в Душанбе во время массовых антиправительственных выступлений;

май 1990 г. – участие в операции «Капкан» по внедрению в среду подпольных торговцев оружием;

11–15 августа 1990 г. – участие в освобождении заложников и ликвидации массовых беспорядков в следственном изоляторе МВД в г. Сухуми;

11–14 января 1991 г. – выполнение оперативно-боевых задач в г. Вильнюсе.

Следует уточнить, что объявленный 11 января 1990 г. «Народным фронтом Азербайджана» (НФА) бессрочный митинг с требованием отставки правительства республики «из-за неспособности решить проблемы Нагорного Карабаха», на следующий день перерос в Баку в массовые беспорядки, первыми жертвами которых стали 35 человек¹.

13 января в Баку были экстренно переброшены спецгруппы КГБ «Альфа» и «Вымпел», а также спецотряд внутренних войск МВД СССР «Витязь». Точечно выверенные действия силовиков позволили положить конец кровопролитию в столице Азербайджана, спасли тысячи жизней мирных жителей различных городов и поселков этой республики².

За успешное руководство операцией по освобождению заложников в следственном изоляторе МВД в г. Сухуми 31 августа 1990 г. В.Ф. Карпухину, в порядке исключения, «на ступень выше звания, предусмотренного по занимаемой штатной должности» было присвоено звание генерал-майора.

Первые упоминания о Группе «А» КГБ СССР появились в отечественных и зарубежных СМИ в связи с трагическими событиями в ночь на 13 января 1991 г. в столице Литовской ССР Вильнюсе, где вследствие провокации, организованной неконституционными органами «Департаментом охраны

¹По другим данным, в ходе массовых беспорядков в Баку погибли 83 человека: Краткая хроника основных событий России XX века. М., 2004. С. 207; *Коняева М.В., Коняев Н.М.* 100 лет Российской истории. 1917–2017. Хронология день за днем. М., 2017. С. 754.

²Подробнее об этом см.: *Болтунов М.Е.* Спартанцы XXI века. М., 2018, С. 300-303.

края» и «Союзом стрелков Литвы», погибли 12 мирных горожан, а также молодой сотрудник «Альфы» лейтенант В.В. Шатских. Это был третий сотрудник Группы, погибший при исполнении служебных обязанностей за 16 лет функционирования спецподразделения.

18–21 августа 1991 г. «Альфа» решала оперативные задачи, ставившиеся перед подразделением руководством КГБ СССР. В подготовленном в начале сентября «Заключении по материалам расследования роли и участия должностных лиц КГБ СССР в событиях 19–21 августа 1991 г.», в частности, отмечалось: «В период с 17 по 19 августа некоторые войска специального назначения КГБ СССР и спецподразделения ПГУ КГБ СССР были приведены в повышенную боевую готовность... 20 августа была проведена подготовка непланируемого ранее захвата здания Верховного Совета РСФСР группами специального назначения КГБ с использованием в этой операции подразделений СА, МВД... Тогда же, из-за невозможности ее проведения без значительных человеческих жертв со стороны мирного населения, штурм был отменен».

В тоже время в этом документе отмечалось: «Следует отметить принципиальность личного состава отдельных подразделений УКГБ по Москве и Московской области¹, группы «А» 7-го Управления КГБ СССР, группы «Б» ПГУ КГБ СССР, войск спецназа, частей погранвойск и других, которые заняли твердую позицию отказа от участия в возможных акциях против народа и законно избранных им органов власти...»².

¹ Подробнее об этом см.: *Савостьянов Е.В.* Спецслужбы на переломе. М., 2017. С. 8-20.

² История отечественных спецслужб и правоохранительных органов. URL: <http://shieldandsword.mozohin.ru/documents/solution.htm> (дата обращения 25.08.2019).

23 августа генерал-майор В.Ф. Карпухин был отстранен от командования подразделением. Впоследствии, в ходе судебного заседания по делу ГКЧП, он заявил, что не получал приказа о штурме «Белого дома».

Само же спецподразделение «Альфа» было передано в Главного управления охраны (ГУО) Российской Федерации, а его начальником стал полковник М.В. Головатов. Однако его территориальные отделения в Хабаровске, Краснодаре и Свердловске в феврале 1992 г. были переподчинены территориальным управлениям образованного Министерства безопасности Российской Федерации, а отделения в Белоруссии, Казахстане и Украине были переданы формирующимся органам безопасности этих республик СНГ.

Однако 4 июля 1992 г. Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина начальником Группы «А» ГУО вновь назначается генерал-майор Г.Н. Зайцев. И вновь началась напряженная повседневная работа по выработке и изучению тактик решения новых оперативно-служебных задач в стремительно изменяющихся социально-политических условиях в стране.

3–4 октября 1993 г. сотрудники «Альфы» приняли участие в разрешении острейшего политического кризиса в Москве. Получив однозначный приказ президента Б.Н. Ельцина «взять штурмом Белый дом», командир «Альфы» Г.Н. Зайцев и командир «Вымпела» Д.М. Герасимов по собственной инициативе вступили в переговоры с руководителями Верховного Совета и оппозиции, которые обеспечили безопасную эвакуацию людей из горящего здания¹.

В августе 1996 г. Группа «А» на правах отдела вошла в сформированный Антитеррористический центр ФСБ России, а 8 октября 1998 г., уже в статусе управления, – в Центр специального назначения ФСБ России.

¹ Мурин В.Б., Суродин В.И. Спецназ России: История и современность. М.: Граница, 2017. С. 84–85; Зайцев Г.Н. Указ. соч.

Руководство Группы «А» КГБ СССР выполнило поставленные перед ним задачи по созданию боеспособного оперативно-боевого подразделения, которое оказалось чрезвычайно востребованным в условиях усложнявшейся в стране оперативной обстановки. Уровень специальной подготовки сотрудников «Альфы» был исключительно высок. Об этом, в частности, свидетельствует назначение в 1983 г. сотрудника первого состава «Альфы» С.А. Голова начальником КУОС КГБ СССР.

Высокая профессиональная выучка сотрудников, их преданность долгу и личное мужество оказались востребованными в стремительно усложняющихся условиях оперативной обстановки в стране в конце 1980-х – начале 2000-х гг.

Всего за время своего существования сотрудники «Альфы» – управления «А» ЦСН ФСБ провели свыше 2000 специальных операций по освобождению заложников, аресту, ликвидации и нейтрализации особо опасных преступников. За этот же период подразделение антитеррора потеряло 32 своих сотрудника, чьи фамилии навечно зачислены в списки части.

29 июля 2000 г. по инициативе и на средства Г.Н. Зайцева на Николо-Архангельском кладбище Москвы был открыт памятник погибшим сотрудникам спецподразделений КГБ СССР – ФСБ РФ «Альфа» и «Вымпел», заложивший основу Мемориала спецназа органов госбезопасности.

А. В. Мерзанова
г. Москва

**Деятельность органов КГБ СССР по защите
общественно-политического строя в отечественной
историографии (1994–1999 гг.)**

Распад Советского Союза в 1991 г. стал отправной точкой перехода к современной системе международных отношений и определил новую геополитическую конфигурацию в мире. Значение данного явления, как для отечественной, так и для всемирной истории трудно переоценить. В связи с этим закономерно возникает вопрос о роли Комитета государственной безопасности СССР в событиях, предшествовавших распаду страны.

Особый интерес представляет деятельность 5-го Управления КГБ (1967–1989 гг.) и Управления по защите советского конституционного строя (1989–1991 гг.), которая до сих пор не получила взвешенной оценки.

В связи с этим актуальным является выявление основных направлений изучения данной проблематики в отечественной историографии (1994–1999 гг.)¹, которые будут рассмотрены в данном докладе.

В соответствии со взглядами историков относительно деятельности КГБ целесообразно выделить радикально-критическое и объективно-реалистическое направления.

Радикально-критическое направление

В 1994 г. вышла в свет статья В.Н. Березовского «Движение диссидентов в СССР в 60-х – первой половине 80-х годов». Автор подверг резкой критике деятельность КГБ в отношении инакомыслящих, которая, по его мнению, сво-

¹ Данная проблематика не находилась в фокусе исследовательского интереса в 1992–1993 гг.

дилась к «карательной психиатрии», ссылкам, заключениям в лагеря и принудительным увольнениям с работы¹.

В 1995 г. была издана коллективная монография Ю.В. Аксютин, О.В. Волобуева, А.А. Данилова, Л.Н. Доброхотова, В.В. Журавлёва, С.В. Кулешова, С.А. Павлюченкова, И.С. Розенталя, А.К. Сорокина, В.В. Шелохаева «Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия». Авторами кратко охарактеризована деятельность 5-го Управления КГБ, с созданием которого формы и методы борьбы с инакомыслием, по их мнению, стали более разнообразными и изощрёнными, а судебное преследование чаще заменялось административным. Исследователями отмечена и роль КГБ в организации контроля над деятельностью адвокатов на судебных процессах по политическим «делам» (оформление допуска к секретным материалам и принятие решения по результатам поведения адвокатов на судебном заседании, которое могло привести к лишению допуска, либо «изгнанию» из адвокатуры). Историками указано на применение «карательной психиатрии», когда даже снятие врачебного диагноза зависело от КГБ. Авторы показывают участие органов госбезопасности в кампании по дискредитации диссидентов и просто критиков правящего режима в СМИ и высылке их за границу. Практика вынесения КГБ официальных предупреждений оценена как вынужденная мера, связанная с невозможностью использования только открытых репрессий ввиду активизации диссидентского движения².

В 1995 г. на русском языке была впервые издана монография американских исследователей русского происхож-

¹ Березовский В.Н. Движение диссидентов в СССР в 60-х – первой половине 80-х годов // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С. 620.

² Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М.: РОССПЭН, 1995. С. 244–247, 269–270.

дения В. Соловьёва и Е. Клепиковой «Юрий Андропов: Тайный ход в Кремль». Авторами высказано мнение о том, что КГБ занимался физическим устранением сторонников диссидентского движения¹.

А.А. Давыдов, Л.А. Королёва и В.А. Баранов в статье «Власть, политический сыск и диссидентство в СССР в 60–70-е гг.» отмечают, что к диссидентам в СССР применялись следующие репрессии: лишение свободы, условное осуждение к лишению свободы, ссылка, высылка, исправительные работы без лишения свободы, принуждение к эмиграции, беседы с близкими родственниками и «косвенные» репрессии (понижение по службе, увольнение, «проработка», исключение из партии, анонимные угрозы по телефону, лишение учёных степеней). Особое внимание ими уделено заключению в психиатрические больницы и исправительно-трудовые лагеря. Применение органами КГБ политических убийств исследователи охарактеризовали как сомнительное и трудно доказуемое. Авторы изначально исходили из тезиса, что тоталитарный строй в СССР стремился полностью подчинить жизнь общества своим интересам, используя насилие, военно-политический террор и духовное порабощение населения. Отношение же к инакомыслию было однозначным – подавление и уничтожение. В заключении авторы сделали вывод, что деятельность КГБ по отношению к диссидентам являлась прямым продолжением сталинских репрессий, которые приобрели лишь более «цивилизованный» и «культурный» характер².

¹ Соловьёв В., Клепикова Е. Юрий Андропов: Тайный ход в Кремль. СПб: Б/и, 1995. С. 163–164.

² Давыдов А.А., Королёва Л.А., Баранов В.А. Власть, политический сыск и диссидентство в СССР в 60–70-е гг. // Политический сыск в России: история и современность. СПб: Изд-во СПбУЭФ, 1997. С. 215–220.

В 1998 г. издана монография А.Б. Безбородова «Феномен академического диссидентства в СССР»¹ (с сокращённым выступлением на конференции)², а в 1999 г. – аналогичная по содержанию статья «Академическое диссидентство в СССР»³. Автор подверг резкой критике деятельность 5-го Управления и Управления по защите советского конституционного строя. Исследователь отметил, что сотрудники других подразделений КГБ относились к сотрудникам 5-го Управления с презрением в связи с применением ими «грязных» методов работы с диссидентами (избиение, шантаж, заключение в психиатрические лечебницы, принуждение к выезду за рубеж и т.д.), но при этом считали его «весьма сильным» (в частности, за право подключать во второй половине 1970–х гг. 1-е Главное управление КГБ к разработке совместных планов по дискредитации и разложению диссидентского движения в СССР). Критически историк оценил и деятельность 5-го Управления по борьбе с национализмом, отметив, что она сводилась лишь к упоминанию в записках Ю.В. Андропова в ЦК КПСС национальности каждого из «антиобщественных элементов», о которых шла речь. Автор отметил использование карательной психиатрии в отношении инакомыслящих (в т.ч. с мерами физического воздействия) и частые фабрикация выводов судебно-психиатрических экспертиз.

¹ *Безбородов А.Б.* Феномен академического диссидентства в СССР. М.: Издательский центр РГГУ, 1998. 73 с.

² *Безбородов А.Б.* Академическое диссидентство и борьба за права человека в СССР // Право на свободу. Материалы международной конференции 29–30 октября 1998 г. «История борьбы за свободу в XVII–XX вв.» (к 50-летию одобрения Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека). М.: Издательский центр РГГУ, 2000. С. 60–74.

³ *Безбородов А.Б.* Академическое диссидентство в СССР // Русский исторический журнал. 1999. № 1. Т. II. С. 54–108.

Крайне низко исследователь оценил интеллектуальные способности сотрудников 5-го Управления, отметив, что инакомыслящий нередко представлял собой тип человека, более умного, образованного и информированного по сравнению с противостоящим ему представителем партноменклатуры или сотрудником органов госбезопасности. По мнению А.Б. Безбородова, огромная часть интеллектуальной собственности (в т.ч. конфискованной у представителей академического диссидентства научной и иной продукции) попала в руки офицерского корпуса КГБ, благодаря чему в 1990–е гг. именно он стал одним из главных собственников в стране¹.

В монографии Р.А. Медведева «Неизвестный Андропов. Политическая биография Юрия Андропова» диссиденты охарактеризованы как лица, открыто критиковавшие политику Советского руководства, а борьба с ними – как карательная деятельность и политические репрессии. По мнению исследователя, диссидентское движение было не инспирировано извне, а явилось следствием внутривнутриполитических факторов. Автор явился сторонником тезиса о применении в деятельности КГБ «карательной психиатрии»².

Не обошли стороной 5-е управление КГБ бывший сотрудник ПГУ КГБ, предатель О. Гордиевский и британский историк, специалист по международным отношениям и истории спецслужб профессор К. Эндрю. В вышедшей в 1999 г. на русском языке книге «КГБ. Разведывательные операции от Ленина до Горбачёва» авторами ошибочно указано, что 5-е Управление было создано после «пражской весны»,

¹ *Безбородов А.Б.* Академическое диссидентство в СССР. С. 63, 81–85, 96.

² *Медведев Р.А.* Неизвестный Андропов. Политическая биография Юрия Андропова. М.: Права человека, 1999. С. 117–122, 132.

и отмечено применение «карательной психиатрии», осуществлявшейся «психиатрами 5-го управления»¹.

В 1999 г. вышел в свет сборник материалов научно-практических конференций, состоявшихся в 1995 и 1996 гг. «Тоталитаризм в России (СССР) 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии».

О.В. Волобуевым отмечено, что 5-е Управление КГБ было создано «в конце 60-х годов для борьбы с оппозицией», а решение о развёртывании сети специальных психиатрических клиник было принято в 1969 г. по инициативе КГБ для помещения в них инакомыслящих².

В статье А.А. Данилова активизация борьбы органов государственной безопасности с инакомыслием рассмотрена с позиции попыток КГБ сохранить своё влияние в обществе после XX съезда КПСС, в условиях уменьшения страха советских граждан перед репрессиями. Автором отмечен факт создания 5-го Управления по инициативе Ю.В. Андропова, увеличение количества применения административных преследований вместо судебных, зависимость от КГБ адвокатов, выступавших на судебных заседаниях, применение «карательной психиатрии» (в т.ч. расширение сети специальных психиатрических больниц, подчинённых КГБ и МВД), введение практики вынесения письменных предупреждений. Период конца 1970-х – начала 1980-х гг. автор охарактеризовал как «генеральное наступление КГБ на инакомыслящих», отмеченное применением репрессий, не использовавшихся с момента смерти И.В. Сталина (массовые аресты женщин-правозащитниц, повторные аресты политзаключённых).

¹ Гордиевский О., Эндрю К. КГБ. Разведывательные операции от Ленина до Горбачёва. – Пер. с англ. П.В. Рубцова, В.В. Акимова. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 1999. С. 494.

² Волобуев О.В. Постсталинский тоталитаризм: власть и оппозиция // Тоталитаризм в России (СССР) 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии: Материалы научно-практических конференций. Пермь: Типография Пермского университета, 1999. С. 89.

чѐнных перед окончанием срока заключения, ужесточение приговоров, препятствия в адвокатской защите, отказ в предоставлении последнего слова, сокращение свиданий с родными, жесточайшие наказания заключѐнных за мельчайшую провинность). А.А. Даниловым сделан вывод, что репрессии КГБ объективно могли лишь задержать, но не остановить общественные движения, целью которых являлись реформирование общества и демонтаж тоталитаризма¹.

Объективно-реалистическое направление

В 1998 г. опубликована статья А.И. Кокурина и Н.В. Петрова «КГБ: структура, функции, кадры», в которой авторами приведена справочная информация об обстоятельствах создания 5-го Управления. При этом исследователями дана довольно спорная оценка данного факта как самого значительного шага Ю.В. Андропова на посту председателя КГБ².

Авторами издания «Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки» дана высокая оценка деятельности Ю.В. Андропова и создания по его инициативе 5-го Управления КГБ. Отмечено, что усилиями сотрудников 5-го Управления пресекались действия существовавших в СССР и за рубежом организаций и групп экстремистского толка, а в отдельных случаях и террористические акции (к примеру, оперативно-разыскные мероприятия в отношении террориста С. Затикяна и его сообщников, совершивших в январе 1977 г. три взрыва в Москве и готовивших новые). При этом авторы отметили, что под нажимом партийных орга-

¹ Данилов А.А. Борьба КГБ с инакомыслием в СССР в середине 1960-х – начале 80-х гг. // Тоталитаризм в России (СССР) 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии: Материалы научно-практических конференций. Пермь: Типография Пермского университета, 1999. С. 103–106.

² Кокурин А., Петров Н. КГБ: структура, функции, кадры. Статья восьмая (1954–1967) // Свободная мысль. Теоретический и политический журнал. 1998. № 2 (1471). С. 123.

нов, которые не могли отстаивать свои позиции в обществе в открытом интеллектуальном состязании, сотрудники 5-го Управления выполняли не свойственные им функции (преследование инакомыслящих, вмешательство в дела религии, интеллигенции и сферу искусства)¹.

Таким образом, в рассмотренном комплексе исследований отчётливо прослеживается тенденция перехода от советской концепции истории отечественных органов государственной безопасности к её прямому антиподу – постсоветской концепции, характерной для историографии 90-х гг. XX века.

При этом практически не приходится говорить о плюрализме мнений, в защиту которого так выступали сторонники инакомыслия. В историографии 90-х гг. XX в. отмечается отчётливая тенденция к мифологизации диссидентского движения и противопоставлению «узников совести» «палачам из КГБ». Лишь в 1998–1999 гг. появились отдельные открытые публикации объективно-реалистического направления. Примечательно и отсутствие исследований апологетического характера. В связи с этим актуальной является задача объективного исследования деятельности органов КГБ, в частности, 5-го Управления и Управления по защите советского конституционного строя, и популяризации полученной информации с целью формирования адекватного общественно-политического мнения по данному вопросу.

¹Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», АО «Московские учебники и Картолитография», 1999. С. 287–289.

И один «Топаз» против НАТО – воин

73-летний Р. Рупп был одновременно и агентом «Топазом» разведки ГДР, и ведущим экспертом НАТО в штабквартире в Брюсселе, допущенным ко всем секретам военного альянса. А его жена англичанка Энн-Кристиан, оперативный псевдоним «Бирюза», на первых порах помогала мужу, работая секретаршей в том же серьезнейшем учреждении до 1980 г., когда родился первый ребенок, и с разведкой для нее было закончено.

Иногда среди историков спецслужб разворачиваются споры: кто же принес в годы «холодной войны» наибольшую пользу странам Варшавского договора (ВД) (или нанес наибольший урон НАТО) – «Топаз», завербованный в 1968 г. и арестованный в 1993 г., или другой разведчик из ГДР – Г. Гийом, трудившийся с 1972 по 1974 гг. помощником у канцлера ФРГ В. Брандта и раскрытый, арестованный и обмененный? На наш взгляд, 10 тысяч переданных разведке ГДР суперсекретных документов и долгие годы работы склоняют чашу весов в пользу «Топаза».

Арест любого разведчика – беда для него и для службы, на которую он работал. Р. Рупп испытал это сам. В любой стране разоблачения чужих разведчиков, шпионов, агентов воспринимают болезненно.

Но из всех спецслужб мира «Штази», противники называют ее только так, и сегодня не просто одна из наиболее преследуемых и гонимых. Она больше не существует, а за ее сотрудниками по-прежнему ведется настоящая охота. Поймать, посадить, привлечь к суду человека из «Штази» в Германии, США, да везде считается и в наши дни особым успехом. Именно ее агенты десятилетиями водили противника за нос. Западным немцам возмездие видится именно

таким. Само понятие «Штази» усилиями прессы и общественного мнения превратилось едва ли не в ругательство. Но кто скажет, дожил бы мир до XXI в., если бы внешняя разведка ГДР не добиралась до секретов, способных разорить, стереть с лица земли государства из другого лагеря? Может, установившийся в «холодную войну» относительный паритет между Востоком и Западом, как раз и есть главная заслуга министерства государственной безопасности ГДР...

В НАТО есть документы разной степени секретности. Есть грифы «секретно», «совершенно секретно» и «космик» – то есть абсолютно и строжайше секретно. Третья категория – важнейшая. Добиться до документа с грифом «космик» – честь для любого разведчика. За ними Райнер Рупп и охотился. Часто – довольно успешно. Есть и четвертая категория. Два-три руководителя обмениваются информацией исключительно между собой, не доверяя никаким носителям информации: ни бумажным, ни компьютерным, не говоря о подчиненных.

Прочитать документ под грифом «космик» при его должности в НАТО было, в принципе, можно. Но запомнить многостраничный текст – нельзя, нереально. Заснять микрофотоаппаратом, когда рядом может оказаться хоть кто-то, – неоправданно рискованно. Однако Райнер эти документы доставал, переснимал, передавал по назначению.

Исключая какие-либо подробности, отметим: основную роль играли настойчивость, смелость «Топаза» и, конечно, все тот же человеческий фактор. Умение воспользоваться представившимся случаем и превратить его усилиями разведчика из отдельно взятой благоприятной ситуации в сложившуюся и потому повторяющуюся закономерность.

Так, в ГДР, а вскоре и в Москве, появился подробнейший документ «космик топ секрет» под литерой «МС-161». В нем детально и исключительно профессионально натовцы анализировали все попадавшие к ним сведения о Варшав-

ском договоре. Становилось понятно, что знает о нас потенциальный противник. И, что тоже важно, о чем не имеет представления. Документ каждый год обновлялся. В его составлении участвовали от 40 до 43 комитетов и подкомитетов НАТО. Особенно заметную роль в постоянном совершенствовании «МС-161» играли военные комитеты.

Но не только. Его ценность была бы не так высока, если бы в работе над ним не принимали участие эксперты, специализировавшиеся в самых различных областях – не только в военной, но и в политической, экономической, научной... Они собирались вместе, анализируя данные по «своим» странам – Советскому Союзу, Польше, Румынии, ГДР.

Например, как под микроскопом, в НАТО изучались малейшие перемены в советской военной доктрине. Внимательнейше и со всех сторон обсуждались перестановки в военном руководстве Варшавского договора. Любое становившееся известным натовцам усовершенствование в вооружении живо раскладывалось по полочкам не только в комитетах НАТО, но и доводилось до сведения его экспертов, высказывавшим затем свое мнение по эффективности внедряемых СССР и его союзниками новинок. Огромное внимание придавалось ракетам пока неизвестного еще типа, поступавшим в распоряжение армий ВД. Разрабатывались планы по их дальнейшей оценке, рассчитывались сроки, когда страны Договора смогут применить их на практике. А потом эксперты давали еще один прогноз: как, в какой степени достоверны выводы, предоставленные тем или другим комитетом и подкомитетом и привлеченными ими специалистами.

Советский Союз считался наиболее важным объектом изучения. Каковы намерения противоборствующей стороны, на что она способна, как обучают применению новейших вооружений, как среагируют Советы с союзниками на то или иное действие НАТО? В чем слабость СССР и правильно ли нащупано разведкой западных стран то, что вы-

дано за слабость или рассматривалось таковой? Но ни одна другая страна Варшавского договора не была обделена вниманием.

Наибольшую лепту в составление и обновление «МС-161» вносили США с их разветвленной разведывательной системой. Никто из союзников по НАТО и близко не приближался к Штатам по глубине погружения в дела противника.

Документы «МС-161» позволяли СССР понять, как противодействовать НАТО. Заставляли работать на то, чтобы предотвратить утечки. Давали возможность проанализировать, что натовцы знают и чего не знают о Варшавском договоре. Как осуществляется сотрудничество и обмен данными о ВД внутри НАТО. Какие районы обороны СССР и его союзников натовцы рассматривают, как наиболее уязвимые. Обладание «МС-161» открывало если не все, то многие натовские козыри. Можем предположить, что практически все.

И еще немаловажный аспект. Министерство госбезопасности ГДР несло на содержание разведчика минимальные расходы. Не приходилось ничего покупать или кого-то подкупать. «Топаз» работал за идею.

Но как же удалось разведке ГДР разгадать в 23-летнем парне будущего суперагента?

Это произошло еще в 1968 г. Старшее поколение, возможно, не забыло о молодежных волнениях, потрясших тогда Европу. Рупп был среди демонстрантов. Однажды после очередной манифестации, сидя с приятелем за кружкой пива, горячо и уж точно громко, обсуждал грядущую революцию, возможно, и мировую. А когда пришло время расплачиваться с официантом, на первый план вышла проза жизни: они с другом слишком увлеклись, и для расплаты не хватало пфеннингов 50-60. И тогда сидевший в углу пивной человек вежливо попросил записать наши ничтожные рас-

ходы на его счет и заказал всем еще по кружке. Молодые люди обсуждали с ним приближение революции.

Потом они снова встретились. Спорили. Рупп не соглашался с радикальными взглядами нового знакомого. Райнера, в отличие от него нового знакомого, было нельзя назвать твердым приверженцем коммунизма. Но в том, что обществу нужно меняться, они точно сходились. Это сближение и привело молодого немца в том же 1968 г. в школу разведки: его собеседник оказался офицером Министерства государственной безопасности ГДР...

В 1969 г. Рупп оказался в Бельгии. В 1977 г. его приняли на работу в политический отдел управления экономики НАТО.

Райнеру удалось распознать, что Стратегическая оборонная инициатива (СОИ) – это, как сказали бы сегодня, фейк. СОИ, «звездные войны» были выдуманы США, чтобы заставить СССР тратить миллиарды на вооружения, на защиту от американских смертельных игрушек, в реальности не существовавших. А советская казна и без того трещала к тому времени по всем швам.

Следует отметить, что СОИ ввела в определенное заблуждение и союзников по НАТО – в некоторых государствах Западной Европы всерьез начали размышлять, какое влияние окажет СОИ на мировой стратегический баланс сил. В ФРГ над инициативой особенно задумались. Ведь в случае чего именно эта часть старого континента подверглась бы сокрушительному военному воздействию. Потому западноевропейцы подталкивали США к взаимодействию, им бы хотелось превратить СОИ в некий совместный проект. Это давало бы возможность быть в курсе, по существу следить за продвижением развития СОИ. А американцам этого как раз и не нужно было.

Но все же решили в целях координации создать подкомитет, занимающийся только этим вопросом и который бы

находился под крышей управления оборонительной поддержки НАТО.

В штаб-квартире НАТО было принято, чтобы каждый заместитель генерального секретаря курировал свое направление. А за этим наблюдал американец, приближенный к администрации Р. Рейгана. Мультимиллионер или даже миллиардер, он как только мог, поддерживал СОИ, хотя, являясь сугубо политическим протеже администрации, не слишком представлял, что она из себя в действительности представляет.

Американец выяснил, что Рупп зарекомендовал себя добросовестным работником, поэтому предложил включить его в новый подкомитет с задачей изучать политическое влияние создания СОИ. Райнер согласился, и его отправили в двухнедельную командировку в Вашингтон, где он получил почти полное представление о Стратегической оборонной инициативе.

Руппу стало понятно техническое программирование СОИ. И если в наши дни программированием занимаются компьютеры, то в те годы программы писались собственными руками, их печатали на машинках. Тут исключительно важно понять: если в программе будет хоть одно малейшее несоответствие – лишняя запятая или ее отсутствие, неправильная буква, опечатка - всей гигантской СОИ никак не сработать.

Возникал вопрос: а как вообще может функционировать система, если вы лишены возможности протестировать ее в реальности? И, в таком случае, можете ли вы вообще положиться на СОИ, которая не прошла ни единого непосредственного испытания? Если идти дальше, считая, что на СОИ нельзя до конца положиться, то как же вы сможете использовать ее в качестве средства настоящего политического давления на другие страны?

Было ясно, что реальная ситуация с СОИ совершенно отличается от запланированной. А провести ее тестирова-

ние невозможно. Суммируя все изученное, сказанное и в деталях обсужденное, Рупп представил отчет, полный критических замечаний. Чтобы не вступить в противоречие с американцами, он не написал: СОИ практически не работает. Однако его доклад наводил именно на эту мысль. В таком случае, как же тогда НАТО сможет политически надавить на Советский Союз, если они не воспримут эту инициативу всерьез? И в СССР не стали тратить миллиарды, чтобы противостоять США с их СОИ.

В 1983 г. Соединенные Штаты решились на рискованную, провокационную операцию под названием «Опытный лучник».

На всех границах, контролируемых НАТО, началось некое движение. В движение пришли войска. Дороги, словно намеренно, забила военная техника. Американские самолеты появлялись на самых северных окраинах Советского Союза. Турецкая граница кишела диверсантами. Все это делалось единым скоординированным усилием. В печати поднялась бешеная антисоветская кампания. И надо же, чтобы в эти же месяцы не вдруг запланированных маневров, советская ракета сбила южно-корейский пассажирский «Боинг» с 249 пассажирами на борту. Все погибли. Это еще больше накалило страсти.

В СССР заволновались. Некоторые наши руководители пришли к неверному выводу: НАТО во главе с США готовит необъявленный и мощный ядерный удар по Советскому Союзу. Ждали войны.

НАТО пыталась сыграть на нервах всех членов Варшавского договора: как раз во время учений «Опытный лучник» противнику пытались внушить, что силы альянса готовы нанести ядерный удар без всякого предупреждения. Это был тщательно проработанный план. Искали бреши в обороне. Прикидывали, можно ли устраивать акты саботажа на чужой территории. Анализировали, как Варшавский дого-

вор готовится ответить на явную угрозу. Координировали действия армий разных государств – членов НАТО.

В Брюсселе создали две группы: постоянной разведки и постоянных оперативных действий. Обе возглавил Рупп.

Эти группы должны были держать ситуацию под контролем, отдавать приказы, следить за их выполнением. Старались быть в курсе передвижения всех советских войск, местонахождения их подводных лодок. Особое внимание уделялось Норвегии. Информация, в основном поставляемая натовской разведкой, постоянно взвешивалась, оценивалась.

Советская разведка вовремя получила информацию, что все это – не подготовка к нанесению ядерного удара без предупреждения, а провокация, прощупывание намерений противоборствующей стороны. В НАТО многого не знали, не имели представления о нахождении командных пунктов Советской армии. Они именовали такое балансирование на грани «выяснением возможностей гибкого ответа» со стороны противника. Конечно, средства для этого были выбраны негодные, опасные для всего человечества.

Американцы попутно выясняли возможности «победы в ограниченной ядерной войне». Для этого, считали они, надо «обезглавить командные пункты противника», что парализует сопротивление Советской армии. СССР даже не успеет направить свои ядерные ракеты в сторону США: приказы отдавать будет некому. Разрушив коммуникации, сразу уничтожив командный состав и партийную верхушку, они вынудят СССР капитулировать, перережут еще оказывающих сопротивление.

В Вашингтоне Руппа пытались убедить в том, что в случае неожиданного нападения с конкретно обозначенными целями и точечными бомбардировками НАТО сумеет избежать крупных потерь. А в СССР, где благодаря лимитированным ударам по его территории, не все население будет уничтожено, приход натовских войск выжившие встретят

восторженными криками. Ядерные бомбы меньшего разрушительного потенциала помогут сохранить личный состав натовских сил. И к тому же, потери гражданского населения в странах западного альянса, хотя и неизбежны, но тоже «лимитированы».

А в штаб-квартире НАТО в Брюсселе, в закрытом для посторонних глаз помещении, была установлена сотня специальных щитов. На них отражались три цвета – зеленый, желтый, красно-оранжевый. И каждый цвет соответствовал ситуации, сложившейся на том или ином участке расположения сил противника. Например, красно-оранжевый обозначал, что, по мнению разведки и военных, ядерные ракеты, например, в Восточной Германии, приведены в положение боевой готовности к пуску. Или около штаба, где заседают руководители Варшавского договора, даже ночью припаркованы два десятка лимузинов и почти во всех окнах горит свет – в этом случае на щите – желтый. И чем отчетливее опасность, тем больше красного и оранжевого цвета.

В СССР это вызывало немалое беспокойство. Потом НАТО начало маневры, беспокойство перешло в тревогу, которая достигала пика в последние два года противостояния между блоками. И каждый раз при встрече со связником, Роппа стали расспрашивать, как он оценивает все происходящее. Советская сторона считала, что ситуация постепенно превращается в более опасную, близкую к критической.

Однако положение Роппа в ситуационном центре НАТО давало основание успокаивать руководство Советского Союза. Что-то совсем непредвиденное, роковое, несущее угрозу всему миру, могло произойти только в одном случае: если бы американцы проигнорировали НАТО и принялись действовать только по собственному усмотрению. «Топаз» понимал: такое очень и очень маловероятно. Да они просто не решатся. И он давал понять: серьезность положения

нельзя недооценивать, и все же оно не угрожающее, одними оранжево-красными цветами не окрашенное.

Тут было очень важно ни в коем случае не ошибиться. И Райнеру приходилось следить за положением дел денно и ночью. Чтобы не сбиться, снимал все документы на пленку.

Каждые шесть недель приходилось смотреть, какие изменения произошли, и сообщать о них. Надо было все время находиться в офисе, внимательно анализировать, что же нового появляется в ситуационном центре, сравнивая результаты с теми, что были отражены до того.

Пик поджидавшей опасности пришелся на осень 1983 – на маневры «Опытный лучник».

Впервые американские баллистические ракеты «Першинг», расположенные в Европе, были выведены в конце осени – начале зимы 1983 г. из укрытий и отправлены для развертывания в боевых условиях.

Высшее военное руководство ГДР пришло к неверному выводу: мир на грани. И попыталось убедить в этом советских коллег по оружию.

Здесь «Топаз» вынужден был использовать некоторые методы связи, которые позволялось приводить в действие лишь в чрезвычайной ситуации. Она, как полагали в Восточном Берлине, и настала. Каждый день он выходил на связь. Докладывал: в ситуационном центре Брюсселя ничто не свидетельствует о приближающемся нападении.

И в это же время поток обмена информацией между Брюсселем и Вашингтоном превратился в необузданный водопад. В Москве полагали, что все это связано с уже закончившимися учениями «Опытный лучник». И Руппу, к счастью, удалось сообщить, что это не так. Продолжалось бряцание ядерным оружием. А нападать на СССР – побоялись.

Председатель КГБ СССР В.А. Крючков годами позже поведал об этом в интервью одному из крупнейших телеканалов ФРГ. В СССР знали, что войны на этот раз не будет.

Но вот Р. Рейган об этом и не подозревал, думал, будто американцам и НАТО удалось ввести Москву в заблуждение.

Впоследствии и в США согласились: да, осенью 1983 г. мы были на грани войны. Подтверждение тому и документы, хранящиеся в Национальном архиве Соединенных Штатов. Директор архива написал об этом в своей книге. Но, естественно, перевернул все это на американский лад, обзвав опасения СССР «советской военной параонойей». А его соотечественники лишь «играли в войну».

И потом в Германии, после двух документальных фильмов на эту тему, поднялась небольшая дискуссия: действительно ли благодаря усилиям разведчика из ГДР была предотвращена Третья мировая война?

Можно считать и так.

За все годы, начиная с 1968-го и заканчивая своим арестом в 1993-м, «Топаз» не допустил ни одной ошибки, не сделал ни единого промаха. Но, как же получилось, что контрразведка БНД на него вышла?

У Руппа нет на этот вопрос абсолютно точного ответа. Есть лишь предположения, размышления, выводы, близкие к истине. «Топаз» полагает, что его выдал перешедший на ту сторону доктор Х. Буш.

У доктора Буша была высокая репутация в «Штази». Иначе бы его не послали в командировку в Москву, где он проработал три года. Весной 1989 г. вернулся в Берлин, где во многом занимался тем же, что и в Москве. Вполне объяснимо, что ему пришлось работать и с документами, переданными человеком, известным лишь под оперативным псевдонимом «Топаз». Бушу и в Берлине попадалось это имя. Но выяснить, кто это лишь по псевдониму было невозможно. Прошло шесть – девять месяцев после возвращения Буша. И под Рождество, 23 декабря, он с разрешения руководства отправился на некую важную встречу – «круглый стол» в Восточном Берлине. Но вместо «круглого стола»

Буш рванул в Западный Берлин и сразу в БНД – разведку ФРГ. Никаких документов при нем не было. Все, что он знал о Руппе – это оперативный псевдоним и регистрационный номер. Но чей он, кому принадлежал, Буш не догадывался. Зато знал, что на западной стороне долгое время действует разведчик, предположительно работающий в брюссельской штаб-квартире НАТО и передающий оттуда «чувствительную информацию».

Начался поиск «Топаз». В НАТО создали специальную группу расследования. Силились воедино усилия нескольких спецслужб: военной разведки, западногерманской контрразведки, криминальной полиции, государственной безопасности ФРГ, офиса генеральной прокуратуры, экспертов НАТО.

Хотя сведений о «Топазе», казалось, набралось немало, это никак не ускорило ход расследования. Напрашивался вывод: вряд ли одному человеку под силу передавать столько документов. Расследователи предположили, что под этим псевдонимом скрывается разветвленная разведывательная сеть. Эту догадку подтверждало и то, что «чувствительная информация» касалась самых разных направлений деятельности НАТО. Было точно подмечено, что с течением лет поток секретной информации нарастал. Расследование словно зависло. Ближе всех к разгадке находился все тот же Буш. Как военный аналитик он преуспел в анализе именно секретных военных материалов. Однако и он избрал ошибочный путь. Раскрылось еще одно имя агента из «Штази» - «Мозель» – первый оперативный псевдоним Руппа. В 1979 его изменили на «Топаз». Видимо, «Мозель» запутал расследователей, даже Буша.

Впрочем, развязка близилась. После падения ГДР многие документы из архива «Штази» были захвачены БНД. Рупп был в курсе, но не бежал. Почему? А куда было бежать...

После того, как М. Вольфа в Москве не приняли, а тяжело больному бывшему руководителю ГДР Э. Хоннекеру отказали в убежище, и он уехал в Чили, к дочери, которая была замужем за чилийцем...

В первые годы после распада Советского Союза в России сложно было кому-либо доверять... Рупп уничтожил все, что могло навести на мысль о его сотрудничестве с ПГУ КГБ и «Штази». Но архив последней тщательно спецслужбами ФРГ и США.

Райнера арестовали 30 июля 1993 г. прямо на дне рождения его мамы.

Разведчик не решался сказать со 100-процентной точностью, кто и как сумел сопоставив все факты, доказать, что «Топаз» – это Райнер Рупп. Он уверен: никто из бывших коллег по службе его не предал. По его мнению, расследователи натолкнулись на некие данные из той части картотеки, что не успели сжечь сотрудники «Штази»...

Судопроизводство в Германии устроено так, что для обвинения в нем не требуется прямых доказательств. Достаточно и косвенных. Суд приговорили Руппа 12 годам, так и не предоставив доказательств. Он отсидел 8 лет в одиночной камере.

Райнер не называл условия содержания невыносимыми. Большинство охранников относились к нему с сочувствием. Тюремщики знали, что он боролся за доброе дело. Хотел, как и многие, предотвратить ядерную войну и использовал для этого средства, находившиеся в его распоряжении. Заключенному разрешали читать, не ограничивали в переписке.

Райнеру писали люди со всей Германии. В тюрьму присылали не только пожелания выдержать, но и продукты. Это очень скрашивало жизнь...

А кто-нибудь из тех, на кого он 15 лет работал, поддерживать как-то пытались?

Друзья этого делать не могли. «Штази» больше не существовало. Россия молчала...

Какая же человеку выпала трудная судьба... Сколько он сделал для ГДР, для нас, для мира. Как трагически все закончилось, и с каким достоинством мужественный Райнер Рупп – «Топаз» вынес все невзгоды...

202
Для заметок

203

Научное издание

Лубянские чтения-2019. Советские органы государственной безопасности в годы Второй мировой войны.
К 75-летию победы.

Сборник материалов XXIII научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке»
Москва, 22 ноября 2019 г.

Печатается в авторской редакции
Всего пронумеровано 204 стр.
Подписано к печати _____._____ 2020 г.
Авт. л. _____ Усл. печ. л. _____

Заказ № _____ Тираж **5** экз.
Рег. № 15/19/

Стоимость экземпляра _____ руб.
